

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова»

М. Д. Чертыкова

МЕНТАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Абакан
2021

УДК 81'367.625:811.512.153
ББК 81.634.51-31
Ч505

*Печатается по рекомендации Научно-технического совета
и по решению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»*

Рецензенты: **Н. Н. Ефремов**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела якутского языка ФГБНУ «Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера» СО РАН, г. Якутск;
И. М. Чебоचाкова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», г. Абакан

Чертыкова, Мария Дмитриевна

Ч505   Ментальные глаголы в хакасском языке / М. Д. Чертыкова. – Абакан: Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2021. – 160 с.
ISBN 978-5-7810-22

Монография посвящена системному описанию лексико-семантической группы глаголов и фразеологизмов со значением мыслительной деятельности в хакасском языке. В работе рассматриваются особенности семантической, парадигматической и синтагматической организации ментальной глагольной лексики, приводится семантическая классификация исследуемой лексико-семантической группы, даётся детальный анализ семантики глаголов и фразеологизмов, выявляются их системные взаимоотношения, а также функционирование в различных стилях речи. Результаты анализа материала могут быть использованы при составлении словарей идеографического типа.

Издание предназначено широкому кругу лингвистов, языковедам-тюркологам, преподавателям, а также рассчитано на использование в вузовских лекционных и практических курсах, в частности, Института филологии и межкультурной коммуникации ХГУ им. Н. Ф. Катанова, при подготовке магистрантов по направлению 45.04.01 Филология. Профиль: «Хакасский язык, литература, культура», бакалавров по специальностям 44.03.05 Педагогическое образование. Профиль: «Хакасский язык и литература. История», 44.03.05 Педагогическое образование. Профиль: «Хакасский язык и литература. Иностранный (английский) язык», аспирантов по специальности 45.06.01 Языкознание и литературоведение: 10.02.02 Языки народов Российской Федерации (хакасский язык).

УДК 81'367.625:811.512.153
ББК 81.634.51-31

ISBN 978-5-7810-2130-7

© ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2021
© Чертыкова М. Д., 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КАК СИСТЕМЫ	7
1.1. Глагольная лексика в системной организации языка	7
1.2. ЛСГ глаголов как фрагмент системности языка	11
1.3. Внутрисистемные взаимоотношения глаголов	18
1.4. Глагольная репрезентация языковой ментальности	23
1.4. Обзор исследований ментальных глаголов в тюркских языках	25
Глава II. ХАКАССКИЕ МЕНТАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	30
2.1. Общие сведения	30
2.2. Глаголы со значением интеллектуального процесса (мышления)	31
2.2.1. Семантическая структура глагола <i>сагын</i> - «думать» и его производных	32
2.2.2. Глаголы со значением понимания	38
2.2.3. Глаголы со значением внимания и сосредоточенности	45
2.2.4. Глаголы со значением контроля (проверки)	53
2.3. Глаголы со значением интеллектуального состояния (знания)	53
2.3.1. Глагол <i>нил</i> - «знать» и его производные	60
2.3.2. Глаголы со значением мнения	65
2.3.3. Глагольные средства, выражающие операции памяти	71
2.3.4. Семантическое пространство <i>сагыс</i> «мысли, дума» + глагол»	80
2.4. Ментальные глаголы, не имеющие синонимических связей	84
2.4. Семантическая структура ментального глагола: к проблеме многозначности	87

2.6. Базовые обозначения мысли в сибирских тюркских, киргизском и монгольском языках	99
ГЛАВА III. СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ	109
3.1. Обязательные позиции конструкций ментальных глаголов	109
3.1.1. Позиция субъекта ментальных глаголов	114
3.1.2. Позиция объекта и его разновидности	119
3.1.2.1. <i>Выражение объекта формой винительного падежа</i>	119
3.1.2.2. <i>Объектный инфинитив</i>	129
3.2.3. Объектный делибератив	131
3.3. Типовая сочетаемость ментальных глаголов	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	137
СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	145
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ	147
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	149
Приложение 1. ЛСГ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ	150
Приложение 2. СПИСОК МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	157

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из важнейших базовых аспектов в духовно-психической деятельности человека является его ментальная функция. Важность этой функции отражается в языке. Тем самым исследование человека через язык стоит в ряду актуальных теоретических и прикладных вопросов языкознания. Лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) ментальных глаголов, как одна из форм проявления антропоцентризма, представляет основной и важный пласт лексической системы любого языка. ЛСГ ментальных глаголов являются ядерными для любого языка, глагольные единицы которого обладают национальным своеобразием своей семантики и употребления. Ментальные глаголы хакасского языка отличаются малочисленностью и в то же время сложностью и многослойностью своей семантической структуры. Соответственно, лексические подсистемы в структуре ЛСГ находятся в условиях парадигматических, семантических и синтагматических пересечений.

В монографии представлены результаты исследования, целью которого является лексико-семантическое описание ментальных глаголов хакасского языка. Системно-семантический аспект исследования этих лексических единиц связан с вопросами классификации, структурирования, семантики слова и его положения в лексико-семантической системе языка. Исследования ЛСГ глаголов в разных языках направлены в первую очередь на решение этой проблемы. Слово в нашем случае – глагольная единица, которые выступает главным носителем лексического значения. Для выявления семантической и синтагматической специфики ментальных глаголов мы концентрировали своё внимание на таких вопросах, как структурный подбор, выделение границ ЛСГ, особенности её организации, проявление системности в языке, внутрисловные семантические процессы и системные взаимоотношения ментальных глаголов, дифференциация оттенков в семантике конкретного глагола, выявление особенностей сочетаемости и функционирования в тексте.

Тема ЛСГ ментальной лексики является малоизученной не только в хакасском, но и в других тюркских языках. В целом же современная тюркская лексикология характеризуется перспективностью изучения системной лексики, необходимостью детального описания глубинной семантики, парадигматики и синтагматики.

Научная новизна данной работы состоит в том, что Содержат результаты впервые проведенного специального исследования ЛСГ ментальных глаголов хакасского языка не только в хакасском, но и в других тюркских языка. Впервые исследуется внутренняя сложная структура данной ЛСГ, устанавливается характер взаимоотношений между членами

выделяемых групп и подгрупп, описываются сочетаемостные способности и особенности функционирования данных глаголов.

Основными *методами* работы при исследовании ментальных глаголов являлись компонентный анализ, который рассматривает значение слова как состоящее из элементарных смыслов (признаков, компонентов, сем), и метод контекстного (дистрибутивного) анализа, позволяющий выявить различные оттенки значений исследуемых глаголов при их сочетаемости с другими членами предложения. Для изучения ментальных глаголов хакасского языка применяется системно-функциональный подход, когда анализу подвергается весь словарный состав ЛСГ, поскольку на основе сочетаемости наиболее ярко выявляются те или иные дифференциальные признаки семантики глагола.

Материалом для исследования послужили глаголы и фразеологизмы со значением мыслительной деятельности, картотека которых включает более ста единиц в более чем в двух тысячах употреблений, собранных методом сплошной выборки из произведений хакасских писателей, фольклорных текстов, публицистики и разговорной речи.

Научная и практическая ценность исследования. Результаты исследования могут быть использованы в современных исследованиях по общему языкознанию и лексикологии хакасского и других тюркских языков, в вузовских лекционных и практических курсах. Материал исследования, подвергшийся в ходе работы компонентному и семному анализу, может быть хорошим подспорьем при составлении идеографических словарей.

Глава I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КАК СИСТЕМЫ

1.1. ГЛАГОЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКА

Лексический состав любого языка представляет собой систему как широкое пространство взаимосвязанных лексических единиц. Ни одно слово не существует относительно изолированно от его общей номинативной системы. Слова объединяются в различные группы на основе тех или иных общих признаков. Системный подход изучения лексики – одна из характерных черт лингвистических исследований XX века, поскольку изучение не только отдельных слов, но и тематических групп слов, как части системы языка, даёт возможность их более глубокого познания.

Впервые идея о том, что язык представляет собой систему, было выдвинуто Фердинандом де Соссюром в его «Курсе общей лингвистики», изданном в 1913 году. В советском языкознании в 30-е годы Л. В. Щерба и В. В. Виноградов выдвинули ценные положения о том, что слова каждого языка образуют систему, и становление общетеоретических основ исследования лексики как системы связано с их именами [Виноградов, 1977; Щерба, 1974]. Однако признание системы в лексике произошло позднее, в середине 50-х годов, и было менее единодушным. В. В. Виноградов разрабатывал общетеоретические основы и конкретные методы практического исследования лексики как системы. Им впервые введено понятие лексико-семантической системы, основывающейся на семантических связях слов. Л. В. Щерба, вслед за немецким учёным Й. Триром [1931], развил идею о том, что «слова каждого языка вполне понятны только внутри этой системы» [Щерба, 1974, с. 39].

М. М. Покровский, исследуя исторические изменения значений слов, обратил внимание на то, что слова группируются в семантические ряды, тем самым принадлежат к одной и той же сфере представлений. «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [Покровский, 1959, с. 82]. Это положение позволяет рассматривать в системном аспекте и большие разряды слов (тематические классы, семантические поля, ЛСГ), и более мелкие разряды (семантические гнезда, синонимические ряды). Вопрос членимости лексики, а также проблемы изучения лексической семантики в целом и семантики глагола в частности привле-

кали внимание и зарубежных лингвистов. При этом достаточно внимания уделялось проблеме лексической вариативности [Lyons, 1977 и др.], выявлению семантических особенностей группировок глагольных лексем как особого класса слов, их функционированию в определённом дискурсе [Ketterer, 1971; Mäkilä, 1988 и др.].

Зарубежными лингвистами также часто применяется комплексный функционально-когнитивный подход, позволяющий выделить одну из групп глагольных предикатов и исследовать ее в аспекте функциональной и когнитивной соотносённости. Полагаем, что правильное направление: именно соединение функционально-семантического и семантико-когнитивного аспектов анализа лексики позволяет изучить языковой материал в процессе функционирования (при производстве речи) и составить полное представление о языке. Небезынтересно в этом плане изучение концептов, давно начатое, но активно проводимое и сегодня в зарубежной лингвистике. Поскольку одной из самых важных структур человеческого (ментального) знания о мире представляется концепт, представляется возможным привлечь знания о способах его репрезентации для выявления компонентов лексического значения. В последние десятилетия применение принципов когнитивистики способствует установлению связи между языковыми явлениями и «единицами» сознания, обусловленными способностью человеческого интеллекта к познанию. Рассмотрение языковых сущностей в когнитивной парадигме позволяет связать языковые сущности с принципами категоризации окружающего мира, принятыми человеческим сообществом, говорящим на том или ином языке.

Современная отечественная лексикология имеет богатые традиции описания лексических уровней языка. Наиболее активно обсуждаются вопросы системности лексики в отечественной лингвистике, в частности, в трудах Э. В. Кузнецовой [1982], Д. Н. Шмелева [1973], Л. М. Васильева [1971], А. А. Уфимцевой [1968, 1970], Т. М. Недялковой [1960], Е. В. Прониной [2007], и др. Общее положение всех этих учений сводится к тезису, изложенному в работе А. А. Уфимцевой «Опыт изучения лексики как системы». Автор, изучая вопросы лексики как системы, отметил границы лексической системы языка, для которой «характерны не только чисто смысловые связи слов, огромную роль здесь играют также связи лексико-морфологические и семантико-синтаксические. Наконец, лексика, как непосредственно связанная с историей, культурой, наукой, общественно-экономическим развитием народа, находится в тесных связях с внелингвистическими фактами, пренебречь которыми означало бы сбросить со счетов научного анализа один из основных источников и причин смыслового изменения слов» [Уфимцева, 1962, с. 16–17]. Нема-

ловажными для определения характера лексико-семантической системы языка являются смешанные по своему типу связи слов, исходящие из возможностей словообразования, словосложения, образования устойчивых и фразеологических единиц (далее – ФЕ).

Н. А. Лукьянова лексическую систему языка представляет как «языковое пространство», заполненное пересекающимися группами или полями слов. Каждая группа представляет собой множество слов или ЛСВ, близких по предметно-понятийной отнесённости или семантике и связанных устойчивыми семантическими отношениями. Каждая такая группа есть фрагмент лексико-семантической системы языка, или его микро-система, т. е. лексико-семантическая система – это система частных микросистем. Последние взаимодействуют друг с другом, имея общие члены (ЛСВ), «вкладываются» одна в другую или, наоборот, находятся друг от друга на «семантическом расстоянии». Такое строение характерно для любой сложной системы [Схематизация терминов..., 1993, с. 33].

Принимая в целом этот подход, лингвисты стремятся учитывать не только иерархические связи, но и другие типы связей между элементами лексической системы (или подсистемы). В лексической системе лексические единицы объединены на основе парадигматических и синтагматических взаимоотношений. В отличие от словарного состава языка, как совокупности номинативных средств, лексико-семантическая система является синтезом, результатом сложного взаимодействия слов в их значениях с элементами других уровней языка: морфологическим и синтаксическим. При этом лексическая система языка отражает существенные для этноса стороны окружающей действительности. Носители разных языков по-разному членят окружающий мир на фрагменты, которые получают самостоятельные названия. Наименования некоторых предметов и явлений не всегда имеют точное соответствие в других языках. Различия в восприятии мира проявляются в языке не только на уровне лексики, но и грамматики (например, время глагола), словообразования (например, изобилие в русском языке уменьшительно-ласкательных суффиксов или личные окончания глаголов в тюркских языках, сохранившие свой конкретный смысл), фразеологическом фонде. Но именно лексика языка, семантика слов в их прямых и переносных значениях является вместилищем, где сосредоточен опыт народа по постижению мира. Подобная система отражения этнических познаний мира в языке получила название национальной картины мира.

Э. В. Кузнецова считает, что системность на лексическом уровне проявляется, прежде всего, в существовании определённых лексических множеств как неких целостных образований, объективно выделенных из остального массива элементов лексического состава языка, и смысловых

связей между членами этих множеств, которые составляют классы, группы, ряды, поля слов и образуют лексическую систему языка. В этом единстве нет резких границ, «оно все состоит из явлений, склонных к взаимопереходам, взаимопроникновению» [Кузнецова, 1989, с. 10]. Выходит, что системность лексики любого языка наиболее ярко отражается в семантических группировках слов, которые имеют иерархическую структуру построенной по принципу уточнения категориально-лексической семы. Это такие парадигматические группировки (или составные подсистемы языка), как тематические группы, ЛСГ, семантические поля или классы слов, синонимические ряды являются наиболее эффективным инструментом изучения иерархической структуры и внутрисистемных отношений специализированной лексики.

Парадигматика (греч. *paradigma* – образец) – это языковые единицы как совокупность структурных элементов, связанных отношениями сопоставления и противопоставления. В широком понимании термин «парадигма» определяется как выражение взаимных отношений слов. В лингвистике изучаются разные типы парадигм: фонетические, морфологические, синтаксические, лексические. Лексическая парадигма имеет несколько уровней, которые находятся между собой в отношениях включения и соподчинения. Таким образом, указанные взаимоотношения характеризуют глагольные группировки слов, где существуют связи между отдельными семантическими оттенками, наличествует много переходных явлений.

Рассмотрение семантических особенностей и системных отношений в лексике целесообразнее вести на примере глагола, что обусловлено его сложностью, значимостью, центральной ролью в предложении и тексте. В системе глагола находят отражение различные характеристики действия, однако под это понятие подводится не только собственно действие, но и деятельность, процесс, состояние. Глагол занимает первое место по количеству словоупотреблений среди всей знаменательной лексики. Как писал В. В. Виноградов, глагол – «самая сложная и самая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи. Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения» [Виноградов, 1986, с. 349]. В основе структурно-семантической организации глагольной лексики лежат иерархические отношения (отношения соподчиненности и противопоставленности) глаголов, а также различные виды парадигматических отношений между языковыми единицами, относящимися к одному уровню языковой системы.

Таким образом, наиболее важными критериями при изучении глагольных групп являются построения общей теории ЛСГ, особенности

функционирования глаголов в текстах, многоаспектная характеристика глагольной системы и т. п. Как отмечает Л. М. Васильев, исследовать семантические соотношения между лексическими единицами – метафорическими номинациями – нужно посредством анализа семантических микросистем (синонимических, антонимических групп) и их последующего объединения с помощью идентификаторов в более крупные семантические классы [Васильев, 1971]. Такой подход к лексической систематике позволяет рассматривать глаголы той или иной семантической группировки как крупное объединение, а также его внутреннее членение по общим логико-семантическим основаниям, т. е. общности категориально-лексической и других сем как лексико-семантической структуры отдельного глагола, так и организации целой лексической системы. Развивая эту мысль, полагаем нужным добавить: минимальной единицей лексической парадигмы можно назвать семантическую структуру одного слова, где различные лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) находятся между собой в определённых типах семантических оппозиций. Наиболее крупным объединением лексических единиц, связанных между собой парадигматическими отношениями, являются лексико-семантическая группа, семантическое поле, тематическая группа с иерархией единиц, сопоставленных как видо-родовые.

1.2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ КАК ФРАГМЕНТ СИСТЕМНОСТИ ЯЗЫКА

В абсолютном большинстве языков мира значимость глагола является наиболее высокой. Глагольная лексика представляется в рамках структурно-организованной системы, т. е. многообразного и в то же время целостного системного объекта, проявляющегося в форме таких лексических объединений, как ЛСГ. Богатый набор глагольной лексики по определённым семантическим классам в русском языке, включая их аспектуальные варианты, позволяют рассматривать их в пределах отдельных семантических группировок. ЛСГ глагольной лексики любого языка является идеальным фрагментом для исследования в аспекте языкового отображения ментальности и мировоззрения этноса. Любая системная лексическая группировка языка базируется на представлении этноса о каком-либо понятии, выразителем которого является базовый глагол – идентификатор. ЛСГ глаголов в разных языках в целом имеют схожую иерархическую структуру, содержательная и формальная стороны которой варьируются в зависимости от специфики конкретного языка.

В последние десятилетия теория ЛСГ серьёзно разработана лингвистами, но однозначного мнения о её природе пока нет. Лингвисты признают, что ЛСГ является опорным понятием в парадигматической классификации слов. В частности данное положение в работах А. А. Уфимцевой [1986], Д. Н. Шмелева [1973], О. С. Ахмановой [2004] и др.

Общее определение ЛСГ сводится к тому, что это группировка слов одной части речи, объединённых однородностью или близостью значения. Некоторые исследователи понимают ЛСГ как разновидность семантического поля [Филин, 1957; Васильев, 1971, 1981]. Такое разнообразие мнений Л. В. Быстрова, Н. Д. Капатрук и В. В. Левицкая объясняют определёнными особенностями лексической системы языка [Быстрова, Капатрук, Левицкая, 1980].

Э. В. Кузнецова предлагает наиболее краткое и чёткое определение ЛСГ: «Лексико-семантическая группа – это объединение слов, относящихся к одной части речи и семантически соотнесённых друг с другом по лексическим значениям» [Кузнецова, 1969, с. 99]. Позже Э. В. Кузнецова, опираясь на определение Ф. П. Филина [1957] и учитывая конкретизацию категории ЛСГ в исследованиях последних десятилетий, отмечает её существенные признаки: искомая группа – это класс слов одной части речи, имеющих в своих значениях достаточно общий интегральный семантический компонент (или компоненты) и типовые уточняющие (дифференциальные) компоненты, а также характеризующихся сходством сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности [Кузнецова, Боровикова, 1989, с. 7]. Суть заключается в том, что ЛСГ – это составная единица лексической системы, выделяемая на лингвистической и лингвологической основе, члены которой связаны на основе сходства, противоположности и иерархии, а конкретнее – это совокупность слов, относящихся к одной и той же части речи, объединённых помимо грамматических сем, ещё общей категориально-лексической семой (архисемой, классемой), которая является основной и существенной при выделении слов в одну ЛСГ. Исследователи считают, что эти две семы дополняют и уточняют друг друга. Однако категориально-лексические семы существенно отличаются от грамматических тем, что «не имеют специальных формальных средств своего выражения. Эти особенности категориально-лексических сем дают основание относить их к сфере так называемой «скрытой грамматики» [Классы слов как явления..., с. 74].

Применяя эти высказывания к объектам нашего внимания, можем согласиться с тем, что практически каждый глагол семантически устроен сложно: какие-то составляющие его смысловой структуры лежат на поверхности, другие выявляются в минимальном контексте (на уровне сло-

восочетания); есть и такие оттенки, что обнаруживаются в более объёмном или специфическом контексте. Но часто семная структура глагола выявляется при определении и комплексном рассмотрении состава глаголов, входящих в ту или иную отдельную, самостоятельную ЛСГ.

Э. В. Кузнецова отмечает, что в ЛСГ и частях речи (как однотипных явлениях) принято выделять три общих момента: 1) наличие категориального признака; 2) общие синтаксические свойства; 3) общие парадигматические особенности [Кузнецова, 1982, с. 74–75]. Главным критерием является наличие категориально-лексических сем в семантике каждого слова – члена ЛСГ, «в основе выделения ЛСГ лежат категориальные архисемы» [Гак, 1977, с. 154]. С точки зрения выражаемого общего понятия и функционально-семантических свойств на первом уровне членения можно выделить два разряда: глаголы действия и глаголы состояния (или, точнее, глаголы физического действия и глаголы психического состояния). Глаголы, обозначающие процессы, происходящие в субъекте, противопоставляются глаголам, обозначающим механическое действие, их главное различие заключается в характере объектов. Специфика их объектов проявляется в том, что глаголы, обозначающие ментальные акты, сочетаются с пропозицией и его эквивалентами, в то время как глаголы со значением физического действия сочетаются с предметными именами.

Исследователи отмечают также и важность исследования глагольных ЛСГ, как составной части языковой системы, не только в лексическом, но и грамматическом и синтагматическом аспектах. По мнению Э. В. Кузнецовой: «... в глагольной лексике в целом роль внутриязыковых системных факторов сильнее, чем в сфере имен существительных. Лексико-семантические группы глаголов более структурированы, что делает их благодатным материалом для изучения системных отношений в лексике» [Кузнецова, 1989, с. 12]. А. А. Уфимцева определяет ЛСГ также через изложение задач её исследования: «Само двойное название группы «лексико-семантическая» говорит о том, что анализу подвергается слово как лексема, во всех его формах и лексических значениях, и что объединение слов как единицы словарного состава происходит по основному для слова признаку – по лексическому значению слова. Лингвистическому анализу подвергаются не только чисто семантические связи слов, как например, в антонимических и синонимических рядах слов, но и его лексико-грамматические связи, в форме которых реализуются отдельные значения слов; внутрисловные и внутригрупповые семантические различия слов выражаются разными видами словесных связей: формами одного и того же слова, своеобразными словосочетаниями в пределах синтагмы, наконец, постоянным противопоставлением в системе лексики в це-

лом (синонимические и антонимические ряды слов)» [Уфимцева, 1962, с. 137]. В своей работе мы придерживаемся выдвинутого в трудах Э. В. Кузнецовой, И. Т. Вепревой, М. Л. Кусовой, Т. В. Матвеевой, Л. М. Васильева положения о том, что ЛСГ является структурным компонентом семантического поля, входит в его состав в качестве подсистемы. Придерживаясь вышеизложенных тезисов, мы можем отметить наиболее важные признаки ЛСГ: 1) наличие общей категориально-лексической семы; 2) наличие выразителя данной семы – идентификатора; 3) членимость на более мелкие семантические подгруппы; 4) меньший объем лексических единиц (по сравнению с семантическим полем); 5) принадлежность лексических единиц к одной части речи; 6) особый тип организации; 7) полевой характер; 8) связь с другими ЛСГ.

Однако категориально-лексические семы существенно отличаются от грамматических тем, что «не имеют специальных формальных средств своего выражения. Эти особенности категориально-лексических сем дают основание относить их к сфере так называемой «скрытой грамматики» [Классы слов как явления..., URL: library.ru/help/docs/n30568/1.doc, с. 74].

В. Г. Гак считает, что «в основе выделения ЛСГ лежат категориальные архисемы» [Гак, 1977, с. 154]. Э. В. Кузнецова отмечает, что в науке принято выделять в ЛСГ и частях речи (как однотипных явлениях) три общих момента: 1) наличие категориального признака; 2) общие синтаксические свойства и 3) общие парадигматические особенности [Кузнецова, 1982, с. 74–75]. Главным критерием является наличие категориально-лексических сем в семантике каждого слова – члена ЛСГ. Дифференциальные семы бывают более специфичными и «частными», они уточняют категориальную сему. На основе общности дифференциальной семы (или признака) слова объединяются в семантические подгруппы.

При классификации глагольной лексики в семантическом аспекте Л. М. Васильев предлагает три принципа: 1) денотативный (или тематический), 2) парадигматический и 3) синтагматический [Васильев, 1981, с. 39]. Денотативный подход в основном строится на интуиции исследователя, на его естественном чутьё в выделении предметов, признаков, свойств, действий, процессов, событий и состояний, отраженных в структуре языка. Это наиболее традиционный принцип. Именно на нём основано выделение таких семантических классов (ЛСГ и тематических групп) и т. д. Л. М. Васильев выделил отдельную ЛСГ, включив туда глаголы, обозначающие не только результат мыслительной, чувственной и волевой деятельности человека, но и приобретение знаний в процессе такой деятельности [Васильев, 1981, с. 151–165]. Он их отделяет от глаголов интеллектуальной деятельности, отмечая, что они связаны с ними

«лишь постольку, поскольку любое знание так или иначе обусловлено работой мысли» [Васильев, 1981, с. 151].

Парадигматические классификации лексики осуществляются путём анализа семантической структуры слова, выделения тождественных и дифференциальных компонентов в его значении. Парадигматический принцип учитывает, в отличие от тематического, не только денотативный, но и сигнификативный аспект классифицируемых значений (семем). Так, каузативные и некаузативные, стальные и инхоативные, результативные и нерезультативные глаголы, а также другие подобные группы вычлняются только по парадигматическому принципу, путём анализа сигнификативных (т. е. категориальных, а не вещественных) компонентов в значениях глаголов. Синтагматический подход предусматривает однотипную обобщенную сочетаемость глаголов в зависимости от общности их семантики. «Чем более расчленена система семантических валентностей, тем обобщеннее могут быть семантические типы предикатов, и наоборот: чем конкретнее типы семантических предикатов, тем обобщеннее могут быть семантические валентности» [Васильев, 1981, с. 40–41]. Мы же в исследовании ЛСГ хакасских глаголов применяли все эти три описанных принципа. Основным является денотативный принцип, основанный на знании носителя языка, он используется при делении глаголов на те или иные ЛСГ. Последующее членение глаголов внутри структуры ЛСГ проводится на основании синтагматического и парадигматического принципов.

При семантической классификации глаголов дальнейшая категоризация происходит посредством более частных парадигматических признаков их значений. Здесь важную роль играет метод компонентного анализа, который используется для выделения сем в значениях слов и заключается в выявлении дифференциальных и интегральных сем путём их попарного сопоставления внутри группы близких по значению слов (ЛСГ). Данный метод рассматривает значение слова как состоящее из элементарных смыслов (признаков, компонентов, сем), и опирается «на более формализованные» более разработанные приёмы дистрибутивного и трансформационного анализа, в основе своей, как и компонентный анализ, тоже интуитивные, но основывающиеся на интуитивном знании языковой нормы (формы), а не содержания» [Васильев, 1981, с. 42]. Так же одним из основных методов при исследовании ЛСГ глаголов является метод контекстного (дистрибутивного) анализа, позволяющий выявить различные оттенки значений исследуемых глаголов при их сочетаемости с другими членами предложения.

Само двойное название группы «лексико-семантическая» говорит о том, что анализу подвергается слово как лексема, во всех его формах и

лексических значениях, и что объединение слов как единицы словарного состава происходит по основному для слова признаку – по лексическому значению слова. Также лингвистическому анализу подвергаются не только чисто семантические связи слов, как например, в антонимических и синонимических рядах слов, но и его лексико-грамматической связи, в форме которых реализуются отдельные значения слов; внутрисловные и внутригрупповые семантические различия слов выражаются разными видами словесных связей: формами одного и того же слова, своеобразными словосочетаниями в пределах синтагмы, наконец, постоянным противопоставлением в системе лексики в целом (синонимические и антонимические ряды слов)» [Уфимцева, 1962, с. 137].

Установление границ ЛСГ, которые являются подвижными, нечёткими в виду имеющихся смысловых связей между глаголами, представляет одну из трудностей её определения. В связи с этим разные лингвисты по-разному определяют границы и состав группы. Размытость границ объясняется наличием смысловых связей между глаголами [Графова, 1991; Липатов, 1981; Старостина, 2004 и др.], а также явлением многозначности [Зализняк, 2006; Моисеева, 2005; Падучева, 2004 и др.], когда лексические единицы обладают одновременно несколькими ЛСВ в своей семантической структуре, одни из которых на уровне вторичных значений могут переходить за пределы одной ЛСГ. По наличию таких сем глаголы могут соотноситься с двумя и более семантическими группами. Пересечение глаголов наблюдается не только с другими лексическими группами, но и между подгруппами и разрядами внутри ЛСГ. Например, с ЛСГ глаголов говорения соприкасаются глаголы эмоции, мышления, физического действия, звучания, мимики, жеста, тело движения, которые переходят в ЛСГ глаголов говорения путём сочетания с прямой речью. Однако эти глаголы рассматриваются нами не как глаголы говорения, а как глаголы, потенциально заменяющие выпавший глагол говорения в конструкции. Но некоторые из них в результате длительного сочетания с прямой речью могут закрепить в своей семантике сему говорения. Однако глаголы из других ЛСГ, сочетающиеся с социативным объектом (именем в вин. п.), приобретают сему говорения и включаются в ряды глаголов говорения. ЛСГ глаголов говорения постоянно пополняется также за счет глаголов со звукоподражательными основами и глаголов, обозначающих крики животных, птиц. Они имеют экспрессивный характер. Регулярно переходят в ЛСГ хакасских глаголов говорения глаголы следующих двух разрядов: 1) глаголы, обозначающие в своих основных ЛСВ звучание: а) со звукоподражательной основой (**хыххта-** «скрипеть», **снихта-** «свистеть»), **тадыра-** «трещать, грохотать» и т. д.).

При отборе глаголов в одну ЛСГ учитываются их грамматические, семантические признаки. А. А. Уфимцева единицы ЛСГ определяет как «вычленяемые на основе общности денотата, и объединяемые по интегрирующему компоненту лексического значения конститuentов и обычно принадлежат к одной части речи» [Уфимцева, 1962]. При этом важно учитывать их определенные синтагматические особенности, свойственные именно глаголам одной группы: это типовая сочетаемость глаголов. А. А. Уфимцева также считает важным критерием выделения ЛСГ внутриязыковые взаимоотношения лексических единиц: «Критерием выделения лексико-семантических групп является... языковой критерий – наличие в тот или иной исторический период свободных смысловых связей между словами по линии их лексического значения. Основным и изначальным для выделения подобной лексико-семантической группы служит не «понятийный круг» или «сфера чистых понятий», а слово как основная словарная единица в его многообразных и сложных смысловых связях с другими единицами словаря» [Уфимцева, 1962, с. 15]. При анализе семантических отношений в рамках одной ЛСГ выделяются общие для всех членов парадигмы, и компоненты, свойственные отдельному глаголу. Например, при анализе семантических отношений между ментальными глаголами **оңна-** «помнить; понимать» и **оңар-** «понимать; усваивать, улавливать» мы обнаруживаем, что они не во всех контекстах могут быть взаимозаменяемыми. Они могут взаимозаменяться в контекстах, где реализуют значение «понимать» и «усваивать, улавливать». Но они не могут пересекаться в характерных для отдельного взятого глагола значениях.

При выделении границ ЛСГ также следует особо выделять многозначные глаголы с широкими сочетательными возможностями. Например, расширяют объём ЛСГ ментальных глаголов глаголы из других ЛСГ: **кӧр-** «1) смотреть, видеть; 2) находить, считать кем-чем-л., принимать за кого-л.», **тыңнан-** «прислушиваться», **хабын-** в ЛСВ «хватать (для себя); 3) опомниться, внезапно заметить, понять ошибку, упущение». Как видим, связь ментальных глаголов с глаголами других ЛСГ осуществляется, главным образом, через корреляции вторичных и переносных значений. Нужно отметить, в ЛСГ ментальных глаголов такие случаи единичны. Явление многозначности здесь распространяется только внутри данной ЛСГ. Наиболее ярко выражается семантическая связь глаголов восприятия с глаголами ментальной деятельности. Например, производное ментальное значение развивается у глаголов **кӧр-** «смотреть, видеть» и **пӧлдір-** «казаться»: *Пістің мыннаң мындархы чуртазыбысты син хайди кӧрчезің?* – Как по-твоему будет развиваться наша жизнь в дальнейшем [букв. как ты видишь дальнейшую нашу жизнь]? Пу

авторның тогызы магаа ам даа пысхалах паза читіре иділбеен чіли пілдірче – Работа этого автора мне кажется еще незрелой и незаконченной. В этих предложениях глаголы **көр-** «смотреть, видеть» и **пілдір-** «казаться» употребляются в значении «иметь свое мнение», т. е. они презентивируют ментальное содержание своего значения.

Таким образом, рассмотренные нами методы и приёмы позволяют выделять из словарного состава определённые лексические парадигмы, имеющие свои границы. В качестве приемов и методов выделения глаголов в одну ЛСГ интуиция исследователя, подкреплённая сочетательными типовыми, способностями лексем; метод ступенчатой идентификации, компонентный анализ, смысловой критерий, семантические отношения и др. Отдельной проблемой при выделении границ ЛСГ стоит явление многозначности, за счёт которой глагол может состоять сразу в двух или более ЛСГ. На основании общности дифференциальных членов ЛСГ подразделяются на различные группировки, выделяются центральная (ядерная) часть и периферийные элементы; каждый глагол ЛСГ получает целый ряд характеристик, определяющих его место в данной микросистеме, его связи с другими членами парадигмы и т. д.

1.3. ВНУТРИСИСТЕМНЫЕ ВЗАИМОТНОШЕНИЯ ГЛАГОЛОВ

ЛСГ глаголов представляет собой основное микрополе парадигматического типа. При выделении лексических единиц в семантические группировки встаёт вопрос о тождестве (и различиях) их значений. Наличие общих и дифференциальных признаков языковых единиц в границах тождества значений лексических единиц является одним из основных проявлений системной организации языка. Важнейшими внутрисистемными отношениями глаголов являются гипо-гиперонимические и синонимические отношения, пронизывающие данную структуру насквозь и сверху донизу. Эти отношения между единицами одной ЛСГ Ю. Д. Апресян называет *квазисинонимическими*. Автор различает синонимические и квазисинонимические отношения на основании наличия / отсутствия внутренней структуры в парадигме слов, например, он пишет так: «Поскольку точные синонимы семантически не различаются, синонимический ряд не имеет никакой внутренней структуры. Напротив, классы квазисинонимов обнаруживают определённую семантическую структуру, потому что квазисинонимы сложным образом различаются по значениям. Эта структура может быть двоякой. Во-первых, ряд может последовательно дробиться на все более мелкие квазисинонимические или даже

синонимические ряды, целиком включенные в ряды более высокого уровня, так что, в конечном счете, создается иерархическое древо. Это в особенности характерно для таких классов квазисинонимов, которые содержат родовой термин в каждой группе и подгруппе любого уровня иерархии. Во-вторых, класс квазисинонимов может распадаться на подгруппы или даже на пары слов, сложным образом пересекающиеся друг с другом. Это особенно характерно для рядов видо-временных квазисинонимов, отличающихся друг от друга несколькими семантическими компонентами» [Апресян, 1995, т. 2, с. 248–249].

Синонимические отношения. Синонимические связи являются одной из основных форм проявления системности в ЛСГ глаголов. В понимании синонимов мы придерживаемся традиционных определений относительно того, что это слова, относящиеся к одной части речи, значения которых содержат близкие или тождественные элементы, которые нейтрализуются в определённых позициях. Доминантой (базовым или опорным словом) синонимического ряда выступает наиболее употребительное, семантически наименее содержательное и стилистически нейтральное слово. В теоретических работах по синонимии широко распространено мнение, выраженное Л. Ельмслевым: «В абсолютной изоляции ни один знак не имеет какого-либо значения; любое знаковое значение возникает в контексте, под которым мы понимаем ситуационный или эксплицитный контекст, неважно какой, поскольку в неограниченном или продуктивном тексте (живом языке) мы всегда можем превратить ситуационный контекст в эксплицитный контекст» [Ельмслев, 1999, с. 203]. Такой подход позволяет рассматривать синонимический ряд как группу слов, объединённых сходством лексических значений и, как правило, обладающих теми или иными различиями, семантическими и стилистическими. В нашем понимании лексические единицы, составляющие синонимический ряд, представляют собой микросистему. Но она организована не только по иерархическому принципу: наличествует доминантный глагол, а другие члены ряда, которыми могут быть и сложные глаголы, и глагольные сочетания, образуют вокруг него микрополе, в разной степени варьируя значение доминантного глагола и, таким образом, находясь на определённом «семантическом расстоянии» от него.

При обозначении компонентов значений наблюдается терминологическая неустойчивость: их называют «семантическими признаками», «семантическими множителями», «элементарными значимостями», «семами». Наиболее употребительным из них является термин «сема» в силу своей краткости. При помощи семантического анализа и выявления различий и общности дифференциальных сем в семантической структуре глаголов определяются их синонимические и антонимические корреля-

ции в структуре ЛСГ. При этом явление синонимии является наиболее популярным в лексической системе ЛСГ. Общее инвариантное значение, на основе которого глаголы относятся к тому или иному синонимическому ряду, обнаруживаются в дифференциальных семантических компонентах. Это отражается на семантической структуре и количестве глагольных единиц в отдельных синонимических рядах. В составе ЛСГ глаголов, прежде всего, имеется некоторое количество синонимических рядов, члены которых имеют общие и различительные семы в лексическом значении, синтагматических связях. Также они маркированы стилистически и функционируют в современных художественных текстах, отражающих хакасскую разговорную речь, семантическую и стилистическую дифференциацию лексики. А в значениях глаголов, относящихся к одной ЛСГ, содержится не менее трёх общих сем. Наиболее крупными из этих сем являются категориально-грамматическая, (обуславливающая их принадлежность к одной части речи), категориально-лексическая, (объединяющая их в одну ЛСГ) и дифференциальная (объединяющая их в один синонимический ряд).

В пределах одной ЛСГ синонимы представляют определённый уровень иерархически организованной семантической парадигмы. Синонимичные слова, объединённые внутренним языковым тождеством, образуют синонимический ряд, это особый парадигматический ряд, основанный на характерном для языка неравномерном распределении семантических признаков. Если раньше синонимические ряды рассматривались как один из семантических уровней ЛСГ, то в настоящее время распространено широкое понимание синонимического ряда как иерархически организованной синонимической парадигмы, т. е. «микросистемы, характеризующейся, с одной стороны, внутри ядровой системностью, а с другой стороны, являющейся основой системных отношений в лексике» [Джалилова, 2003, с. 11]. Вслед за рядом исследователей, мы считаем, что синонимические ряды должны состоять из синонимов-семем, а не из синонимов-лексем (лексема – слово во всей совокупности его значений, семема – одно из значений слова). Многозначные слова в этом случае могут вступать в синонимические отношения в одном из своих значений. Впервые о внутрилексемном разграничении значений писал В. В. Виноградов: «В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его значений, столько и его лексических форм» [Виноградов, 1972, с. 17]. В дальнейшем данный вопрос освещался в известных трудах И. В. Арнольд, А. А. Уфимцевой, Д. Н. Шмелева, М. В. Никитина, где было отмечено, что на глубинном уровне отношения синонимии устанавливаются не столько между значениями слов, сколько между ЛСВ значений.

Э. В. Кузнецова пишет: «Наибольшую ценность для проведения компонентного анализа имеют развернутые, аналитические определения, которые представляют собой образцы более или менее адекватного «разложения» значения одних слов на значения других. Обычно такие определения состоят из двух частей – идентификатора и словарных конкретизаторов, например: *ливень* – «дождь» (идентификатор) и «сильный» (словарный конкретизатор); *купить* – «приобрести» (идентификатор) «за деньги» (словарный конкретизатор)» [Кузнецова, 1989, с. 36]. Принимая данное положение, мы стремимся производить наш анализ и методологически обоснованно. Для установления синонимических отношений между вариантами слов, степени их семантической близости и выявления дифференциальных сем в значениях слова путём их сопоставления используется методика компонентного анализа слова. Здесь также помогают знания и интуиция носителя языка. Например, глаголы со значением внимания образуют синонимическую парадигму по наличию общей семы в своем значении «замечать»: **сизін-** в ЛСВ «заметить», **сизіктен-** в ЛСВ «проявлять бдительность, осторожность; остерегаться чего-л.; *тайга – тасхылда сизіктен чөрерге кирек* в тайге нужно быть бдительным (осторожным)» [ХРС, 2006, с. 463], **сис-** в ЛСВ «заметить», **сис хап-** в ЛСВ «заметить; букв. схватить внимание». Хотя семантический объём синонимов представляет собой набор общих и отличительных признаков, между ними существует точка соприкосновения их семантических структур – категориально-лексическая сема, общие инвариантные семы. Основным условием наличия синонимических отношений между глаголами мы считаем наличие у них понятийного тождества, на основании которого и возможна дифференциация «оттенков» значений синонимов.

Отношения функциональной эквивалентности в сфере ментальных глаголов развиты больше, чем синонимия. Данный тип отношений позволяет выявить определённые типовые значения глаголов на уровне синтагм. Такие глаголы обозначают однотипные ситуации, выступают в предложениях однотипной структуры, обладают однотипной сочетаемостью. Сходство компонентного состава значений, однотипность условий синтаксической реализации предопределяют развитие в глаголах одинаковых семантических вариантов, представляющих вторичные значения. Так, например, значение «иметь своё мнение» может быть выражено не только глаголом **сана-** «считать», для которого это значение является основным, но и рядом других глаголов той же семантической подгруппы интеллектуального процесса, в которых данное значение является основным, порой даже окказиональным, ср.: **сагып-** в ЛСВ «считать», **көр-** в ЛСВ «считать». *Позын ол хайдар абахай тп хачан даа санабачаң (сагынмачаң, көрбечең)* – Она никогда не считала себя красивой.

Функциональная эквивалентность – один из видов вариантных отношений слов в лексической системе языка. Лингвисты, помимо синонимичных отношений между лексическими единицами на основе их вторичных значений, выводят категорию функциональной эквивалентности между лексемами. Под функциональной эквивалентностью (или синонимией в широком смысле слова) обычно понимается способность слова употребляться в речи вместо других единиц лексико-семантической системы, не будучи синонимом. «Функциональными эквивалентами являются такие слова, которые способны выполнять одну и ту же функцию в рамках одного и того же или одних и тех же предложений» [Кузнецова, 1989, с. 123]. Некоторые исследователи в пользу широкого понимания синонимии отказываются от неоднозначного термина «синоним», предпочитая называть слова, выполняющие в предложении одинаковые функции, функциональными эквивалентами. «Поскольку сходный термин «варианты слов» уже используется в лексикологии для обозначения особого вида формального варьирования слов, мы, отказываясь от неоднозначного термина «синонимы», предпочитаем называть слова, выполняющие в предложении одинаковые функции, функциональными эквивалентами» [Кропотова, 2009, с. 158]. Отношения функциональной эквивалентности по сути своей являются синонимическими в широком смысле или же их называют «контекстуальными», «потенциальными» синонимами. Например, Э. В. Кузнецова, рассматривая функциональную эквивалентность как синонимию в широком смысле, выделяет виды функциональных эквивалентов – абсолютные, контекстные и вторичные синонимы [Кузнецова, 1989, с. 124–126].

Таким образом, в семантических оппозициях глаголов одной группы заложены потенциальные возможности их нейтрализации при употреблении в контекстах, снимающих различия этих глаголов, делающих их функционально эквивалентными. А явление функциональной эквивалентности представляет собой более широкое понимание синонимии, ориентированное на функционирование в предложении слова – синтагмы. В отдельно взятом контексте может произойти нейтрализация семантических различий глаголов – членов одной ЛСГ, когда при замене одних слов другими не меняется смысл предложения. В основе данной нейтрализации в качестве инвариантной семы лежит категория общего функционирования.

1.4. ГЛАГОЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Ментальная сфера человеческой деятельности во все времена привлекала внимание философов, психологов и лингвистов, поскольку ментальные процессы, как одно из составляющих внутреннего мира человека, является самым сложным и интересным объектом для исследований. Любая деятельность человека в первоначальном виде появляется как образ в ментальном пространстве. Ментальные процессы, как одно из составляющих внутреннего мира и сознания этноса, является самым сложным и интересным объектом для изучения. Ментальность – есть понятие обширное, имеющие различные ипостаси в зависимости от подходов рассмотрения данного феномена. В различных областях науки исследователи в смысловом содержании слова «ментальность» не видят связь с языком. Однако В. В. Колесов указывает на язык как на один из способов репрезентации ментальности народа и отмечает, что «ментальность есть мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества характера в типичных его свойствах и проявлениях» [Колесов, 2006, с. 11]. Ментальные процессы, как и все другие аспекты человеческой деятельности, находят своё выражение в языковых формах, для исследования которых применяется системный подход. Такое понимание ментальности послужило одним из оснований для введения в научный обиход термина «языковая ментальность» (Арутюнова, 1989; Колесов, 2006; Омельченко, 2006 и др.).

Ментальные глаголы могут обозначать то или иное ментальное состояние (знать, верить, помнить), мыслительную деятельность, обычно направленную на получение знания (размышлять, обдумывать), или же указывать на возникновение определённого ментального состояния в результате предшествующей деятельности или внезапного озарения (узнать, догадаться, понять) [Булыгина, Шмелев 1989, с. 31]. Под термином «ментальные глаголы» понимаются глаголы, называющие процессы умственной деятельности и указывающие на национально-этническую специфику восприятия, понимания, познания окружающей действительности отдельной языковой личностью или этноязыковым сообществом в целом [Омельченко, 2006, с. 2]. Придерживаясь мнений указанных авторов, мы также рассматриваем в качестве ментальных глаголов такие лексемы, которые не просто называют процесс мышления, а содержат в своей семантике элементы его описания и указывают на национально-этническую специфику восприятия, понимания, познания окружающей действительности отдельной языковой личностью или этнолингвистическим сообществом в целом.

Наиболее ярким и основным средством выражения понятия ментальности являются глаголы, охватывающие широкий круг обозначений различного рода ментальных действий и состояний. Ментальные глаголы (или глаголы мысли, глаголы мыслительной (интеллектуальной) деятельности) соотносятся с денотативной сферой психической деятельности и обозначают действия, связанные с человеком, т. е. могут рассматриваться в едином ключе в той парадигме, которая определяется как антропоцентризм. Они составляют одну из основных, базовых ЛСГ в лексической системе любого языка. Степень участия этих глаголов в описании национального мировоззрения достаточно высока. Глаголы мышления характеризуются также тем, что результат мысли (сама мысль), который они вводят, является неконтролируемым, несмотря на то, что сам процесс мышления является, безусловно, контролируемым. Можно заставить себя думать о чем-либо, направить свои мысли в определённое русло, но никогда нельзя знать, какие результаты будут получены в ходе процесса мышления и будут ли они получены в принципе. Особенно отчётливо эта семантическая особенность глаголов мысли проявляется в таких глагольно-именных сочетаниях, как *мысль пришла в голову, мелькнула в голове, пронеслась в голове* и т. п. В таких случаях мысль как бы отчуждается от своего субъекта, действуя самостоятельно, без его воли. Недаром во всех этих словосочетаниях слово *мысль* занимает позицию актанта, а сказуемое выражено глаголом в активном залоге. Данная семантическая особенность сохраняется и в безличных словосочетаниях: *пришло в голову, мелькнуло в голове, пронеслось в голове*. В выражениях типа *сказать самому себе, спрашивать себя* [Бяковская, 2011, с. 41]. Н. Г. Бяковская отмечает также новизну пропозиции, вводимой глаголами мысли (причем пропозиция является новой, прежде всего, для самого субъекта) [Бяковская, 2011, с. 42].

Сложность и многоплановость рассматриваемой ЛСГ проявляются в наличии многочисленных подходов и методов к изучению глагольной лексики. В русистике ментальные глаголы представляют обширный и богатый семантический класс, который получил широкое освещение в диахроническом аспекте [В. И. Кодухов, Ф. П. Филин, А. И. Молотков и др.], в семантико-синтаксическом аспекте [Л. М. Васильев, М. В. Пименова и др.], когнитивном аспекте [В. Г. Гак, М. А. Дмитриевская, А. А. Зализняк, И. Б. Шатуновский, Н. К. Рябцева и др.], сопоставительном аспекте [П. В. Морослин, Л. Бажжани и др.]. Проблема семантической классификации ментальных глаголов является наиболее актуальной в современном языкознании, о чём свидетельствуют многочисленные работы исследователей. Здесь также встречаются различные взгляды, особенно в исследованиях последних десятилетий. Различные типы мен-

тальных глаголов (глаголы со значениями знания, мысли, понимания, мнения) часто исследуются в рамках отдельных семантических классов, полей или группировок [см. работы по теории ментальности: Апресян 1993, 1995, 2002; Арутюнова 1988, 1989; Бажжани 1995; Булыгина, Шмелев 2000; Дмитровская 1991, 2003; Зализняк 1991, 1992; Гибатова 2010; Ефанова 2011; Ивашкович 2001 и др.]. В этих и других лингвистических исследованиях решаются фундаментальные проблемы определения места и функций языка в процессе познания и понимания мира, определяются связи языка и мышления, формулируются основные подходы к изучению данной категории глагольной лексики и т. д., тем самым создается теоретическая база для проведения дальнейших разработок данной тематики. Значит, языковое ментальное пространство оставляет за собой актуальность и привлекает к себе внимание исследователей не только в русском, но и в других языках. Традиционно на начальной стадии ментальные глаголы делятся по семантическому признаку направленности на результат на две категории: статичность и динамичность или состояние и действия. Глаголы ментального состояния (знания) обозначают обладание субъектом какой-либо информацией (*знать, считать, верить, помнить* и др.), глаголы ментального действия (мышления) – процесс приобретения знаний (*думать, понимать, оценивать, проверять* и др.).

1.4. ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В тюркской лексикологии ментальные глаголы, представленные в рамках лексической группировки, пока являются недостаточно изученной областью. Впервые в тюркологии предложил семантическую классификацию глагольной лексики Н. К. Дмитриев, выделив следующие семантические группы глаголов в татарском языке: глаголы речи, мышления, активного действия и движения [Дмитриев, 1952]. Далее, в частности, им произведён анализ татарских глаголов, передающих идеи мышления, восприятия и ощущения, и каждая такая группировка названа логико-психологической группой [Дмитриев, 1962, с. 577]. Работа А. А. Юлдашева «Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках» является первым опытом классификации глаголов эмоции и восприятия в тюркских языках. Основываясь на структурно-морфологических свойствах данных глаголов, автор выделяет две большие группы: 1) глаголы, выделяемые только по указанным общим для всех них признакам; 2) глаголы, требующие особого построения [Юлда-

шев, 1961, с. 296]. К первой группе относится «небольшое число корневых глаголов типа тат. **сизү** «чувствовать», **күрү** «видеть», **ишетү** «слышать», **теләү** «хотеть», **сызлау** «ныть» и единичные сложные глагольные лексемы типа казах. **таң калу** «восхищаться», тат. **гашик буллу** «влюбиться» [Юлдашев, 1961, с. 296]. Во вторую группу А. А. Юлдашев относит сложные лексемы, представляющие собой «сочетание именной и глагольной основы, которые базируются на грамматических признаках предикативного словосочетания. Эти образования с данной точки зрения представляют собой законченное предложение, в котором подлежащим является первый компонент сочетания, сказуемым – второй компонент» [Юлдашев, 1961, с. 306]. Далее автор рассматривает грамматические возможности в основном устойчивых сочетаний и фразеологических сочетаний типа как: **уйғу кил-** «хотеть спать», **пас айлан-** «голова кружится», **тўске кїр-** «сниться» и т. д. Используя термин «чувственное восприятие», автор рассматривает основные эмоции и восприятия.

Значительным этапом в исследовании глагольной системы в тюркских языках было системное изучение отдельных ЛСГ, в частности, предложены семантические классификации глаголов в отдельных тюркских языках. Предпринимались попытки сгруппировать наиболее употребительные корневые и синтетические глаголы в казахском языке [Культмагамбетова, 1956], в юго-западной группе тюркских языков [Кулиев, 1975] и др. В предложенных семантических классификациях выделены следующие наиболее общие семантические разряды: 1) глаголы движения; 2) глаголы действия; 3) глаголы речи; 4) глаголы, связанные с процессом мышления, зрения и слуха; 5) глаголы состояния. В. Ф. Вещилова глаголы турецкого языка делит на четыре группы: 1) глаголы движения: глаголы, обозначающие перемещение субъекта в пространстве, 2) глаголы действия: глаголы, обозначающие воздействие субъекта на объект, 3) глаголы жизненных процессов: питания, осязания, зрения, речи, слуха, чувства, мышления и т. п., 4) глаголы явлений природы [Вещилова, 1962].

Анализ башкирских глаголов по функционально-когнитивным характеристикам проведен в докторской диссертации М. Г. Усмановой [Усманова, 2002].

Гасан Керам оглы Кулиев также в своей докторской диссертации исследует глагольную лексику, большая часть которых относится к антропосфере. Он провёл этимологический анализ и проследил лексико-семантическое развитие глагольной лексики, в частности глаголов чувственного восприятия, на материале огузской группы тюркских языков. В классификации данных глаголов подгруппа глаголов мыслительной деятельности представлена двумя разрядами: а) глаголы со значением мыс-

лительной деятельности; б) глаголы со значением результата мыслительного акта. При этом глаголы со значением памяти автор относит к другой семантической подгруппе [Кулиев, 1992, с. 13–14].

В числе последних работ по семантической классификации глагольной лексики можно назвать работу Р. А. Тадиновой, в которой исследуются глагольные тюркизмы в кавказских языках, в том числе рассматриваются типы семантических модификаций тюркских глаголов при их заимствовании в кавказские языки, выявляются общие закономерности структурного освоения тюркских основ. Глаголы психической деятельности автор делит на следующие подгруппы: 1) глаголы речи; 2) глаголы чувственного восприятия; 3) глаголы мышления; 4) глаголы знания [Тадинова, 2005, с. 76–79].

Р. К. Иштанова в семантической классификации татарских глаголов выделяет подгруппу глаголов познания, в которой нашли место и глаголы восприятия (слуха, зрения, обоняния, ощущения), также в этот разряд вошли и глаголы мыслительной деятельности (знания, памяти) [Иштанова, 2002]. В названных работах глаголы мыслительной деятельности рассматривались в рамках системной глагольной лексики, как отдельная подгруппа, поэтому системного основательного освещения не получили. И все эти исследования проводились на системно-семантическом уровне.

М. А. Ахматова в рамках широкого понятия «ментальность нации» с лингвокультурологической точки зрения исследует языковое проявление менталитета карачаево-балкарцев на материале паремического фонда карачаево-балкарского языка [Ахматова, 2018]. Автор отмечает, что «немаловажную роль в формировании определённого характера людей играет географическое пространство» [Ахматова, 2018, с. 168]. Так же, как один из базовых концептов в ментальной сфере человека, описан концепт «ум» в карачаево-балкарской языковой картине мира, представленный целым рядом языковых единиц, например, субстантивы, адъективы, фразеологизмы, паремии [Ахматова, Кетенчиев, 2018].

В тюркских языках Южной Сибири Б. Б. Саналовой впервые предпринята попытка сопоставления семантики алтайских глаголов со значением интеллектуальной деятельности с их киргизскими эквивалентами [Саналова, 2007]. В работе представлена семантическая классификация ЛСГ глаголов мыслительной деятельности в алтайском языке, выявляются дифференциальные признаки семантики исследуемых глаголов, определены взаимоотношения этих глаголов с точки зрения семантики и сочетаемости. Также проведен сопоставительный анализ семантики алтайских глаголов с подобными глаголами в родственном киргизском языке.

В последние годы представители Новосибирской научной синтаксической школы занимаются сбором материала и анализом лексических и

семантических параллелей в тюркских языках Южной Сибири, в частности, глаголов со значением речевой и мыслительной деятельности. В 2013 году изданы «Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая», которые содержат глагольные лексемы тюркских языков и диалектов севера Саяно-Алтая, относящиеся к трём тематическим группам: трудовая, речевая и интеллектуальная деятельность [2013]. Авторы данного Словаря, видимо, в семантику глаголов интеллектуальной деятельности (их всего – 70 единиц) вкладывают обширное понятие, поскольку в список указанных глаголов включены и такие глаголы, как **тында** – чалк., кум., алт. 1) искать, разыскивать кого-что-л. – кум. (РКС); {...}; 2) слушать, прислушиваться, подслушивать – алт. (ОРС); {...}; 3) повиноваться – алт. (ОРС) [Материалы..., 2013, с. 162]; **алахтыр-** шор. д., **алчахтыр-** хак. 1) увлекать, занимать кого-л., что-л. – шор. д., хак. (ХРС); {...}; 2) одурманивать кого-л. (ХРС) [Материалы..., 2013, с. 148]; **ут-** шор. д., шор. выигрывать, побеждать в чём-л. – шор. (ШРС-93); {...} [Материалы..., 2013, с. 163]. В семантике этих и других глаголов, возможно, и содержится ментальный признак, реализующийся в каких-либо определённых контекстах, но он не основной. В статье Е. В. Тюнтешевой, О. Ю. Шагдуровой, А. В. Байыр-оол, Н. Н. Широбоковой. «Глаголы интеллектуальной деятельности в тюркских языках и диалектах Саяно-Алтая» анализируются базовые лексические и семантические параллели, оппозиции и семантические сдвиги глаголов интеллектуальной деятельности в северных диалектах алтайского языка в сравнении с алтайским литературным, шорским и хакасским языками [Тюнтешева, Шагдурова, Байыр-оол, Широбокова, 2015].

Также семантико-сопоставительное освещение получили лексические единицы, выражающие ментальное состояние человека: **сагыс / сагыныч / сагыш / сагыш** (др.-тюрк., хак., тоф., тув., алт., шор., кирг.); **санаа** (др.-тюрк., алт., кирг., як., монг.), **бодал / бодол** (тув., алт., кирг., як., монг.) в статье М. Д. Чертыковой «Семантическая эволюция базовых ментальных лексем (на примере межъязыковых эквивалентов в сибирских тюркских, киргизском и монгольском языках)» [Чертыкова, 2018]. Кроме того, в синтаксических исследованиях сибирских тюркских языков уделяется внимание принципам строения простого и сложного предложения. И глагол, как основополагающее звено в структуре предложения, сочетает в себе синтаксический и семантический аспекты. Тем самым разрабатывается целая система описания синтаксической семантики и критериев разграничения моделей и их вариантов, где ментальные глаголы также были объектом изучения в работах представителей Новосибирской синтаксической школы [Черемисина, 1989, 1993, 1998; Серээдар, 1995; Чугунекова, 2002; Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008 и др.].

В хакасском языке имеются статьи М. Д. Чертыковой, посвящённые описанию функционально-семантических, лингвокультурологических особенностей отдельных подгрупп ЛСГ ментальных глаголов (см. библиографический список).

В хакасском языке общетюркский глагол **пiл-** «знать» обозначает результат мыслительной деятельности и основной компонент его семантики «знание» представлен как статичный признак субъекта. Выразителем же общей категориальной семы глаголов, обозначающих интеллектуальный процесс, является глагол **сагып-** «думать», имеющий динамичный признак. Подобным же образом построена классификация ментальных глаголов с идентификаторами **санан-** «думать» и **бил-** «знать» в алтайском языке, очень близком к хакасскому языку по классификационным признакам тюркских языков. В соответствии с этим Б. Б. Саналова пишет, что глаголы, их лексико-семантические варианты разделены на две подгруппы: 1) глаголы, объединённые по признаку «ситуация мыслительного процесса», 2) глаголы, объединённые по семантическому признаку «знание». Глаголы первой микрогруппы далее по признаку «целенаправленность мышления» разделены на две микрогруппы: 1) обозначающие мыслительные акты, результатом которых являются какие-либо внутренние объекты (суждения, умозаключения и т. д.), 2) обозначающие мыслительные акты, результатом которых являются какие-либо внешние объекты [Саналова, 2007, с. 3].

Глава II

ХАКАССКИЕ МЕНТАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2.1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

В ЛСГ хакасских глаголов интеллектуальной (мыслительной, ментальной) деятельности мы включаем глаголы, а также ФЕ, обозначающие процесс мыслительной деятельности во всех его проявлениях и содержащие в своих значениях общую категориально-лексическую сему «осуществление ментальной (мыслительной) деятельности». Как и в других тюркских языках, группа хакасских ментальных глаголов в количественном составе ограничена и выглядит более-менее скромной, т. е. они в численном отношении уступают многим семантическим разрядам глаголов. Например, основные глаголы **сағын-** «думать» и **піл-** «знать» достаточно частотны и многозначны и они могут покрывать многие аспекты ментальной деятельности. Поэтому в тюркских языках обычно рассматривают их в структуре одной ЛСГ интеллектуальной деятельности [Кулиев, 1975; Саналова, 2007 и др.].

Такой же скромный набор ментальных глаголов в кетском языке отмечают Н. М. Гришина и Т. И. Стексова в работе, посвящённой сопоставлению способов выражения объектной семантики при ментальном глаголе в русском и кетском языках [Гришина, Стексова, 2006, с. 18]. Наш фактический материал выдал 57 глаголов с категориально-лексической семой «осуществление ментальной деятельности» в своём значении, однако треть из них содержат эту сему во вторичном ЛСВ. Б. Б. Саналова в алтайском языке, самом близком к хакасскому языку по тюркской языковой классификационной системе, в своей монографии подвергла анализу 38 ментальных глаголов [Саналова, 2007].

Е. П. Матвеева, анализируя семантику непрямых якутских глаголов, имеющих два или более значений и обозначающих в своём исходном значении какое-либо действие или совокупность действий (деятельность), пришла к выводу, что на фоне других глагольных семантических групп глаголам интеллектуальной деятельности в якутском языке свойственна многозначность в процентном соотношении – 6,7 %. Центральное же место среди многозначных непрямых глаголов действия занимают глаголы физического воздействия на объект (31,7 %) [Матвеева, 2007, с. 4].

В вопросах семантической классификации этих глаголов в лингвистике встречаются различные взгляды, особенно в исследованиях после десятилетий. Мы же организацию ЛСГ ментальных глаголов в хакасском языке мы рассматриваем как веерный тип, когда на вершине группы находится глагол с наиболее отвлеченным общим значением, вокруг него на одинаковой ступени конкретизации расположены остальные члены группы, отличающиеся от категориального одним, но не одинаковым признаком. На начальном этапе классификации мы выделяем две микрогруппы: глаголы, обозначающие процесс мышления (или глаголы мышления) и глаголы, обозначающие результат мышления (или глаголы знания). Соответственно, эти две категории глаголов имеют идентификаторы, выражающие общее категориально-лексическое значение глаголов каждой из подгрупп: глаголы **сағын-** «думать» и **пiл-** «знать», которые, в силу своей многозначности и частотности, вместе со своими аналитическими и синтетическими производными покрывают большинство аспектов ментальной деятельности. В семантической классификации ЛСГ ментальных глаголов они рассмотрены в отдельном порядке.

2.2. ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОЦЕССА (МЫШЛЕНИЯ)

Глаголы, составляющие данную микрогруппу, указывают на изменение состояния в сознании субъекта, т. е. переход от отсутствия пропозиции к ее наличию или последовательный переход от одной пропозиции к другой, логически связанных и следующих друг за другом. Н. Г. Бяковская отмечает новизну пропозиции, вводимой глаголами мысли, «причем пропозиция является новой, прежде всего, для самого субъекта» [Бяковская, 2011, с. 42]. Результат мысли (сама мысль), который вводят эти глаголы, является неконтролируемым, несмотря на то, что сам процесс мышления является, безусловно, контролируемым.

К категории глаголов мышления (мысли), кроме идентификатора **сағын-** «думать», относятся глаголы со значениями понимания (базовый глагол **оңна-**), внимания (базовый глагол **сизiн-**), сравнения (базовый глагол **тиннестiр-**), решения (базовый глагол **пöк-**), проверки и контроля (базовый глагол **сыныхта-**) и др. Характерная концептуально-семантическая особенность глаголов мышления – это «динамичность», т. е. оперирование знанием, а глаголов знания – «статичность», т. е. обладание знанием.

2.2.1. Семантическая структура глагола *сагын-* «думать» и его производных

Глагол-идентификатор **сагын-** «думать» является наиболее частотным и многозначным, в основе его семантики доминирует указывание на изменение состояния в уме субъекта. Многозначность глагола *думать* отмечается и в русском языке, в семантику которого включаются «ситуации неконтролируемого ассоциативного мышления, сознательного процесса мышления по конкретному поводу, отдельные мыслительные операции – анализ, синтез, классификация, абстрагирование» [Кадоло, 2004, с. 8]. Н. Г. Бяковская пишет: «Глаголы мысли обладают рядом концептуально-семантических особенностей, таких как (1) «динамичность» (они всегда обозначают переход от отсутствия пропозиции к ее наличию или последовательный переход от одной пропозиции к другой в сознании говорящего), (2) новизна пропозиции, вводимой глаголами мысли (причем пропозиция является новой, прежде всего, для самого субъекта), (3) неконтролируемость результата мыслительной деятельности и (4) актуальность глаголов мысли [Бяковская, 2011, с. 42].

В основе семантики глагола **сагын-** «думать» лежит динамичный признак, т. е. он указывает на изменение состояния в уме субъекта, под которым подразумевается переход от отсутствия пропозиции в сознании субъекта к ее наличию. Глагол **сагын-** «думать» по семантике идентичен идентификаторам соответствующей ЛСГ в других тюркских языках **санан-** «думать», в частности, в алтайском языке, образованным от имени **санаа** «мысль, ум, сознание». Ведущее место глагола **санан-** среди глаголов интеллектуальной деятельности в алтайском языке отмечает и А. Т. Тыбыкова [Тыбыкова, 1991, с. 138]. Глагол **сана-** в хакасском языке имеет узкое значение Глагол **сана-** в хакасском языке обозначает: «1) считать, подсчитывать кого-л., что-л.; 2) вычислять; 3) признать кого-л. что-л., считать кем-л., чем-л., кого-л., что-л.» [ХРС, 2006, с. 443]. Здесь мы наблюдаем исторический сдвиг семантической нагрузки между этими глаголами в близких тюркских языках.

В шорском языке **сагын-** обозначает «тосковать, скучать», а глагол **санан-**, как и в алтайском языке, выражает значение «думать». Н. К. Дмитриев пишет: «В монгольском языке корень **саныху** значит «думать», «считать». Возможно, что **сан** исторически разлагается на **са+н**, и вместо **сан** возник дублет **сай** «счѐт», «число» (в азербайджанском языке), откуда и происходит глагол **сай-мак** «считать, полагать». Автор отмечает также, что из всех значений алтайского глагола **сана-** в татарском языке сохранилось только одно «счѐт», отсюда глаголы со значением «считать». И тем самым «отразилось известное положение: от

более конкретного к более отвлеченному» [Дмитриев, 1962, с. 577]. В Древнетюркском словаре зафиксирован глагол **saq** – думать, считать, принимать что-л. *bardi ęranqonuq / körüpqutqasaqar* ушли [те] мужи, [которые] считают счастьем принять гостя (МК I 85) [Древнетюркский словарь, 1969, с. 486]. Как видим, семантика хакасского глагола **сағын-** «думать» соответствует древнетюркскому первоисточнику. Аффикс возвратного залога **-ын-** – это результат исторической деривации.

Рассматриваемый глагол в ХРС представлен как: **сағынарға / сағын-**: «1) думать, мыслить; 2) думать, полагать, считать; 3) думать, собираться, намереваться; 4) думать, заботиться, беспокоиться о ком-л., чем-л.; 5) тосковать, скучать по кому-л., чему-л.» [ХРС, 2006, с. 427]. Анализ семантики данного глагола показал, что это сложное иерархическое соединение различных ЛСВ, выявляющихся в условиях их реализации в тексте. При определении конкретных значений ведущую роль играют синтаксические показатели, представленные в виде системной типовой сочетаемости. Весь набор ЛСВ глагола **сағын-** «думать» выделен на два типа: 1) первичные ЛСВ, связанные с обобщенным понятием «интеллектуальная деятельность»; 2) вторичные ЛСВ, утрачивающие связь с основным понятием и трансформирующиеся в другие семемы. Первая подгруппа – это первичные производные ЛСВ, связанные с обобщенным понятием «интеллектуальная деятельность». Вторая же подгруппа – это вторичные ЛСВ, утрачивающие связь с понятием «интеллектуальная деятельность» и трансформирующиеся в другие семемы. Здесь следует отметить, что эти семемы связаны также с другими видами человеческой деятельности.

Первичные ЛСВ глагола сағын- «думать»:

ЛСВ1 а) «думать, т. е. проявлять способность к умозаключениям на основе отражения окружающей действительности в абстракциях». Содержание мысли выражается:

- прямой речью: – *Кем хызын пирер чох кізее? – иди сағынчазың син?* (Ах, 54) – Кто отдаст [свою] дочь бедному человеку? – так **думаешь** ты. – *Тайга ээзі мында чуртапча полар, – сағынчалар харындастар* (Ах, 49) – Хозяин тайги здесь живет наверно, – **думают** братья;
- пропозиционально, с помощью вводит связки **тіп** (мол, будто, что...): *Син минің чүреемні харах часха хайылдырып алам тіп сағынма* (Ат, 1991, с. 53) – Ты **не думай**, что сможешь растопить мое сердце слезами. *Сағынмаңар, чир ұстүнде күлүк аттар ла чарысха сыхча тіп* (Хп, 4) – **Не думайте**, что на этой земле на скачку выходят только резвые кони.

Если через **тіп** вводится отдельное имя (**кізі** «человек», **сас** «боло то» и т. д.), то это – односоставное предложение. Но в ней нет законченной

мысли, объяснение – в соседних предложениях: *Кем-де чолча чўғ ўр нарыбысхан. Сагынгам: Коля – Кто-то пробежал по дороге. Я думал: Коля. Или же: Коля тiп сагынгам – Я думал, что Коля. Харын даа синзiң. Мин пўўр тiп сагынгам* (Ат, 1991, с. 90) – Как хорошо, что это ты. А то я думал, что волк;

– именем в форме делибератива. *Мин синiң аргаазыңнаңар (кўл ўгiңнеңер, махачыңнаңар, кўйтiгiңнеңер) сагынчам* – Я думаю о твоей лени (трудолюбии, мужестве, хитрости). Однако такие предложения воспринимаются как неполные, т. к. дальше должна быть конкретизация: что именно я думаю о твоей лени (трудолюбии, мужестве, хитрости).

ЛСВ1 б) «размышлять». Предмет мысли выражен непропозициональным или пропозициональным актантом в винительном падеже. *Че оолгым пiди табырах килерiн пiр дее сагынмаам* (Ит, 125) – Но я совсем не думал о том, что [мой] сын приедет так быстро. Данная форма раскрытия содержания объекта, в отличие от имени в вин. падеже, по подробнее раскрывает «тему» размышления. *Мин кичеедең сыгара ол хоостарны сагынчам* – Я со вчерашнего дня думаю про эти рисунки. *Пазох сагынгам мин ибiмнi* (Ат, 123) – Опять я думал про свой дом. Объект в форме вин. падежа замыкается определённой «темой» и становится предметом мысли в силу какой-то причины (беспокойство, воспоминание, радость и т. д);

ЛСВ2 «считать; иметь [своё] мнение, точку зрения, как результат своих собственных размышлений». В данном ЛСВ глагол **сағын-** выражает уверенность субъекта в своих представлениях и синонимичен глаголу **сана-** в ЛСВ «считать» и в контекстах они могут взаимозаменяться. Маркерами, реализующими данный ЛСВ, выступают придаточное предложение, имя со связкой **тiп**. *Мин андада синнең артых хаттар хайдар партыр тiп сагынгам (санаам)* (Ат, 1991, 55) – Я тогда считал, мол, есть бабы и получше тебя. *Мин синi хыйга тiп сагынчам (санапчам)* – Я считаю, что ты умный. Придаточное предложение и имя со связкой **тiп** выражают мнение, умозаключение субъекта.

Глагол **сағын-** также выступает в роли вводного слова. Объект (суждение, умозаключение) представляется в виде самостоятельного предложения: *Сагынчам, магаа пiр дее кишк иди чидер* (Ат, 1991, 65) – Думаю, мне хватит мяса и одного оленя;

ЛСВ3 «вспоминать кого-что-л.». Данный ЛСВ обеспечивается пропозициональным актантом в форме вин. п., как в случае с ЛСВ1 «думать, т. е. проявлять способность к умозаключениям на основе отражения окружающей действительности в абстракциях». Но содержание «мысли» при

глаголе **сағын-** в ЛСВ «вспоминать кого-что-л.» отнесено к прошедшему времени по отношению к моменту воспоминания. *Ис сохчаңнарның чапчаң тоғынғаннарын сағынчам* (Хчк, 68) – Вспоминаю, как ловко работали ткачихи. *Пастағы тоғазыгда күлімзірееніңні удаа сағынчам* (Чч, 45) – [Я] часто вспоминаю твою улыбку при нашей первой встрече.

Кажется, было бы полезно поэкспериментировать с этим значением глагола следующим образом: а) посмотреть, не будет ли вылезать какой-нибудь плюс-квам-перфект во вторичной предикации, если сказуемое ставить в прошедшее время. Думаем, такое возможно: *Чир-сугчылар талайда тынанғаннарын хайди хыныг чоохтааннарын сағынчам* – Думаю (вспоминаю), как рассказывали земляки о том, как они весело отдыхали на море. Однако здесь вместо винительного объекта может напрашиваться делибератив: *Ол, ипчилер хуюдаң сыхханда, хайди улуғ бріністе Христостың тіріл парғанынаңар чоохтааннарын сағынған* – Он вспоминал о том, как женщины, выйдя из пещеры, с большой радостью рассказывали о том, что Христос ожил;

б) как будут выражаться по-хакасски случаи типа *Я вспоминаю / всегда помнил о нём только хорошее*, т. е. попытаться при глаголе в этом значении получить выражение и темы = предмета, и содержания? *Мин аның кізілерге көп чахсы иткеннеңер сағынчам* – Я думаю о том, сколько хорошего он сделал людям. Здесь в значении «вспоминать» будет выступать ФЕ **сағысха кир-** «вспоминать кого-что-л.; букв. вводить в мысли (думы)», а объект будет выражаться сказуемым в вин. п.: *Мин аның кізілерге көп чахсы иткенін сағысха кирчем* – Я вспоминаю, о том, сколько хорошего он сделал людям. Глагол **сағын-** в значении «вспоминать» здесь не проходит. ФЕ **сағысха кир-** «вспоминать» обычно сочетается с объектом вин. п. или прямой речью и исключает сочетание с делиберативом;

ЛСВ4 «мечтать, предаваться воображениям, размышлениям». Данный ЛСВ реализуется при сочетании с делиберативным объектом (формой на **-наңар/-неңер** (о ком / о чём)). Глагол **сағын-** в ЛСВ «заботиться о ком-о чём» также сочетается с делиберативом. Но мечта и воображение обычно соотносятся с будущим временем: *Петя каникулларда хайди талайзар парарынаңар сағынған* – Петя мечтал о том, как на каникулах поедет на море. Возможен и короткий вариант этого предложения: *Петя талайдаңар сағынған* – Петя мечтал о море. *Чатчатханда, ол колхозтаңар сағынған* (О, 57) – Он, лёжа, мечтал о колхозе. *Ол, узуп полбин, аалдағы хыстардаңар сағын парыбысхан* (Чт, 40) – Он долго не мог уснуть и мечтал о девушках.

Вторичные ЛСВ выводят глагол **сагын-** «думать, т. е. проявлять способность к умозаключениям на основе отражения окружающей действительности в абстракциях» за пределы мыслительной деятельности. Здесь наблюдаются семантические сдвиги за счёт утраты семы «мыслительная деятельность» и приобретения других сем. Вторичные ЛСВ глагола, хоть и не обозначают мыслительный процесс, но объединены общим дифференциальным признаком «практическая реализация мыслей, суждений, умозаключений». Это следующие ЛСВ:

ЛСВ1 «намереваться, иметь намерение, собираться делать что-л.». Здесь глагол **сагын-** обозначает ситуацию намерения субъекта к какому-либо действию и предполагает элемент желательности. Объектная позиция раскрывается инфинитивом на **-арға**, подразумевающим действие, на реализацию которого решился субъект в результате продолжительных размышлений. *Пірсінде тичезінең хада киноға парарға сагыныбысханнар* (Ат, 1991, 48) – Однажды они со своей сестрой **собрались** в кино. *Наука-методика кінiнiң тогынчылары «Тахпахчы» клуб азарға сагыныбысханнар* (Хч, 1998, 53, 5) – Сотрудники научно-методического центра **вознамерились** открыть клуб «Тахпахчы». *Мукул позы даа ырах парарға сагынган* (Ит, 163) – Мукул **собрался** идти далеко. *Интен ле тогынчадыт, нога саназарға сагыныбыстың?* (Чт, 14) – Ты так хорошо работал, почему **решил** уволиться? *Хызының хайдар иди удаа чөрчеткенін піліп аларға сагыныбысхан* (Ах, 52) – Он **решил** узнать, куда дочь так часто ходит? *Пай, чабал даа полза, кізі нога. Ансах агаа польс пирерге сагыныбысхан* (Ах, 63) – Бай, хоть и злой, но все-таки человек. Старик **решил** ему помочь;

ЛСВ2 «заботиться, проявлять заботу о ком-чем-л., беспокоиться». При функционировании данного ЛСВ в качестве объекта выступает распространённый объектный инфинитив на **-арға** и делибератив на **-наңар / -ненер**. *Пуўн палаларымны хайди азырарға, хайди тонандыарға сагынчам* (Хч, 3) – Сегодня я **забочусь** о том, как прокормить и одеть детей. *Палаларымнаңар сагынчам* – Я **беспокоюсь** о своих детях;

ЛСВ3 «хотеть, проявлять желание делать что-л.». Данный ЛСВ реализуется в сочетании с распространённым объектным инфинитивом на **-арға**. *Пуўн сагынчам олган поларға, іче хучаанда одыарға* (Ат, 113) – Сегодня [я] **хочу** быть ребенком, сидеть на коленках у матери. *Син позының саба чолыңнаң хыйа настырарға сагынминчазың* (Ит, 132) – Ты **не хочешь** сойти со своей кривой дорожки;

ЛСВ4 «скучать, тосковать о ком/чём-л.». В хакасском языке нет самостоятельного глагола, выражающего значение «скучать». Функция данного значения возложена на глагол **сагын-** «думать». Объект выражен именем или распространённым дополнением в форме дат. падежа.

Сагынам мин сагаа, Айгах! Че хайди идер зе, учух көр тигірзер (Ах, 74) – Буду **скучать** по тебе, Айгах! Но что делать, лети ты в небо. *Чир-суума угаа сагын пардым* (Чт, 1997, 157,4) – Я очень **соскучился** по [своей] родине. *Көрігчiler аның үніне сагын партырлар* (Хч, 154, 8) – Зрители **соскучились**, оказывается, по его голосу. *Айгах, нога түспинчезің? Мин сагаа сагын пардым* (Ах, 74) – Айгах, почему не спускаешься? Я **соскучился** по тебе.

Сложные глаголы, построенные по типу «**сагын-** «думать» + вспомогательный глагол», выражают различные акциональные и аспектуальные значения, чаще всего – продолжительность мыслительного процесса. В качестве вспомогательного глагола выступают: **көр-** «смотреть», **сых-** «выходить», **тур-** «стоять», **чөр-** «ходить», **одыр-** «сидеть», **пар-** «идти», **пол-** «быть» и т. д. Сложные глаголы функционируют как самостоятельные лексемы:

- **сагын кил-** «вспоминать кого-что-л.». Данный глагол раскрывает позицию объекта распространённым дополнением или же именем в форме вин. падежа. *Мин сині көр салзам, Онакайны сагын килчем* (Хч, 2000, 133, 8) – Когда тебя увижу, я **вспоминаю** Онакая;
- **сагын сал-** имеет ЛСВ1 «задумать». *Олар огыр чабанның худын сыгарарга паза хомай хылыгын тастадарга улуг план сагын салганнар* (Х, 14) – Они **задумали** большой план, как напугать vorоватого чабана и заставить его бросить свою плохую привычку;
- **сагын сал-** в ЛСВ2 «подумать». *Иди кирек парза, тура пірее тис чыл пазынаң на тимге сыгар, неке, тіп сагын салдым* (Кч, 32) – Если дело так пойдет, то дом, наверно, только через пять лет будет сдан, **подумал** [я]. – *Пу хустар улуг чолга сыгарга чыылысча поларлар, – істінде сагын салган Марас* (Х, 6) – Наверно, эти птицы собираются в стаи, чтоб улетать в далекие края, – **подумал** Марас;
- **сагын тап-** имеет ЛСВ1 «придумать». *Чуртаста астыхпас үчүн кизілер кибірлер сагын таап алганнар* (Сс, 6) – Чтоб не заблудиться в жизни, люди **придумали** обычаи;
- **сагын тап-** в ЛСВ2 «отгадывать». *Хынган сөспекті сөлеп пирзем, хыр сапханча сагын таппассар* (Хч, 1997, 158, 3) – Если я скажу вам свою любимую загадку, **не отгадаете** до седых волос;
- **сагынып ал-** имеет ЛСВ1 «придумать». *Хайдаң сагынып алгазың, аң-хустарны нанчы идінерін. Пірее хачан оларгаох чідіртезің* (Хп, 104) – Откуда ты **придумал** дружить со зверями-птицами. Они же съедят тебя;

- **сагынып ал-** в ЛСВ2 «задумать». *Хайдаг ниме син сагынып алдың?* (По, 12) – Что же ты **задумал**? Здесь глагол **сагын-** сохраняет в своей основе деепричастный аффикс **-ип**.
- **сагын көр-** «пробовать думать». *Позыңнаңар сагын көр* (Ат, 91) – [Ты] **попробуй думать** о себе.
- **сагын сых-** «начинать думать». *Аннаң сыгара магаа төбй кизилер толдыра полар тiп сагын сыххам* (Хч, 7) – С тех пор я **стал думать**, мол, оказывается, по похожих на меня людей много.
- **сагын тур-** «думать (продолжительное время)». *Аның М. Джалильнің поэзиязынзар айланганы тиктең нимес тiп сагын турчам* (Кч, 58) – Я **думаю**, что не зря он обратился к поэзии М. Джалиля.
- **сагын чөр-** «думать (продолжительное время)». *Хайди паспаңаң андаг чонга, андаг хыгырыгчаа тiп сагын чөрчезiң ол тогазыглар соонда* (Кч, 61) – После таких встреч **думаешь**, как же не писать для такого народа, для такого читателя.
- **сагынып одыр-** «думать (продолжительное время)». *Че оларның аттарын адирга ам даа ирте тiп сагынып одырчам* (Хч, 64) – **Думаю**, что еще рано называть их имена.
- **сагын пар-** «соскучиться». *Синiң күлiнiзiңе сагын парчам* – Я **соскучился** по твоей улыбке.

Итак, мы рассмотрели 4 первичных и 4 вторичных ЛСВ семантики глагола **сагын-**, а также 12 сложных глагола по типу **сагын-** + вспомогательный глагол. Все эти элементы парадигматического содержания образуют семантическое гнездо глагола **сагын-** «думать». Семантика глагола **сагын-** варьируется в зависимости от способа выражения объекта.

2.2.2. Глаголы со значением понимания

В хакасском языке, по нашим подсчётам, глаголов со значением понимания 12, однако при учёте всех производных единиц (синтетических и сложных глаголов) их количество будет гораздо больше. Большинство из них многозначны, их значения покрывают все необходимые аспекты процесса понимания. Увеличение количества номинаций ментального пространства наблюдается и в русском языке. Богатый набор глаголов со значением понимания, включая их аспектуальные варианты, позволяет рассматривать их в пределах отдельных семантических группировок [Лазарис, 1985; Сандриго-Гросс, 1991; Каныгина, 2012 и др.]. В Большом толковом словаре русских глаголов подгруппа глаголов понимания в ЛСГ глаголов интеллектуальной деятельности включает 50 глаголов. Общей инвариантной семей глаголов понимания является «понять что-л.

(какие-л. процессы, события и пр.), проникая в суть явлений на основе наблюдения и размышления, специальных логических умозаключений» [БТСРГ, 2007].

Базовым глаголом микрогруппы глаголов понимания является глагол **оџна-**, который в ХРС зафиксирован как: **оџна- II** «1) понимать, усваивать что-л.; 2) замечать, примечать что-л.; *тогыста кўн ирткенін оџнабинчазың* – на работе не замечаешь, как и время проходит» [ХРС 2006, с. 305]. Наше толкование значения этого глагола, составленное на основе его контекстных употреблений, несколько шире того, что находим в словаре:

ЛСВ1 «понимать»; это значение далее дифференцируется в объектном отношении на следующие семы:

- сущность явления, делая выводы из наблюдаемых ситуаций и фактов. *Ол иирде іче кізі оџнаан: палаларының ұлұзін агаа пџгерге килізер* (Ат, 38, 131) – В тот вечер мать поняла: придётся ей решать судьбу детей;
- суть происходящих событий на основании внешних признаков. *Аның чоогынаң оџназам, піс наа чыл сыбызына париған полтырбыс* (Кч, 27) – Когда я понял его слова, оказалось, (что) мы шли за новогодней ёлкой;
- житейские и нравственные ценности, полученные на основании жизненного опыта и собственных умозаключений. *Часканы полған на кізі поэзының оџдайынча оџнапча* (Хч, 1997, 11,6) – Каждый понимает счастье по-своему. *Чахсынаң чабал парың полғаны ла оџнапча* (По, 106) – Каждый понимает, что есть добро и зло;
- ситуацию, оценивая происходящее и делая выводы на основании собственных умозаключений. *Сынап піс тиспезебіс, пістің көбленізібіс тўгенерге чџр нога! Нџџс син аны оџнабинчазың?* (Ат, 38, 112) – Если мы не сбежим отсюда, наша любовь под угрозой! Неужели ты это не понимаешь?
- ситуацию, приходя к определённым выводам в результате умственных усилий и глубоких анализов жизненных ситуаций и явлений. *Чахсы иде сағын кџр, андада оџнирзың – мин андағ ниме хақан даа чоохтабаам* (По, 246) – Хорошенько подумай, тогда поймешь – я такое никогда не говорил;
- смысл речи на чужом языке. *Молларның көбізі орыс тілін оџнапчалар* (Ат, 38, 98) – Многие из монголов понимают русский язык;
- значение прошедших событий и явлений спустя некоторое время. *Соонаң на іди кџрген харахтарың сағысха киріп, мин оџнаам, ханча*

köп нине ол чоохтап пирерге иткен (Ат, 113) – Вспоминая его взгляд, я понял, как много он хотел рассказать. *Мин илбек көөлениске урунган полгам, че аны оңнабин халгам* (Ат, 38, 114) – Я встречал великую любовь, но я ее не понял;

- призыв к взаимопониманию, единому мнению и согласию. Реализуя данную сему, глагол **оңна-** употребляется во втором лице. *Сіпер оңнаңар, тогынчаң кізілер тың кирек полчалар, уламох – чиит кізілер* (Ат, 38, 130) – Вы поймите, очень нужны работники, особенно молодые люди.

ЛСВ2 «постигать». *Андада ла ол чылтыстар чазыдын оңнап алган* – Только тогда он постиг тайны звёзд.

Кроме этих ЛСВ глагол **оңна-** имеет ЛСВ3 «помнить» и ЛСВ4 «уметь». *Пу даа тогыста ол устап оңнапчатханын көзіткен* (Нчу, 26) – В этой работе он показал свое умение управлять. *Син сырлан салган хыстарнаң айгаспа, андаглар пір дее нине идиң оңнабинчалар* (Т, 7) – Ты не связывайся с накрашенными девушками. Такие (люди) ничего не умеют делать.

При реализации ЛСВ3 «замечать» глагол **оңна-** часто употребляется в отрицательной форме: **оңнабин хал-** «не заметить», при котором объект обозначает:

- какие-л. внутренние перемены: *Тамкы тартарга саңай кірібіскеніңні оңнабин даа халчазың. Хабынзаң – орай* – Даже и не заметишь, как привыкнешь к курению. Когда опомнишься – уже поздно;
- какие-л. внешние перемены. *Пірсінде оолах, аңнап парып, пір дее нимее учурабин, ах тасхылның сынынаң азып парганын оңнабин халтыр* (Хп, 110) – Однажды мальчик на охоте не заметил, как перевалил через склон белого тасхыла. Реализацию значения «замечать» в положительной форме выполняет один из ЛСВ глагола **сизін-**, который будет рассматриваться чуть ниже.

Однокоренным и во многих контекстах синонимичным глаголу **оңна-** является глагол **оңар-**. В Древнетюркском словаре представлен глагол **аңа-** «понимать» [ДТС, 1969, с. 58]; в других тюркских языках действуют **аңкар-**, **аңгар-**, **аңла-** «понимать» (сиб.-тат.), **аңда-** «понимать, догадываться» (каз.). Если исходить из того, что корень глаголов **оңна-** и **оңар-** – **оң**, то встаёт вопрос исторической взаимосвязи этих глаголов с наиболее употребительными словами – омонимами в хакасском языке: **оң I** «1) удача, везение. *Оң полып* к счастью. *Оң ползын* пусть [тебе] повезёт». **Оң II** «1) правый; *оң хол* правая рука; 2) лицевой. *Истің оң сари* лицевая сторона ткани» [ХРС 2006, с. 303]. Данный вопрос относится к области исторической грамматики. Глагол **оңар-** «понимать, разу-

меть *что-л.*; вникать в суть *чего-л.*» [ХРС 2006, с. 303]. Исходя из нашего материала, мы выделяем следующие его ЛСВ:

оңар- в ЛСВ1 «понимать», который дифференцируется в объектном отношении:

- что-л. важное для себя, проникая и доходя разумом до значения чего-л. в результате жизненного опыта. *Мин сценада чарым на кўснеч тогынарга чарабазын чахсы оңарып алгам* (Хчк, 117) – Я хорошо усвоил, что нельзя работать в полсилы на сцене. *Чоннаң иткен тогыстың туазын оңарып, аалдағылар 1929 чылда колхоз пүдирчелер* (Нгу, 97) – Сельчане, понимая пользу совместной работы, в 1929 году основывают колхоз;
- что-л. в результате длительных напряжённых умственных размышлений. *Олар агаа орыс тілін маңат оңарып аларга чахсы төмег пол пиргеннер* (Хчк, 122) – Они стали ему хорошим подспорьем в освоении русского языка. *Катристің соонда мин көп нимедеңер сағындым. Оңардым: кизи чуртазын, сиден чили, алтап парыбызарга чарабас* (Сс, 157) – После Катриса я передумал о многом. Понял: нельзя перешагивать через жизнь человека, как через забор;

оңар- в ЛСВ2 «улавливать, понимать смысл чего-л. с некоторым трудом». Данный ЛСВ2 выражается сложным глаголом **оңар пол-**, чаще в отрицательной форме. *Мин оларның чоогынаң пір дее ниме оңар полбаабын* (Тко, 93) – Я ничего не понял с их разговора.

оңар- в ЛСВ3 «соображать (с трудом стараясь постичь окружающее, но не всегда легко разбираться в чем-л.)». *Хайди піске мындаг хысхачах чуртасты оңар поларга?* (Чт, 5) – Как нам понять эту короткую жизнь? *Ол оңарган, хайди аны кем-де көйлче иркінге одыртхан. Анаң ол паза пір дее ниме пілінмеен* (Ат, 38, 118) – Он соображал, как его кто-то садил на порог. Дальше ничего не помнил. *Мачай парчатханын түстегі ле чили оңарча. Харахтары чабылып, Коляның соонча аар хаалаан* (Т, 31) – Мачай тяжело шагал за Колей и соображал словно во сне. Хотелось спать;

ЛСВ4 «сознавать, осознавать (понимать что-л., убедившись в истинности, правильно оценивая происходящее)». *Хызапый, кічицек хызычах, пичезін паза пылас полбазын, саңай чидірчеткенін оңарып, улуг сыытта нан сыххан* (Кх, 15) – Хызапый, маленькая девочка, сознавая, что не сможет отбить [свою] сестру и что теряет её навсегда, горько рыдая, возвращалась домой. *Позының пырозын ол оңарган* (Хт, 95, 2, 59) – Он осознал свою вину.

Производные от **оңар-** глаголы **оңарыл-** и **оңарын-** частотны и их первичные ЛСВ выражают процессы, несколько отличные от понимания. Они включены в подгруппу глаголов со значением «выходить из со-

стояния полной потери памяти» подгруппы глаголов со значением операций памяти. Следует отметить, что глагол **оңна-** не может принимать никакие залоговые показатели.

Как видим, значения однокорневых глаголов **оңар-** и **оңна-** в основном совпадают в ЛСВ «понимать». Остальные их ЛСВ могут пересекаться в определённых контекстных условиях.

Мы располагаем богатым материалом, показывающим, как глагол **оңар-** во всех ЛСВ, сочетаясь с вспомогательным глаголом **пол-** «быть», и путём присоединения показателя отрицания **-ба-** выражает невозможность понять, постичь, узнать что-л.: *Оңар полбаан, нимее хатхырча Илбей* (Кх, 111) – Не понял, из-за чего смеётся Илбей. *Пастабох сірерні инейнең таныстыр салбаам, пір дее ние оңар полбассар* (Кч, 29) – Если сразу же я вас не познакомлю со старушкой, вы ничего не поймете. *Хайдаг-да кізі сағызы читпес, оңнап полбас чазыт оларда* (Ат, 38, 43) – У них какая-то тайна, которую невозможно постичь.

Глагол **хабын-** «1) *возвр.* от хабарга хвататься, цепляться за что-л.; 2) спохватиться; *пір ние хабынмасха* ничего не подзревать (не спохватываться); *тузында хабынарга* спохватиться вовремя; *сағыс хабынарға* а) опомниться; б) задуматься» [ХРС, 2006, с. 770]. Значение понимания данного глагола мотивировано от первичного ЛСВ «хвататься».

ЛСВ1 «спохватиться». *Эелері, чылгы чоғын хабынып, сүрізіп килтір* (Хп, 52) – [Их] хозяин приехал вдогонку, спохватившись, что нет табуна;

ЛСВ2 «смекнуть». *Марик, өлімніг хорғыс поэна түзіп одырганы ам на хабынып, ах тос ла пол парған* (Ба, 373) – Марик поблелдела, смекнув, что на нее надвигается смертельная угроза. – Э-э, – *пу чоохты истіп, хабына түскен Хоосха, – пу угаа хыйга ипчі полтыр, че миннең хыйга полбиндыр* (По, 232) – Э-э, – смекнул Кот, слушая рассказ, – оказывается, эта женщина умная, однако не умнее меня;

ЛСВ3 «понимать». *Хыза чапчаң ахсы чох горшоктарда суг даа тудылбазын хабынмаан* (Ба, 23) – Хыза даже не понимала, что в горшках без крышки невозможно держать воду. *Ам на хабын салдым, пістең, хап тазыпчатханнарнаң, пасхазына пірдеезіне мөйт чоғыл* (Чч, 19) – Только теперь поняла, кроме нас, таскающих мешки, никому больше нет мёда.

Глагол **ух-** «понимать» активно действует в шорском диалекте хакасского языка и является аналогом литературного глагола **оңна-** «понимать»: *Өөркі чөптің пресс-центрінде ле аны угып алтыр* (Хч, 2) – Он это понял только в пресс-центре Верховного совета. *Кізі прай нимені угарга, оңарарга төреен ние* (Хч, 2) – Человек рожден для того, чтоб все понимать.

Как отмечалось ранее, глагол **піл-** «знать» является ядерной единицей подгруппы глаголов интеллектуального состояния (или знания). Но в

своём ЛСВ «понимать» он переходит в разряд глаголов мышления и конкретизирует объект следующими дифференциальными семами:

- понимание каких-л. жизненных истин. *Чуртасты үргенчліг ле кизілер көдір поларын палалар даа пілгеннер* (Хч, 8) – Даже дети **понимали**, что только образованные люди могут улучшать (букв. поднимать) жизнь. *Аң даа мындаг полчаңох полтыр ноо! Кізі чахсызын пілібөкче одыр ноо* (П-о, 262) – Оказывается, и зверь таким бывает! **Понимает** доброту человека, оказывается. *А ниме сыннаң кизілерге кирек, анзын мин пір дее чахсы пілбиндірбін* (Чт, 6) – Оказывается, я **не понимал**, что нужно людям;
- понимание происходящей ситуации. *Ниме пол парды позымнаң – пілбинчем* (Хт, 17) – Что случилось со мной – **не понимаю**. *Пістің чааңылар ниме үчүн чааласчатханнарын пілбинчелер* (Хч, 1996, 161, 4) – Наши солдаты **не понимают**, за что они воюют;
- понимание исхода ситуации (предсказание). *Садсар мангусталар килгенде, мындагы чыланнарга түгенчі күн килгенін Наг пілген* (По, 265) – Наг понимал, что с приходом в сад мангуст, для здешних змей наступит последний день. *Ол Ористің аалзар сагам айланмазын чахсы пілчеткен* (О, 35) – Он хорошо **понимал**, что Орис не вернётся в деревню. *Хайдаң ахча аларын олар пілбинчелер* (Хч, 1997, 135, 4) – Они **не понимают**, откуда брать деньги.

Помимо глагола **піл-** при управлении позицией, описывающей какие-либо ситуации или жизненные истины / ценности, значение «понимать» выражают и сложные глаголы, образованные путём сочетания глагола **піл-** со вспомогательными глаголами **пол-** «быть» и **ал-** «брать». Глагол **піл пол-** обозначает возможность субъекта понимать. При образовании данной конструкции первый компонент **піл-** выступает в роли деепричастия **піл+іп**, но аффикс деепричастия **-іп** выпадает. *Пілчезің [піл полчазың] ме син, пай кізі чох кизее хачан даа нанчы полбас* (Ах, 56) – Понимаешь ли ты [можешь ли ты понять], что богач бедному никогда не будет другом. Синтаксисты подобные конструкции именуют модальными бивербальными конструкциями [Шамина, 2010; Озонова, 1999 и др.]. В хакасском языке модальному значению возможности, в том числе конструкции с глаголом **пол-**, посвящены работы В. Г. Карпова [1980], К. Н. Бичелдей [2005] и др.

Глаголы **піл-** и **піл пол-** в отрицательной форме сходятся в проявлении семы «непонимание». Глагол **піл пол-** обычно употребляется в отрицательной форме и маркирован компонентом «невозможность», что привносит в контекст сему «непонимание чего-л. (напр., происходящей ситуации), несмотря на проявление каких-л. мыслительных усилий». *Піл*

полбинчатхам, хайдаг ниме пол парып, иди ойлатхлап чөрчеткеннерін (Хч, 3) – Я не понимал, что случилось, почему они так скакали туда-сюда (на лошади). *Сірернің харахтаң чоохтасчатханнарыңны мин піл полбинчам* (Хч, 1997, 152, 3) – Я не понимаю, как вы разговариваете глазами. *Хыңганымны піл полбинчам* – Я не могу понять [свою] любимую.

В алтайском языке также встречаются аналитические конструкции с **бол-** в отрицательной форме [Озонова, 1999, с. 143]. В тюркских языках глаголы в сочетании с этим вспомогательным глаголом обычно дают значение возможности действия. Однако *Мин сині чახсы піл полчам* (По, 54) – Я тебя хорошо понимаю. При замене глагола **піл пол-** глаголом **піл-** смысл предложения меняется: *Мин сині чახсы пілчем* – Я тебя хорошо знаю. Данный пример доказывает, что для реализации того или иного ЛСВ глагола имеет важное значение объектная установка.

По семе «возможность понять что-л.» глаголу **піл пол-** противопоставляется **піліп ал-**, актуализирующий совершенность действия. Глагол **піліп ал-** в объектном отношении дифференцируется в таких семмах:

- понимание / познание жизненного опыта и его осмысление. *Позымның садыг сынаныстарынаң мин пір ниме піліп алғам* (Чт, 6) – Из своего опыта торговли я **понял** одно;
- понимание лица (его поведения и слов). *Піліп ал ипчі кізіні* (Хч, 6) – Вот и **пойми** женщину.

В отличие от глагола **піл полба-** «невозможность понять», глагол **піліп ал-** характеризуется совершенностью и исчерпанностью действия. Об общетюркском аналитическом образовании **-п ал-** А. А. Юлдашев пишет: «Сложные глаголы и видовые образования существенно различаются между собой самим характером видового значения: в сложных глаголах видовое значение сводится к указанию на исчерпанность действия или его этапа, в видовых же образованиях характеризуется исчерпанность частичного проявления действия» [Юлдашев, 1965, с. 84].

В состав глаголов понимания переходят многозначные глаголы **сис-** «то же, что и **сизін-** (в 1 знач.); *мал-хус чир тітірирін сисче* осхас оказывается, животные предчувствуют землетрясение; 2) разгадывать, отгадывать что-л.; *сиспекті сизерге* отгадывать загадку» [ХРС, 2006 с. 463] и **сизін-** «1) чувствовать, предчувствовать, чутя; 2) догадываться, понимать; замечать что-л.; 4) остерегаться кого-л., чего-л.» [ХРС, 2006, с. 463–464] из подгруппы глаголов с общим значением внимания на основании своих вторичных ЛСВ. Глагол **сис-** «понимать». *Паза ла сиссе, сынап таа андар алдыра чол сыххан аның эшелоны* (Хчк, 37) – Он **понял**, что его эшелон действительно отправился туда. *Хыңганының көңнін*

пазыдынаң даа сис салча – Своего любимого понимает даже по его походке. В данном ЛСВ глагол **сис-** переходит в подгруппу глаголов понимания.

Глагол **сизін-** в ЛСВ «понимать». *Пістің чон худаї піске хайди хынчатханын пір дее сизінминче* (Хч, 2) – Наш народ не понимает, как бог любит нас. *Ол сизінминче чалчы пол парғанын* (Тс, 4) – Он не понимает, что стал рабом.

Анализируя семантическую структуру глаголов, мы исходим из определения значения как сложного понятия, представляющего собой совокупность различного рода семантических компонентов, набор которых определяют условия реализации. Состав глаголов, входящих в системную группировку, по-разному соотносится с делением ЛСВ на первичные и вторичные. В частности, в рассматриваемой подгруппе глаголы **оңна-**, **оңар-** и **ух-** обозначают процесс понимания в своих первичных ЛСВ, а глаголы **оңарыл-**, **оңарын-**, **сис-**, **сизін-**, **хабын-**, **піл-** – во вторичных ЛСВ. Однако при общности инвариантного значения понимания ЛСВ этих глаголов «...независимы друг от друга и в том плане, что реализация каждого из них в речи всегда сопровождается исключением всех остальных. Но, являясь элементом смысловой структуры слова, а также еще более сложного образования – лексико-семантической системы – ЛСВ многозначного слова не обладают одинаковым языковым статусом и, следовательно, не являются равноправными. Кроме того, они по-разному относятся и к обозначаемым ими денотатам ...» [Борисова, 1984, с. 39]. Все описанные выше глаголы многозначны, однако все их ЛСВ не выходят за пределы ментального пространства, за исключением отдельных ЛСВ глаголов **хабын-** и **піл-**, которые в первичных ЛСВ состоят в других ЛСГ.

2.2.3. Глаголы со значением внимания и сосредоточенности

Концепт «внимание», подразумевающее собой состояние сосредоточенности и направленности психических и ментальных функций на определённый объект, в разной степени является необходимым сопутствующим условием многих процессов: поведенческих, эмоциональных, познавательных, тактильных и др., и тем самым играет важную роль в успешном взаимодействии человека (и других живых существ) с окружающим миром. Как одно из характеризующих аспектов познавательной деятельности человека, внимание становилось объектом исследования в разных областях науки: психологии, логики, когнитивной лингвистики, психолингвистики. Однако наиболее широкое научное освещение данное понятие получило в психологии, где его общепринятое толкование гласит:

«внимание – это направленность психики, сознания на определённый объект, имеющий для личности устойчивую или ситуативную значимость. Оно предполагает повышение функционирования сенсорики, памяти, интеллекта. Внимание обеспечивает положительную задержку ментальной активности на том или ином предмете или явлении. Установка определяет выбор тех или иных впечатлений, событий, концентрацию на них психической энергии. Сущность внимания заключается в направленности, которая определяет селекцию информации, предполагающую произвольный и произвольный выбор объектов и более длительную обработку, сохраняющуюся в сознании. Сущность также заключается в сосредоточенности субъекта на объекте» [<http://www.studfiles.ru/preview/4346415/>]. Из сказанного следует, что внимание субъекта, направленное на процессы, происходящие внутри него, и на объекты окружающего мира, является составной частью ментально-психической деятельности человека (и других живых существ). В психологии внимание не считается особым психическим процессом, как, например, мышление, эмоция, поведение, а может служить лишь их составляющим звеном. Лингвистические словари семантику слова «внимание» обычно определяют как: «1) сосредоточенность мыслей, зрения на каком-либо объекте; 2) заботливое чуткое отношение к кому-либо» [БТС, 2000, с. 138; Ожегов, Шведова, 2005, с. 88; Ушаков, 2013, с. 65 и др.].

Л. М. Васильев глаголы внимания в русском языке связывает с понятием восприятия: «...внимание является необходимым условием восприятия, предворяющим его актом сознания» [Васильев, 1981, с. 68]. Действительно, в совокупность психических и познавательных процессов включаются и такие элементы, как «внимание, ощущение и восприятие, представление и воображение, память, мышление и сознание, связанные с речью и развитием этих процессов. Внимание – определённая активизация сознания человека, направленная на избирательное восприятие объективной и субъективной действительности» [Волченков, 2009, с. 23]. Человек обычно сосредотачивает своё внимание на объекте, который воспринимает. Однако внимание не может функционировать самостоятельно, оно выступает как необходимый элемент всеобщего познавательного процесса, т. е., проявляясь внутри восприятия и мышления, оно обеспечивает успешную работу человеческого познания.

В классификационной системе хакасских ментальных глаголов глаголы с доминирующим признаком внимания (или условно будем называть их глаголами со значением внимания) представляют отдельную микрогруппу в подгруппе динамичных глаголов мышления. Всего их насчитываем 13 глагольных единиц, объединённых по общей инвариантной семе «сосредоточить [своё] внимание на определённом объекте при

отвлечении от других». Все они по характеру проявления этой общей семы внимания выделены на два семантических типа: 1) глаголы, выражающие внимание, как доминирующий элемент познавательного процесса; 2) глаголы, выражающие внимание, как доминирующий элемент психофизиологического процесса. Рассмотрим их более подробно:

1) глаголы, выражающие внимание, как доминирующий элемент познавательного процесса. В данную микрогруппу входят глаголы, в семантике которых внимание является обязательным компонентом мыслительного процесса. Здесь наиболее многочисленным и богатым в смысле словесного выражения является словообразовательное гнездо – совокупность однокоренных слов с корневой основой – **сис-** «замечать». Данное гнездо включает в себя многозначные глаголы **сизін-, сизірке-, сизіктен-**, в семантике которых процесс концентрации внимания является основным. В морфологической основе этих глаголов наблюдается озвончение глухого согласного **-с-** в **-з-** в интервокальной позиции. Глагол **сис-** в хакасском языке употребляется редко и в Хакасско-русском словаре он представлен как: «**сис-** то же, что и **сизін-** (в 1 знач.); *мал-хус чир тітірирін сисче осхас* оказывается, животные предчувствуют землетрясение; 2) разгадывать, отгадывать что-л.; *сиспекті сизерге* отгадывать загадку; *сөспекті сизерге* разгадывать смысл пословицы» [ХРС, 2006, с. 463]. Наш контекстуальный анализ, основанный на обширном фактическом материале, семантики данного глагола позволил выделить такие его ЛСВ:

ЛСВ1 «заметить». *Иб ээзі, мінің андар харах албин көрчеткенімни сис салып, позы чоохты настанча* (Хчк, 106) – Хозяин дома, **заметив**, что я не отрываю от него глаз, сам начинает беседу. *Кирі Тұлгее соонда нима полчатханы көрінминче, че ол кинетін сис салган* – Кролик *азан көдірче* (По, 220) – Старой Лисе не видно, что происходит у неё сзади, но вдруг она **заметила**, Кролик поднимает ногу;

ЛСВ2 «догадываться». *Паза ла сиссе, сынап таа андар алдыра чол сыхан аның эшелоны* (Хчк, 37) – Он **догадался**, что его эшелон действительно отправился туда;

ЛСВ3 «предугадывать». *Хынганының көңнін пазыдынаң даа сис салча* – Настроение своего любимого она **предугадывает** по его походке.

ЛСВ3 «понимать». В данном ЛСВ глагол **сис-** переходит в подгруппу глаголов со значением понимания. *Син зе, ам сисчем, он даа палалыг ползаң, хынчатхан ирге паразың* (Ат, 1991, 56) – Ты-то, как я сейчас **понимаю**, и с десятью детьми выйдешь замуж за любимого мужчину.

Значение сосредоточения / привлечения внимания передает также ФЕ **сис хап-** «букв. схватить внимание», образованное из субстантивированного имени **сис** «внимание; внимать» и глагола **хап-** «хватать», кото-

рый в её семантику привносит оттенок внезапности: «1) заметить; 2) смекнуть». *Паза ла сис хапса, андар чоон адай чүжүрп одыр* – Как только он **заметил**, к нему бежала большая собака. *Ам на сис хаапча Арминек, пабазы иртен иртох чолга сыгыбыстыр* – Только сейчас **смекнул** Арминек, что [его] отец вышел в путь с утра пораньше.

Наиболее частотным из глаголов данного словообразовательного гнезда является многозначный глагол **сизин-**, толкование которого в Хаккасско-русском словаре представлено как: **сизин-** «1) чувствовать, предчувствовать, чуют; *нандырыг тударын сизинерге* чувствовать ответственность; 2) догадываться, понимать; *кизи хылыгын сизинерге* понимать чей-л. характер; замечать что-л. *аң оңдайын сизинерге* замечать повадки зверей; 4) остерегаться кого-л., чего-л.; быть осторожным, предусмотрительным; *чабал кизидең сизинерге* остерегаться дурного человека; *агырыг сизинерге* остерегаться болезни» [ХРС, 2006, с. 463–464]. Как видим, семантическая структура данного глагола содержит множество ЛСВ, связанных между собой на уровне передачи семантических особенностей психического процесса.

Проведённые нами компонентный и контекстный анализы семантики глагола **сизин-** выявили следующие её ЛСВ:

- ЛСВ1 «заметить, замечать». *Андаг маң чох тус аразында чайгының чылыг кўннері пасталыбысханын сизинмин дее халгабыс* (Хч, 1997, 158, 7) – В такой суматохе мы и **не заметили**, как наступили тёплые летние дни. *Сала пик чуртаан чон мыны сизинген* – ноо киректеридір оларның Тайдаңның чуртында (Тс, 21) – Более-менее зажиточные люди это **заметили** – какое им дело до дома Тайдана. Данный ЛСВ обеспечивает глаголу **сизин-** ведущее положение среди глаголов со значением внимания. И, как частотный глагол, выражающий общее инвариантное значение «сосредоточить [своё] внимание на определённом объекте при отвлечении от других», он является доминирующим глаголом микрогруппы. С ним связаны и остальные члены микрогруппы, дополняющие семантику внимания определёнными дифференциальными семами;
- ЛСВ2 «предчувствовать». *Хараа тооза узубааннар Станишевскийлер. Хоньхтарына хара кўн читкенін чўрекең сизинчеткеннер* (Тс, 8) – Всю ночь не спали Станишевские. Они сердцем **предувствовали**, что в их жизни наступает чёрный день;
- ЛСВ3 «чуют». *Ол ыырчызын, чыс хаап, сизинген* (Ат, 1991, 129) – Он своего врага по запаху **чуял**. *Адайлар тайгазар аңнап парчатханнарын чахсы сизинчелер* (Хч, 1997, 90, 2) – Собаки хорошо **чуют**, что они идут в тайгу на охоту;

- ЛСВ4 «чувствовать». *Истіңде чазырған хайдаг-да сағыстарыңнаң оларнаң үлесчетсең, сизінчезің, сагаа мында хынчалар* (Чт, 1997, 157, 4) – Если с ними делишься какими-то своими секретами, то **чувствуешь**, тебя здесь любят;
- ЛСВ2,3,4 глагола **сизін-** выражают не ментальное действие, а способность человека (или другого живого существа) ощущать (испытывать) на интуитивном уровне признаки внешнего воздействия. Считаем, что данные ЛСВ выводят глагол **сизін-** за пределы микрогруппы глаголов внимания, поскольку содержание данного ощущения не включает оттенок внимания;
- ЛСВ5 «понимать». *Анзын піс, ну чирдегілер, сизінмеспіс – пілерге чайалбаабыс* (Хч, 1998, 104, 4) – Этого мы, земные люди, и **не поймем** – нам не дано знать. *Пістің чон худаи піске хайди хынчатханын пір дее сизінминче* (Хч, 1993, 1, 2) – Наш народ вообще **не понимает**, как нас любит бог. *Ол сизінминче чалчы пол парганын* (Тс, 4) – Он **не понимает**, что стал рабом. В ЛСВ5 «понимать» глагол **сизін-** обычно употребляется в отрицательном контексте с аффиксом отрицания **-ма / -ме**;
- ЛСВ6 «спохватиться». *Сизінзебіс, халын харагат пазахтары пісті иирге читіре позытпин тут салтыр* (Х, 30) – Когда мы **спохватились**, оказывается, крупные грозди смородины нас задержали здесь до вечера. В этом случае глагол **сизін-** (с аффиксом условного наклонения **-зе**) управляет придаточным предложением, описывающим ситуацию, про которую субъект вспомнил внезапно или обнаружил какую-л. оплошность, допущенную им самим;
- ЛСВ7 «догадываться». *Кізіні тастынаң көріп, читпес хылыгын сизін полбассар* (Тх, 22) – Судя по внешности человека, **не догадаетесь** о его чёрной душе. *Чол харлыг поларын сизінчем* (Хч, 1999, 7, 6) – **Догадываюсь**, что дорога будет снежной;
- ЛСВ8 «предостерегать». При присоединении аффикса понудительного залога **-дір- (сизіндір-)**, добавляющего в семантику глагола значение воздействия на ментальное состояние адресата, мы получаем данный ЛСВ.
  - А)** – *Айана, көр, сизіктіг пол, – пірсі сизіндірче хысты* (Хч, 1997, 9, 6) – Айана, смотри, будь внимательна, – предостерегает девушку один из них;
  - Б)** – *Тайгада хысхыарга, сарнирга чарабас, хыйалга кір парарга ұр нимес тіп сизіндірген пісті апсах* – Старик нас **предостерегал**, мол, в тайге нельзя кричать и петь, недолго и в беду попасть.
- ЛСВ9 «предупреждать».

А) *Мин сини сизиндиргем, ол угаа сүмеліг, хыйга паза туртұхпас кізі тiп* (По, 257) – Я тебя **предупреждал**, что он очень хитрый, умный и бесстрашный человек;

Б) – *Упрасин, тураңны сала чыы тартыбыс. Иирде аалчылар полар, – сизиндирче ипчизин Пайапан* (Хч, 1997, 135,8) – Упраси, приберись немного в доме. Вечером будут гости, – **предупреждает** [свою] жену Пайапан.

Одним из способов воздействия на кого-л. с целью предостеречь или предупредить о чем-л. может быть словесный, устный. В хакасском языке такая форма предостережения может передаваться при помощи прямой речи (**А**) или связки **тiп** (**Б**). Таким образом, в ЛСВ8 «предостерегать» и ЛСВ9 «предупреждать» глагол **сизиндир-** переходит в ЛСГ глаголов говорения на основе значения «при помощи речи воздействовать на кого-л. с целью направления его внимания на что-л.».

Как видим, признак «внимание» в семантике глагола **сизин-** наиболее ярко реализуется в ЛСВ1 «заметить, замечать», а в остальных ЛСВ он является лишь сопутствующим элементом процесса.

Следующий одно коренной глагол **сизиктен-** образован путём прибавления к существительному **сизик** «внимание, догадка, чутьё, сообразительность, намёк» словообразовательного аффикса **-те-** и аффикса возвратного залога **-н-**. В ХРС даётся такое толкование данному глаголу: **сизиктен-** «1) проявлять догадливость, чутьё; чувствовать, понимать предстоящие события; 2) проявлять бдительность, осторожность; остерегаться чего-л.; *тайга – тасхылда сизиктен чөрерге кирек* в тайге нужно быть бдительным (осторожным)» [ХРС, 2006, с. 463]. Данный глагол, по сравнению с предыдущим глаголом **сизин-**, является менее распространённым, т. к. обладает более узким специализированным значением внимания. *Оолахтар, тайгада сизиктениңер!* – Мальчики, **будьте внимательны** в тайге!

Существительное **сизик** «внимание, догадка, чутьё, сообразительность, намёк» участвует в образовании следующих ФЕ:

сизик тарт- «догадываться; букв. внимание притягивать». *Анзын мин сах андох сизик тартхам* (Ит, 141) – Об этом я то тчас же **догадался**.

сизик хап- «догадаться, смекнуть; букв. внимание схватить». *Анзы, өткiн кiзi, сизик хааптыр, үлгү кiзiлерi «Чаңоң» сөстi нас полбинчалар* (Хч, 1996, 141, 8) – Тот же, сообразительный человек, **смекнул**, что чиновники не могут написать слово Чанон.

В Хакасско-русском словаре зафиксирован также глагол **сизирке-** «1) ощущать, чувствовать; 2) осознавать, догадываться; *сизиркеп көрерге* смотреть внимательно (о чем-л. догадываясь)» [ХРС, 2006, с. 464]. Одна-

ко этот глагол в хакасском языке менее употребителен, поэтому у нас не имеется данных на его контекстное употребление.

В подгруппу глаголов внимания также включены ФЕ с именным компонентом **хайыг(-ни)** «... от **хайарга** забота, внимание; *улуг хайыг* большая забота; *тузундагы хайыг* своевременная забота (внимание); *хайыг чогыл* нет внимания; *хайыг чох халарга* остаться без внимания; *хайыгда тударга* держать на контроле» [ХРС, 2006, с. 786].

ФЕ **хайыг сал-** «обращать (оказывать) внимание; букв. положить внимание» выражает реакцию субъекта на какой-либо интересующий объект. В этом случае в контекстах акцентируется объект внимания: *Паланың үзгөнізіне хайыг сал* – **Обращай внимание на учебу** ребёнка. *Минің сурьынызыма ол хайыг салбаан* – Он не обратил внимания на мою просьбу. Ближким по значению является и ФЕ **хайыг айландыр-**, имеющий буквальный перевод «обращать внимание». ФЕ **хайыг гарт-** «букв. притягивать внимание; привлекать внимание» имеет каузативный оттенок «побуждать субъекта сосредоточить своё внимание на каком-либо объекте». *Ол тогазыгда прайзының хайиин тартхан чийт оолах* – На этой встрече **внимание всех привлекал** молодой парень.

2) Глаголы, выражающие внимание, как доминирующий элемент психофизиологического процесса.

В данной микрогруппе состоят пять глаголов, выражающих психофизиологический процесс, в которых признак «внимание» служит сопутствующим элементом случаев восприятия предмета или явления, представляющих для субъекта живой интерес. Это процесс сознательного или бессознательного отбора субъектом из общего фона информации, поступающей через его органы чувств.

Глагол **сиргектен-** «1) быть чутким; *уйгуда сиргектөнерге* быть чутким во время сна; 2) быть зорким; *хадагда сиргектөнерге* быть зорким на посту; 3) настораживаться; *аң сиргектенче* зверь настораживается» [ХРС, 2006, с. 471]. *Хурун Иванович сиргектенглеен, сураанга түскен* (То, 38) – Хурун Иванович **насторожился**, стал расспрашивать его. **Сиргектен сыхабыс**: кем полчаң? (То, 36) – [Мы] **насторожились**: кто же это мог быть? *Күчүгөс кинетин сиргектөне түскен*: *хайдаң-да угаа таныс чыстар сабыла түстүлөр* (Т, 8) – Щенок вдруг **насторожился**: откуда-то повеяло знакомым запахом.

Глагол **ситкі-** «внимать; быть внимательным». *Пазыттарын ситкіпчем, чоохтарын тыңнапчам, кип-азахтарын аңдыпчам* (Ат, 38, 45) – Я **внимаю** их походке, прислушиваюсь к их разговорам, разглядываю их одежды. Чаще глагол **ситкі-** в предложении, принимая форму деепричастия – **ситкіп** «внимательно», приобретает обстоятельственный признак и выступает в сочетании с глаголами восприятия: **внимательно**

смотреть, внимательно слушать. *Иди чоохтан, Саасхан Көктерні ситкіп харанчатхан* (Т, 37) – Саасхан, продолжая свой рассказ, **внимательно разглядывал** Коктера. *Ол хой турчатхан туюх хазааны паза хойларны ситкіп көрглеен* (Тко, 68) – Он **внимательно разглядывал** кошару и овец. *Оолаам, минің чоогымны ситкіп истіп ал, чир дее ундуба* (По, 248) – [Мой] мальчик, **внимательно послушай** то, что я скажу, никогда не забывай. *Оол-хыстар улугларның чоохтарын ситкіп исчеңнер паза толдырчаңнар* (Хч, 3) – Молодёжь **внимательно слушала** наказания старших и исполняла их.

«Нетрудно догадаться, что сочетаемость наречия *внимательно* с целенаправленными глаголами восприятия обусловлена наличием в их семантике волевого компонента: внимание – это, прежде всего, сосредоточение органов чувств и осознания на объекте восприятия» [Васильев, 1981, с. 69]. Данное деепричастие характеризует процесс, которым полностью поглощён субъект, т. е. на этом процессе сосредоточено сознание субъекта.

Следующие два глагола находятся в промежуточном положении между глаголами восприятия и глаголами мышления, т. е. они выражают такие процессы, которые возможны при ментальном бодрствовании, опирающемся на слуховом восприятии и на сосредоточении внимания на определённом объекте. В семантике этих глаголов сема внимания обеспечивается за счёт целенаправленности действия. Глагол **сынчыла-** «присматриваться, приглядываться к кому-л.; ср. **сынирга**; *наа тогысчыны сынчылирга* присматриваться к новому работнику (в коллективе)» [ХРС, 2006, с. 554]. *Пастап аалдагылар наа килген кізіні сынчылааннар, тың на чухпин турганнар андар* – Вначале в деревне **приглядывались** к новому человеку, все сторонились его.

Глагол **тыңнан-** «прислушиваться». *Че оолах ибiре-сибiре тыңнанган* (Ит, 20) – Но мальчик прислушивался к окружению. В семантике подобных глаголов заключено не только зрительное (**сынчыла-** «присматриваться, приглядываться к кому-л.») и слуховое (**тыңнан-** «прислушиваться») восприятия, выполняемые органами чувств, но и указание на процедуру передачи полученной таким образом информации в мозг.

Общая особенность рассматриваемых глаголов состоит в том, что в их семантике сема «внимание» в большинстве случаев представлена как краткосрочное явление. Удерживание внимания на длительное время может обозначаться аналитическим способом: при помощи вспомогательных глаголов **одыр-** «букв. сидеть» или **чөр-** «букв. ходить» с временными показателями, выражающими постоянное действие, а также в сочетании с наречиями типа **хачаннаң** «с давних пор», **хачан даа** «всегда» и т. д.: *Мин синің күстеніп тогынчатханыңны хачаннаң ситкіп*

одырадырбын – Я с давних пор замечаю, что ты стараешься хорошо работать. При этом на любой процесс накладывается оттенок психического состояния субъекта. В целом устойчивость внимания может зависеть от ряда причин: значимости объекта для субъекта, его интереса к объекту, его тревожным состоянием, страхами и т. д. Таким образом, поддержание внимания может регулироваться как внутренним состоянием субъекта, так и внешними факторами.

Также понятие внимания в контексте может транслироваться как:

а) произвольное. *Тогынчыларның тынанызына көп хайыг салчабыс* – Мы обращаем большое внимание на отдых работников;

б) чаще произвольное, что диктуется характером протекания процесса. *Ам на сизік хаап, пілінче Оркон Петрович – хыйга инейек тус чөрізін көрчеткен* (Ит, 22) – Только сейчас, **смекнув**, понимает Оркон Петрович – мудрая старушка предвидела будущее. Произвольное внимание может быть вызвано интересными или тревожными жизненными факторами и без всякого психологического усилия самого субъекта.

Итак, нами рассмотрены 13 глаголов и ФЕ, объединённых по общей инвариантной семе «сосредоточить [своё] внимание на определённом объекте». Анализ семантической структуры этих глаголов показал, что одно из свойств мыслительного процесса заключается в опосредованном характере его протекания, где осуществляются закономерные связи данных жизненного опыта субъекта: ранее приобретенные знания, ощущение, восприятие, память, внимание и т. д.

Все глаголы по характеру проявления этой общей семы внимания объединены в два семантических типа (микрогруппы): 1) глаголы, выражающие внимание, как доминирующий элемент познавательного процесса; 2) глаголы, выражающие внимание, как доминирующий элемент психофизиологического процесса. Данные глаголы, в целом являясь ментальными, включают в свою семантику элемент внимания и сосредоточенности. Их семантико-когнитивные отличия мы видим в том, что глаголы первой подгруппы больше нацелены на ментальный процесс, а глаголы второй подгруппы – на психофизиологический (и чувственный) процесс.

2.2.4. Глаголы со значением контроля (проверки)

Процесс контроля и проверки связан с мыслительной деятельностью, использованием знаний и навыков, а также выражением волеизъявления. При этом на данные функции имплицитно накладываются такие прагматические маркеры, как зрительное восприятие объекта и знание

общепринятых норм, в соответствии с которыми производится проверка и контроль объекта. Изначально субъект в результате зрительных наблюдений объекта получает знания (информацию) об объекте, обрабатывает и сверяет с понятием общепринятой нормы, выявляет какие-либо недоработки и в дальнейшем предупреждает об их недопущении или устранении. Тем самым в семантике глаголов со значением осуществления контроля и проверки присутствует два основных взаимосвязанных признака – мышление, проявляющееся в обработке некоей информации, и зрительное наблюдение. Но по характеру производимого действия они относятся к категории ментальных глаголов.

В тюркских языках ментальные глаголы остаются пока недостаточно исследованными, имеются только работы на материале алтайского языка [Саналова, 2007], хакасского языка [Чертыхова, 2014]. Также проводились отдельные исследования в сравнительном плане [Чертыхова, 2015, 2018; Саналова, 2020 и др.]. Конкретно глаголы со значением осуществления контроля и проверки, как подсистема ментальных глаголов, рассматривались только в хакасском языке [Чертыхова, 2014].

Глаголы со значением осуществления контроля и проверки управляют позицией адресата и объекта. Обычно они предполагают активного субъекта или, точнее, субъекта, обладающего нейрофизиологической активностью своей мыслительной деятельностью. Чаще субъект занимает более высокую ступень в иерархии социальных отношений, например, *пастых тогынчыларының тогызын сыныхтапча* – начальник проверяет работу подчинённых; *үгретчи үгретчилерниң тетрадьтары сыныхтапча* – учитель проверяет тетради учеников; *хачы аалда полчатхан киректерни сыныхтагда тутча* – председатель держит на контроле происходящее в деревне и др. Позицию объекта при этих глаголах занимают имена с предметной и абстрактной направленностью, одушевлённые имена или же наименования видов деятельности; в частности, проделанная кем-то работа; поведение, действия человека, состояния живой и неживой природы и др.

В хакасском языке основную функцию семантики контроля и проверки несёт на себе глагол **сыныхта-** «1) проверять, контролировать; *тогыс сыныхтирга* проверять работу; *үгретчилерниң пилістерин сыныхтирга* проверять знания учащихся; *олганны кўнниң сыныхтирга кирек* ребёнка следует контролировать каждый день; 2) обследовать; *агырыг кизи́ни сыныхтирга* обследовать больного; *харах сыныхтирга* обследовать зрение» [ХРС, 2006, с. 555]. Как видим, Хакасско-русский словарь выделяет лишь два ЛСВ в семантике глагола **сыныхта-**, между тем ЛСВ-1 «проверять, контролировать» представлен двумя разнозначными глаголами: *проверять* и *контролировать*, которые объединены по общим

признакам «требование от отдельных лиц или же структуры соответствовать предписанным нормам» и «подвергать испытанию кого-л.». Отличительные же особенности данных глаголов заключаются в их временных рамках: проверять кого-что-л. можно периодически: *Олох туста оларга мылтыктарны паза азых-түлүктөрүн ханча халганын сыныхтирға чыхылапча* (Мт, 34) – В то же время он приказывает проверить ружья и запасы продуктов. Процесс контроля над кем-чем-л. (контролировать) ведётся в течение продолжительного времени. *Олар күннің сай пістің тоғызбысты сыныхтапчалар* (Хч, 6) – Они каждый день нас контролируют. Исходя из данного факта, мы считаем, что глагол **сыныхта** имеет не два ЛСВ, а три: «1) проверять; 2) контролировать; 3) наблюдать».

Как и в других тюркских языках, до 80 % хакасских ментальных глаголов являются многозначными, то есть один и тот же глагол в различных контекстах даёт совершенно разные значения, покрывая при этом многие аспекты ментальной деятельности. При этом все ЛСВ многозначных ментальных глаголов редко выходят за пределы ментальной деятельности. Однозначные же ментальные глаголы имеют единственное значение, однако у них в объектном отношении больше развиты разнообразные дифференциации, например, **тиңнестір-** «сравнивать», **ікінчіле-** «сомневаться», **пас-** «писать» и др. Почти все ментальные глаголы имеют широкую (или групповую) сочетаемость, т. е. они обладают возможностью сочетаться с рядом лексем, принадлежащих к разным тематическим группам. На примере языковой репрезентации глагола **сыныхта-** мы видим, что контролировать и проверять можно всё: и конкретных людей, и чью-то работу, и состояние чего-либо, свои эмоции и т. д. В целом же разнообразие предметов, действий и явлений, подвергающихся контролю и проверке не поддаётся чёткой классификации. Тем самым лексическая сочетаемость данного глагола является широкой, следовательно, его семантика дифференцируется в объектном отношении. Как мы уже отмечали, если контекст транслирует какую-либо ситуацию, имеющую временную локацию, то в данном случае глагол **сыныхта-** реализуется в значении «проверять»: *Прай ниме тимде пу күнге: техника хатап-хатап сыныхталды* (Тс, 45) – К сегодняшнему дню всё готово: техника вновь и вновь проверялась. *Піс аал орамаларынча чөрчөбіс, аалның көрімін сыныхтапчабыс* (Хч, 5) – Мы ходим по сельским улицам, проверяем вид села.

При выражении постоянного осуществления действия, подкреплённого сочетанием с обстоятельствами времени типа *төрөміл* «постоянно, регулярно», *хачан даа* «всегда», *тилем* «постоянно» и т.д., глагол **сыныхта-** выражает значение «контролировать», например, *Интернат олганнарының чуртазын хачан даа сыныхтапчабыс* – Постоянно кон-

тролируем жизнь интернатских детей. Семантика постоянства осуществления действия – контроля – также выражается грамматической формой на *дыр*–: *Ол палазының үзгеніні сыныхтидыр* – Он контролирует учёбу [своего] ребёнка. В ЛСВ «контролировать» глагол **сыныхта**- синонимизируется с устойчивым сочетанием, калькированным с русского языка: **хайында тут**- «держат на контроле». Сема постоянства производимого субъектом действия в семантике данного устойчивого сочетания эксплицируется соответствующими наречиями (обстоятельствами) времени, например, *Чазы тогыстарын агроном оол төрөмил хайында тутча* – Молодой агроном постоянно держит на контроле полевые работы. *Тарынмаңар, че сірерге палаларның үзгеніні хачан даа хайында тударға кирек* – Вы не обижайтесь, но вам всегда нужно держать на контроле учёбу детей.

Необходимое условие осуществления контроля и проверки – зрительное восприятие – может выражаться в сочетании с глаголом со значением зрительного восприятия: *Аның чоогын истіп, пастых столзар чыганахти одырыбызып, Ориссер сыныхти көрген* (О, 23) – Слушая её рассказ, начальник, облокотившись об стол, **испытующе смотрел** на Орис. В данном предложении глагол **сыныхта**-, выступая в роли деепричастия образа действия, примыкает к глаголу **көр**- «смотреть; видеть». Однако в редких случаях в семантике глагола **сыныхта**- сема зрительного восприятия может доминировать, в случае чего он может выступать контекстуальным синонимом глаголу **көр**- «смотреть; видеть»: *Тың на сыныхтабаза, өбн слонга угаа төбөй полган* (По, 122) – Если особо **не присматриваться**, то он был очень похож на настоящего слона. Тем самым иногда в семантике глагола **сыныхта**- зрительное восприятие и умственный процесс субъекта концентрируются на объекте наблюдения, например, *имчлер агырыг кізіні күннің сай сыныхтапчалар* – врачи каждый день наблюдают здоровье больного.

В Хакасско-русском словаре представлен также фонетический вариант глагола **сыныхта** – **сынчыхта**- «проверять, контролировать; ср. **сыныхта**-» [ХРС, 2006, с. 554]. Как видим, словарные толкования этих глаголов полностью совпадают. В структуре глагола **сынчыхта**- выделяется аффикс *-чих*, выражающий свойство предмета и лица, тем самым в форме прилагательного *сынчих* обозначает: «1) присматривающийся, приглядывающийся к кому-л., критически оценивающий что-л.; *сынчих кізі* человек, приглядывающийся критически к кому-чему-л.; *сөске сынчих поларга* быть верным данному слову; 2) достойный; *өөркі чөп депутаттарына иң сынчих кізілерні* табарға кирек в депутаты Верховного Совета следует избирать самых достойных» [ХРС, 2006, с. 554]. На наш взгляд, семантические границы глагола **сынчыхта**- и прилагательного *сынчих*,

помимо общей основы, объединяет смысловой признак «стремление к истине».

Глагол **сынчыхта-** в хакасском языке используется редко, однако имеющийся у нас немногочисленный фактический материал позволяет нам обозначить две особенности его семантики:

а) доминирование семы зрительного восприятия, что подтверждает частое сочетание с глаголом **көр-** «смотреть; видеть» (*сынчыхтап көр-* «1) смотреть испытующе; 2) всматриваться»);

б) сочетание исключительно с объектом, выраженным одушевлённым именем, например, *аалчыны сынчыхтирга* – внимательно присматриваться к гостю; *наа тогынчыны сынчыхтирга* – оценивающе приглядываться к новому работнику и т. д. Считаем, что семантические структуры глаголов **сыныхта-** и **сынчыхта-** не идентичны, как показывают словарные статьи. Объединяющим эти глаголы признаком является «концентрация умственных усилий на объекте зрительного наблюдения», однако при глаголе **сыныхта-** «проверять; контролировать» объектные распространители представлены лексемами и конструкциями различной семантики, то при глаголе **сынчыхта-** набор возможных объектов ограничивается лишь одушевлёнными именами. Также в семантическую структуру глагола **сынчыхта-**, помимо ЛСВ «контролировать», мы бы включили и ЛСВ «испытывать» при исключении ЛСВ «контролировать»: **сынчыхта-** «1) проверять *кого-что-л.*; 2) испытывать *кого-л.*».

По признаку «концентрация умственных усилий на объекте зрительного наблюдения» глаголам **сыныхта-** и **сынчыхта-** близок также глагол **сынна-** «1) испытывать *кого-л.*, *что-л.*; пробовать *что-л.* сделать; *күс сынирга* испытывать силу (чаще о молодых); *наа машина сынирга* испытывать новую машину; *саналыг чөрерге сынап көрерге* попробовать учиться ходить на лыжах; *сынап көрерге* попытаться; *айран сынап көрерге* попробовать айран; присматриваться, приглядываться к кому-л., к чему-л. (с недоверием и т.п.); 2) критиковать, *сынни көрерге* смотреть осуждающе, критически (с недоверием); *кiзiнi тиктең сынабачаң* не полагается так просто осуждать человека; *тогыста минi сынапчалар* на работе ко мне приглядываются; *орындагы устагчыларның тогыстарын сынирга* критиковать работу местных руководителей» [ХРС, 2006, с. 554]. Как видим, по сравнению с глаголом **сынчыхта-** «1) проверять *кого-что-л.*; 2) испытывать *кого-л.*» у глагола **сынна-** в ЛСВ «1) испытывать *кого-л.*, *что-л.*; пробовать *что-л.* сделать» семантический и валентностный потенциал шире. По сути же их общая смысловая наполненность основывается на значении «проверять», а у глаголов **сынчыхта-** и **сынна-** и на зрительном восприятии: *Аны піліп алар үчүн, ну хосты хати сынни көрерге кирек* (Хч, 7) – Чтоб это понять, эту карти-

ну надо снова смотреть испытующе. В исключительных случаях же глагол **сынна-** может полностью заменить глагол со значением зрительного восприятия, например, *Ипчизи кир килгенде, Хароол узунчатхан позы тон алтынаң ипчизин сынаан* (Хп) – Когда зашла жена, Хароол, притворившись спящим, **подглядывал** за ней из-под шубы. Надо отметить, что глагол **сынна-** с аналогичным хакасскому глаголу значением зафиксирован в известном Словаре Махмуда Кашгарского: **синā** «испытывать». *ул ʿанй синāдй* «он испытал его (на что-либо)». [Форма настоящее-будущего времени и отглагольное имя: *синār, синāмāk*] [Махмуд ал-Кашгари, 2005, с. 947].

Таким образом, мы рассмотрели функционально-семантические особенности глаголов **сыныхта-** «1) проверять; 2) контролировать; 3) обследовать»; **сынчыхта-** «1) проверять; 2) испытывать» и **сынна-** «1) испытывать кого-л., что-л.; пробовать что-л. сделать», устойчивого сочетания **хайыгда тут-** «держат на контроле», объединённых инвариантной семой «концентрация умственных усилий на объекте зрительного наблюдения». Очевидно, что они образованы от общетюркской основы *сын* «истина; правда». Древнетюркский словарь с отсылкой на китайское *чжэнь, cʼin*, даёт такое же значение «правда, истина» [ДТС, 1969, с. 148–149]. Тем самым это значение констатирует ту негласную общечеловеческую норму, отклонение от которой фиксируется в обозначении производных от него глаголов. Мотивационный потенциал семантики рассмотренных глаголов прослеживается на логической связи: проверять – контролировать – испытывать. Семантика этих глагольных лексем сложна, поскольку в ней накладываются друг на друга такие дифференциальные семы, как «зрительное восприятие», «знание общепринятых норм», «умственная концентрация», «обработка полученной информации», «выявление отклонений от нормы», «исключение отклонений от нормы в дальнейшем». Также семантика глаголов со значением осуществления контроля и проверки предполагает обязательного присутствия активного субъекта и объекта контроля.

2.3. ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ (ЗНАНИЯ)

В русской лингвистике глаголы, относящиеся к данной категории, рассматриваются как особый класс глаголов. В последние десятилетия предикаты, отражающие суждения, знания и мнения, остаются в центре внимания многих учёных [Апресян, 2001; Булыгина, Шмелёв, 1988;

Дмитровская, 2003; Зализняк 1991 и др.]. Всестороннему исследованию ментальных категорий мнения и оценки посвящена докторская диссертация Г. Ф. Гибатовой [Гибатова, 2011]. И. Б. Шатуновский в русской языковой картине мира выделяет трёхчленное деление *знание vs. мнение vs. вера* [Шатуновский, 2008, с. 1], их общие теоретические рамки определяя как: «глаголы (шире, предикаты) знания, мнения и веры выполняют две основные функции. Прежде всего, они соединяют ум субъекта (С) и некоторое Р, которое мы, чтобы не множить символы, будем понимать в трех различных, но тесно связанных смыслах (фактически, это аспекты одного и того же): (1) *положение вещей* в объективном мире, отражённое, представленное (или не представленное, но потенциально могущее быть представленным) в уме человека; (2) *представление* о каком-то положении вещей в уме субъекта; (3) *пропозиция*, когда мы рассматриваем это представление как выраженное языковыми средствами). С этой стороны все эпистемические глаголы представляют собой эпистемические связи» [Шатуновский, 2008, с. 2].

Исследователи анализируют различия понятий «знание» и «мнение», проявляющиеся в объективности знания и субъективности мнения; выявляют сущностные характеристики и языковой статус данных категорий, тем самым разрабатывают комплексную методiku исследования ментальной категории как когнитивного явления. А. А. Зализняк считает, что знание и мнение представляют собой независимые когнитивные установки, имеющие различную природу, что проявляется в функционировании соответствующих языковых единиц. Во-первых, знание и мнение имеют различные источники: непосредственное чувственное восприятие является источником знания; напротив, рассуждения, сопоставления фактов и пр. обычно являются источниками полагания. Во-вторых, мнение обладает таким параметром, как степень уверенности (при этом принципиально то, что даже самая высокая степень уверенности не равна знанию); знание, напротив, не имеет степеней. В-третьих, знание и мнение различаются тем, какие пропозиции могут быть объектом той и другой когнитивной установки. Одни пропозиции – верифицируемые – могут быть объектом как мнения, так и знания, а другие – неверифицируемые – могут быть лишь объектом мнения [Зализняк, 2006, с. 479]. Основные глаголы знания обозначают умственные, интеллектуальные способности человека, а глаголы знания «второго ряда» – вариативные способности, идущие «от головы», в т. ч. различающиеся у разных индивидов способности продуцировать знание, мыслить творчески. Другой характеристикой понятия знания является то, что они «легко передаются от одного человека к другому, т. е. отчуждаемы, персонифицированы, безличны, а мнения локализованы в субъекте, персонифицированы, имеют индиви-

дуальный характер» [Иванова, 2009, с. 30]. Обладание знанием является высшей способностью человека, а выработка своего мнения – его привычкой.

2.3.1. Глагол *пiл*- «знать» и его производные

Глагол *знать* является основным выразителем понятия интеллектуального состояния. В данном качестве он не раз был объектом семантических исследований в русистике [Апресян, 1999, 2009, 2001; Арутюнова, 2000; Усачева, 2007 и др.] и тюркологии [Матвеева, 2008; Саналова, 2007; Чертыкова, 2013 и др.]. В своих исследованиях авторы выделяют различные ЛСВ данного глагола, выявляют случаи их смещения в условиях контекста и определяют их образно-ассоциативный потенциал.

В хакасском языке для обозначения основных аспектов понятийной сферы знания служат глагол *пiл*- «знать» и его залоговые производные. Не менее распространены и сложные глаголы, образованные путём сочетания глагола *пiл*- со вспомогательными глаголами. Общие и специфические черты смысловой структуры глагола *пiл*- «знать» и его производных обусловлены их синтагматическими и парадигматическими характеристиками. Данное семантическое гнездо достаточно частотно в хакасском языке и, благодаря своей многозначности, его производные покрывают все необходимые аспекты ментальной деятельности человека. В отличие от других глаголов, специфика базового глагола знания заключается в отсутствии указания на то или иное мерное соотношение, а также «такой важный элемент мерной ситуации, как процессность (соотношение длительности действия со временем, необходимым для достижения результата). Отсутствуют в семантике этого глагола и другие элементы, способные лечь в основу мерной ситуации в силу градуируемости обозначаемых ими признаков. Основная причина этого заключается в самом концептуальном содержании глагола «знать», который обозначает не процесс приобретения информации, а лишь состояние обладания истиной, истина же «не допускает градаций». То, что истинно лишь наполовину, уже не истинно» [Фреге, 1987, с. 28].

Однако в семантике полисемантического глагола *пiл*- «знать» наблюдается смещение: поскольку он является базовым глаголом знания, прямое значение адекватно отражается только в его первом ЛСВ, а другие ЛСВ позволяют репрезентировать оттенки «неполного знания».

Глагол *пiл*- «знать», имея древнетюркское происхождение, является базовым глаголом знания и в других тюркских языках: алт. **бил**-, тув. **билир**-, кр. татар. **биймек**-, кум. **билмек**- и т. д. В Древнетюркском сло-

варе глагол **біл-** зафиксирован как «1. знать, ведать; 2. узнавать, познавать; 3. принимать ответственность, нести обязанность» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 98]. В Хакасско-русском словаре даётся такое описание этого глагола: «1) знать, осознавать, понимать; 2) знать, узнавать, разузнавать; 3) знать, обладать знаниями, иметь понятие; 4) уметь, знать как делать что-л.; знать, быть знакомым с кем-л.» [ХРС, 2006, с. 365]. Компонентный анализ структуры лексического значения данного глагола показал, что характерная для него общая интегральная сема «обладание какой-л. информацией, сведениями, умениями» дифференцируется при учёте таких основных признаков, как «характер объекта знания», «ментальное состояние субъекта» или же «характер ментального отношения». Здесь мы имеем дело с переплетением семантических признаков глагола с его синтагматическими свойствами, существенными при уточнении значения слова. Таким образом, в семантике глагола **піл-** нами выделены следующие ЛСВ:

ЛСВ1 «знать что-либо, обладать знаниями». Данный ЛСВ в объектном отношении далее членится на следующие дифференциальные признаки:

- владение информацией о какой-л. ситуации. *Дарья Денисовна ахтарнаң хызыллар чаалас чӱргеннерін чахсы пілче* (Хч, 148) – Дарья Денисовна хорошо **знает**, как воевали белые с красными. *Ниме ол анда итчең, ибдегілері пілбецең* (Хт, 58) – [Его] домочадцы **не знали**, чем он там занимался;
- владение знаниями в определённой области. *Пос чоңының пурунғызынаңар чахсы пілчелер* (Хч, 8) – [Они] хорошо **знают** историю своего народа. *Пістің өбекелерібіс постың родын 17 вектең сығара пілцеңнер* (Хт, 54) – Наши предки **знали** свой род начиная с 17 века. *Хакас палаларның көбізі пос тілін пілбинче* (Хч, 163) – Многие из хакасских детей **не знают** родного языка. *Тайгада өскен оолаха чазы хуоннарын пір дее пілбеен* (Хт, 15) – Мальчик, выросший в тайге, **не знал** степных вихрей. Реализуемые в этих контекстах признаки глагола **піл-** «знать» «обладание знаниями» относятся к актуально-информационной сфере и основываются на представлениях о характере жизненного опыта и участия субъекта в формировании знания;

ЛСВ2 «уметь делать что-либо». Данный ЛСВ глагола дифференцируется по признакам:

- иметь навык к чему-л. *Позы пір дее ниме ит пілбинче* (Кч, 6) – Сам ничего **не умеет** делать. *Пүүрге ол чілі, пірдеезі аңнап пілбинче* (Кч, 44) – Никто **не умеет** охотиться на волка, как он. *Агаа ам на ікі час*

- тол парган, че ботинкаларын суурарга ол поэзы пилче* (По, 112) – Ему исполнилось 2 годика, но снимать ботинки он **умеет**;
- умение как умственное проявление. *Чоохтас пилчем мин агастагларнаң* (Кч, 69) – **Умею** я разговаривать с деревьями и горами;
  - умение как свойство характера. *Т. А. Колмогорова тогысчыларнаң чоохтазын пилче* (Хч, 1996, 163, 8) – Т. А. Колмогорова **умеет** разговаривать с работниками. Как видим, здесь глагол **пил-** приобретает иной смысл, однако сема знания имплицитно в значении глагола «уметь что-либо делать», о чём свидетельствует репрезентация его значения в словарной статье: «*уметь* – обладать умением чего-н., благодаря знаниям или навыку к чему-н. иметь возможность сделать что-н., быть в состоянии что-н. сделать» [Ушаков: онлайн-версия <http://www.classes.ru/all-russian>];

ЛСВ3 «знать кого-л., быть знакомым с кем-л.». *Хайдаг ол күстіг кизи полган, сірер пилген ползаңар* (По, 124) – Вы бы только **знали**, каким он был сильным человеком. *Асхыста чуртанчатхан Кичеев Ондрайды пилчезиңме?* – [Ты] знаешь Кичеева Ондрая, который живёт в Аскизе?

Кроме названных значений глагол **пил-** имеет ЛСВ «понимать что-либо», на основании которого он (и сложные глаголы **пил пол-** и **пилп ал-**) входят в семантическую подгруппу глаголов со значением понимания: *Пасха кизи иди агызганын пасхазы хаңан даа пил полбас* (Хч, 17) – Как больно бывает человеку, другой человек этого никогда не поймёт. В ЛСВ «помнить / не помнить произошедшее событие / ситуацию» глагол **пил-** относится к подгруппе глаголов, обозначающих операции памяти: *Аннаң аңдар ниме полганын пилбинчем* – Что дальше было – не помню.

Как показал анализ нашего материала, глагол **пил-** «знать» в контексте реализует пять ЛСВ своего значения: ЛСВ1 «знать что-либо, обладать знаниями»; ЛСВ2 «уметь делать что-либо»; ЛСВ3 «знать кого-либо, быть знакомым с кем-либо»; ЛСВ4 «понимать что-л.»; ЛСВ5 «помнить / не помнить произошедшее событие / ситуацию». При рассмотрении валентностных свойств глагола **пил-** «знать» выделяются позиции субъекта и содержания знания, которые характеризуются разнообразием выражений. При реализации ЛСВ «знать что-либо, обладать знаниями» глагол **пил-** сочетается с придаточным предложением или именем в форме вин. п., а также делиберативным объектом. При реализации ЛСВ2 «уметь делать что-либо» он управляет объектом, выраженным деепричастием или деепричастным оборотом, придаточным предложением или инфинитивом.

Для обозначения разных сфер ментальности используются также частотные синтетические формы глагола **пил-** «знать; обладать знанием».

Глагол **пилпн-** образован путём присоединения к корню **пил-** аффикса возвратного залога **-пн-**. Мы выделяем следующие его ЛСВ:

ЛСВ1 «осознавать, оценивать ситуацию, делать выводы». *Пайлар пілінгеннер: чылнаң чылга ўлгўлері холларынаң суура тартылча* (Уч, 6) – Богачи **осознавали**, (что) из года в год власть из их рук уплывает. *Ала саасхан аалдаң сых полбинча, изірік ибін пілінминче* (погов.) – Пёстрая сорока все кружит возле жилья, а пьяный **не осознает** свой дом;

ЛСВ2 «осознавать, ощущать себя кем-л.». *Хакас полчатханын пілінерге* – **Осознавать** себя хакасом.

В ЛСВ «опомниться» глагол **пілін-** дифференцируется признаками: а) опомниться, приходит в себя (в сознание), очнуться после полной потери сознания; б) опомниться после какого-либо забвения, отвлечения. На основе данного ЛСВ глагол **пілін-** переходит в микрогруппу глаголов, выражающих операции памяти, где синонимизируется с глаголом **оңарыл-** и ФЕ **сағыс алын-** по общему значению «выходит из состояния полной потери памяти». *Ундар өбөрдең чара чўс паризалар, ічезі хатыг табыснаң «аат» тiп пілiндiрiбiсче* (Ат, 165) – Если они от стаи далеко уплывали, то мать-утка [их] **заставляет опомниться** строгим голосом «аат».

Глагол **піліс-** образован путём присоединения к корню **піл-** аффикса взаимно-совместного залога **-іс-** и обозначает:

а) «понимать друг друга»: *Оларның пос оңдайлыг тiл, удур-төдiр чаксы пілісчелер* (Чт, 99, 132, 3) – У них своеобразный язык, друг друга хорошо **понимают**. В данном ЛСГ глагол **піліс-** относится к глаголам понимания;

б) «быть знакомым, заться с кем-л.»: *Пуўр кисеен көл пар ба, піліспин чуртаан кізі пар ба* (погов.) – Есть ли озеро, которое бы волк не переплыл, есть ли человек, который бы не znalся [с людьми].

Разнообразие репрезентаций понятия ментальности дают и сложные глаголы – сочетание глагола **піл-** с вспомогательными глаголами. Наиболее частотны в хакасском языке следующие сложные глаголы:

піл пол- «понимать», который образован при сочетании корня **піл-** и вспомогательного глагола **пол-** «мочь». Данный сложный глагол вместе с глаголом **піл-** при управлении позицией, описывающей какие-либо ситуации или же жизненные истины, образует сферу «понимание». *Пілчезің [піл полчазың] ме син, пай кізі чох кізее хачан даа нанчы полбас* (Ах, 56) – Понимаешь ли ты, богач бедному никогда не будет другом. Глаголы **піл-** и **піл пол-** в отрицательной форме чаще сходятся в проявлении семы «непонимание» Глагол же **піл пол-** маркирован компонент «не может», что привносит в контекст сему «непонимание чего-либо (напр., происходящей ситуации), несмотря на проявление каких-либо мыслительных усилий». Однако *Мин сині чаксы піл полчам* – Я тебя хорошо понимаю. При замене глагола **піл пол** глаголом **піл** мы получим

совсем другой смысл предложения: *Мин сині чахсы пілчем* – Я тебя хорошо знаю. Данный пример свидетельствует о том, что для реализации того или иного ЛСВ глагола важную роль играет объективная установка.

В отрицательной форме в качестве объектного распространителя глагола **пїл пол-** «не понимать» могут выступать:

а) ситуативные описания в форме придаточного предложения. *Пїл полбинчатхам, хайдаг ниме пол парып, іди ойлатхлап чөрчеткеннерін* (Хч, 1997, 154, 3) – Я **не понимал**, что такого случилось, что они так скакали туда-сюда (на лошади). *Суға сомғам...Ноға, чарабас па? – пір деє ниме пїл полбинча оол* (Хч, 1997, 157, 7) – [Я] купался... А что, нельзя что ли? – ничего **не может понять** парень. *Виктор иренчі хырызыбысханнар, пїл тее полбаам ниме үчүн* (Хт, 1995, 2, 36) – Я так и **не смог понять**, из-за чего поругались Виктор с женой;

б) распространённый объект в им. п. *Сірернің харахтаң чоохтасчатханнарыңны мин пїл полбинчам* (Хч, 1997, 152, 3) – Я **не понимаю**, как вы разговариваете взглядом (букв. глазами);

в) лицо в им. п. (т. е. подразумеваются его действия, поведение, слова). *Хыңганымны пїл полбинчам* – Я **не могу понять** [свою] любимую.

Глагол **пїліп ал-** образован при сочетании корня **пїл-** + деепричастный аффикс **-іп** и вспомогательного глагола **ал-** «брать». Значение этого глагола дифференцируется семами:

а) «получение сведения о происходящей ситуации». *Пирее ле ниме сыбдыри түссе, аңыцах сиреңни түсче, тура хонча, ноо ниме пол парганын пїліп аларға ойлабысча* (П-о, 263) – Если что забуршит, зверёк, соскакивает, убегает, чтоб **узнать**, что случилось;

б) «получение сведений в какой-л. области, сфере». *Ол иирде Али Хафед алмазтардаңар прай ниме пїліп алган* (Хч, 2000, 35, 5) – В тот вечер Али Хафед об алмазах **узнал** всё. *Крокодил ноо нименең азыранчатханын хайди даа пїліп алам* (По, 222) – Чем кормится крокодил я всё-равно **узнаю**;

в) понимание / познание жизненного опыта и его осмысления. *Позымның садыг сынаңыстарынаң мин пір ниме пїліп алгам* (Чт, 1997, 157, 6) – Из своего опыта торговли я **понял** одно. *Прай нименең айғазарға киліскен агаа, аннаңар халас хайдаң килчеткенін чахсы пїліп алган* (Кт, 4) – Чем только не пришлось ему заниматься, поэтому он хорошо **познал**, откуда берётся хлеб;

г) понимание лица (его действий, поведения и слов). *Пїліп ал ипчі кізіні* (Хч, 1998, 162, 6) – Вот и **пойми** женщину. Думается, что данное выражение представляет собой смысловое и структурное калькирование с русского языка.

Глагол **піліп ал-** в ЛСВ «понимать» переходит в подгруппу глаголов понимания.

Итак, нами проведён анализ семантической структуры глагола **піл-** и его ближайшего понятийного окружения: **пілін-, піліс-, піл пол- и піліп ал-**. Каждый из этих глаголов имеет обширную семантическую структуру, а также объектное членение, что позволяет им функционировать в языке как самостоятельным единицам в смысловом и в синтагматическом аспектах.

2.3.2. Глаголы со значением мнения

Мнение, как универсальная категория, является предметом исследования разных наук: педагогики, психологии, философии, этики и лингвистики, в которых оно в теоретическом аспекте обычно рассматривается в противопоставлении знанию. Начиная со времён Парменида, Платона и Аристотеля, ведётся традиция трактовки и теоретического анализа этих двух понятий – *мнение* и *знание*, о чём более подробно пишет [Иванова, 2009].

В последние десятилетия в отечественном языкознании предикаты, отражающие суждения знания и мнения, остаются в центре внимания многих ученых [Дмитровская, 2003; Апресян, 2001; Булыгина, 1988; Зализняк, 2006 и др.]. В своих исследованиях учёные анализируют различия понятий «*знание*» и «*мнение*», которые в целом проявляются в объективности *знания* и субъективности *мнения*. Также широко обсуждаются вопросы выявления сущностных характеристик и языкового статуса данных категорий, на основе чего разрабатываются комплексные методики исследования ментальной категории как когнитивного явления. А. А. Зализняк считает, что *знание* и *мнение* представляют собой независимые когнитивные установки, имеющие различную природу, что проявляется в функционировании соответствующих языковых единиц. Во-первых, *знание* и *мнение* имеют различные источники: непосредственное чувственное восприятие является источником *знания*; напротив, рассуждения, сопоставления фактов и пр. обычно являются источниками *полагания*. Во-вторых, *мнение* обладает таким параметром, как степень уверенности (при этом принципиально то, что даже самая высокая степень уверенности не равна знанию); *знание*, напротив, не имеет степеней. В-третьих, *знание* и *мнение* различаются тем, какие пропозиции могут быть объектом той и другой когнитивной установки. Одни пропозиции – верифицируемые – могут быть объектом как *мнения*, так и *знания*, а дру-

гие – неverifiedируемые – могут быть лишь объектом мнения [Зализняк, 2006, с. 479].

Знания легко передаются от одного человека к другому, т. е. отчуждаемы, неперсонифицированы, безличны, а мнения локализованы в субъекте, персонифицированы, имеют индивидуальный характер [Иванова, 2009, с. 30].

Всестороннему исследованию ментальных категорий *мнения* и *оценки* посвящена докторская диссертация Г. Ф. Гибатовой [Гибатова, 2011]. *Мнение* как познавательная форма есть сознательное признание истинности объекта, недостаточное как с субъективной (в противоположность убеждённой вере), так и с объективной стороны (в противоположность установленному знанию). При этом чётких границ между областями *знания*, *мнения* и *веры* нет; поскольку это не статичные характеристики, они взаимообусловлены и перетекают одна в другую в процессе развития человеческой мысли: истинные знания могут превратиться в ложные представления, новое мнение может стать убеждённой верой, а гипотезы, личное мнение и вера при появлении достаточных доказательств могут перейти в новое знание [Гибатова, 2011, с. 4].

И. Б. Шатуновский же в русской языковой картине мира выделяет трёхчленное деление *знание* vs. *мнение* vs. *вера* [Шатуновский, 2008, с. 1], их общие теоретические рамки, определяя как: «глаголы (шире, предикаты) знания, мнения и веры выполняют две основные функции. Прежде всего, они соединяют ум субъекта (С) и некоторое Р, которое мы, чтобы не множить символы, будем понимать в трёх различных, но тесно связанных смыслах (фактически, это аспекты одного и того же): (1) *положение вещей* в объективном мире, отражённое, представленное (или не представленное, но потенциально могущее быть представленным) в уме человека; (2) *представление* о каком-то положении вещей в уме субъекта; (3) *пропозиция*, когда мы рассматриваем это представление как выраженное языковыми средствами. С этой стороны все эпистемические глаголы представляют собой эпистемические связи» [Шатуновский, 2008, с. 2].

Глаголы со значением мнения обозначают осознание человеком действительности в результате умственных усилий и творческой активности индивида. Выделяются такие виды мнения, как субъективные и объективные, собственное и коллективное. Любое мнение – есть способ понимания мира или фрагмента реальности, выражается некоторым осмысленным конечным множеством высказываний. Однако мнение, хотя и представляет собой особую познавательную форму умственной активности субъекта, само по себе может являться либо истинным, либо ложным. «Мнение принадлежит к классу путативных предикатов, которые не предполагают обязательной истинности того, что человек считает. Мне-

ния могут быть неправильными, неверными, ложными, предвзятыми, субъективными, с ними можно спорить, их можно опровергать» [Апресян, 2001, с. 9]. Но сначала их нужно формулировать. И, при всей кажущейся многоуровневой картине с лексикой мнения, эта лексическая сфера подвергнута жёсткой категоризации. Исходя из сказанного выходит, что мнение, как мыслительно-речевой акт, есть сознательное признание истинности объекта и выражение справедливого, на взгляд говорящего, суждения о нём.

Глаголы со значением мнения выражают одно из базовых понятий в концептуальной картине мира – мнение, отражённое в семантике ментальных глаголов. В хакасском языке языковых единиц, участвующих в выражении категории мнения, не так уж много. Мнение может выражаться в виде вводных модальных слов (зависимого придаточного предложения): *мин сагынганда* (букв. когда б я подумал), *миниң сагызымнаң* (букв. по моим мыслям), *мин көргенде* (букв. когда бы я посмотрел), *миниң көрізімнең* (букв. по моему взгляду). Эти сочетания соответствуют русским выражениям «на мой взгляд», «по моему мнению», «я считаю», обозначающим уверенное мнение, собственную точку зрения субъекта. Такую же установку они могут передавать и от второго, и третьего лица: *синиң сагызынаң* «по твоему мнению», *авторның көрізінең* «по мнению автора» и т. д. *Мин сагынганда, мындаг тоң хакас ааллар чох полган полза, тілібіс тее чіт парарчых* (Хч, 5) – На мой взгляд, если бы не было таких чисто хакасских деревень, то и наш язык бы исчез. *Мин көргенде, Олег Петровичтің тілбестеглері хомай ниместер* (Хч, 8) – Мне кажется, переводы Олега Петровича неплохие.

Основной глагол со значением мнения – это **сана-**, как и в русском языке, имеющий значения «считать» и «вести счёт», хотя между ними предусматривается логическая связь: сосредотачивать умственную активность на определённом объекте. Глагол **сана-** образован от существительного **сан** «счёт» и глаголообразующего аффикса **-а-**. В Хакасско-русском словаре его значение представлено как **сана-** «1) считать, подсчитывать кого-л., что-л.; подвергать счёту; 2) вычленять; *пус чөрізін санирга* вычислить скорость движения льда; 3) признать кого-л., что-л., считать кем-л., чём-л. *алыга санирга* считать кого-л. дураком» [ХРС, 2006, с. 443]. В ходе анализа семантики глагола **сана-** исходя из его контекстного употребления мы выделяем следующие виды мнения:

1. Мнение собственное.

1.1. мнение-предположение. Это мнение, как вывод, умозаключение, возникает в уме человека в результате рассуждений, размышлений над каким-либо фрагментом действительности, явления. *Газетаны хыныг*

сыгарары газетаның тогынчыларынаң палгалыстыг, санапча З. Я. Кичеева (Хч, 1) – Насколько газета будет интересной, зависит от журналистов, считает З. Я. Кичеева. *Ипчилер чөбінің аалдагы чонга тузазы пар тіп санапчам* (Хч, 5) – Я считаю, женсовет полезен сельчанам;

1.2. мнение-оценка. В этом случае говорящий производит оценку, отталкиваясь от своего представления о норме / идеале. «Функция оценки заключается в соотношении предмета или события с некоторой идеализированной моделью мира, в которой находят своё выражение и другие (не только ценностные), значимые для субъекта характеристики. Главное в оценочном суждении не отношение объекта к ценности как таковой, а выражение мнения о соответствии или несоответствии объекта оценки нормативному идеалу, эталону, образцу, в числе которых могут быть и ценности» [Гибатова, 2011, с. 4]. Оценочное мнение включает в себя следующие дифференциальные компоненты:

1.2.1. «относить объект оценки к определённому классу, разряду». *Пуўнгі Кидиековтар постарының родын читі пўўрге санапчалар* (Хч, 141, 8) – Сегодняшние Кидиековы считают своим родом «Семь волков». *Син мині оолахха саназың, ам даа ўткелек сагалларым көріп* (Хт, 12) – Ты считала меня мальчиком из-за того, что у меня ещё не выросли усы;

1.2.2. «считать объект соответствующим каким-л. требованиям». *Мин позымны хазых кізее санапчам* (Хч, 3) – Я считаю себя здоровым человеком. *Арина Петровна ирінің чарадиин арыг сынга санаан* (Ыа, 254) – Арина Петровна считала решение мужа очень правильным;

1.2.3. «считать состояние объекта выше общепринятой нормы». *Сірер мында ара кіріспезеңер, орта кізее санирчыхпын* (Ыа, 257) – Если бы вы не вмешивались, я бы вас считал правильным человеком;

1.2.4. «считать объект неправильным, нехорошим». *Пір дее өрінізі чох кізілер тіп санапчам оларны* (Хч, 6) – Я считаю, что они невеселые люди. *Мафияның килкім кізізіне санапча автор Кравчукты даа* (Хч, 5) – Крупным представителем мафии считает автор и Кравчука;

1.2.5. «иметь завышенное мнение о себе, переоценивать себя». *Ол позын хайдар абахай тіп сананчаң* (Птн, 41) – Она считала себя очень красивой. *Ол за Тас Оолахтаң сала улуг арах, прай ниме пілчеткенге сананча* (Скт, 5) – Она чуть старше Тас Оолаха и считает себя всезнайкой. Поскольку здесь речь идёт о себе глагол **сана-** принимает аффикс возвратного залога **-н-** и приобретает значение «считать себя».

1.3. Мнение-пожелание. *Мин арачылагчылар саны көп ползын тіп санапчам* (Хч, 2) – Я считаю, что спасателей должно быть побольше.

2. Мнение общественное. Данное значение реализуется двумя способами:

а) к глаголу **сана-** добавляется аффикс страдательного залога **-л-**. Глагол **санал-** «считаться» является наиболее частотным в выражении общественного мнения. *Пір пöликтіг ойын хоос литератураның иң сидік жанрларының пірсіне саналча* (Хч, 141) – Одноактная пьеса считается одним из самых трудных жанров художественной литературы. *Улуг частыг кізі поэзының адын пірее палаа пирибіссе, таланын, хуйагын пирибіскенге саналчаң* (Хч, 4) – Если пожилой человек давал ребёнку своё имя, то считалось, что он передавал ему своё счастье и энергетику. *Ам үс пала полза, семья улуга саналча* (Чт, 3) – Сейчас если трое детей, то семья считается многодетной;

б) при присоединении к глаголу **сана-** аффикса множественного числа **-лар**. В этих случаях общественное мнение передаётся в односоставных предложениях при отсутствии указания субъекта: *Піс хақан даа кізі нимезіне теңмеебіс, амды пісті оғырға санирлар!* (Ах, 68) – Мы никогда не брали чужого, а сейчас будут считать нас ворами! *Мельникті ухаанчы, пілігчі кізее саначаңнар* (Хч, 162, 4) – Мельника считали предсказателем и знахарем.

Иногда субъект конкретизируется указанием на местонахождение лиц – авторов общественного мнения: *Колхозта міні тогысха сыхпаан тіп санапчалар* (То, 6) – **В колхозе** считают, что я не вышел на работу. *Хакас нимес, а чулым аданарға кирек тіп санапчалар мында* (Хч, 8) – **Здесь** считают, что нужно именоваться не хакасом, а чулымцем. Вслед за И. Б. Шатуновским мы такое мнение считаем подобным в ряде отношений знанию: «К нему можно просто присоединиться, его можно легко и без усилий разделять. Но оно всегда вторично. Первично кто-то сформировал его в индивидуальном уме» [Шатуновский, 2008, с. 3]. Мнение-оценка, выражаемое глаголом **сана-**, не обязательно соответствует общепринятым нравственным нормам, а исходит от представлений субъекта о них. Если в конструкциях с глаголом **сана-** присутствует субъект во множественном числе, то мнение принадлежит двух или нескольким лицам. *Чааны тобырып, иб-чуртсар хазых айланғаннар постарын ідök часкыга санапчалар* (Хч, 11) – **Вернувшиеся домой с войны живыми** считают себя счастливыми. Здесь в роли субъекта имеются в виду фронтовики.

Идентификатор глаголов мышления **сағын-** в ЛСВ «считать; иметь своё мнение, точку зрения, как результат своих собственных размышлений» может взаимозаменяться с глаголом **сана-** «считать»: *Син хайди сағынчазың (санапчазың), ниме үчүн чуртапча кізі пу чир үстүнде* (Ат, 51) – Как ты **считаешь**, ради чего живёт человек на этой земле?

ВЛСВ «иметь своё мнение, точку зрения, как результат собственных размышлений» глагол **сагын-** используется как вводное слово, а позиция объекта (суждение, умозаключение) представляет самостоятельное предложение: *Гимназияда, мин сагынчам, иң чалахай чыллар иртіргем* (Чт, 1997, 157, 4) – В гимназии, я **считаю (думаю)**, я провёл самые весёлые годы. *Сагынчам, олганнар ну агырыга тың на хантырбастар* (Хч, 154, 4) – **Считаю**, дети не очень будут подвержены этой болезни. *Сагынчам, магаа пір дее киик иди чидер* (Ат, 1991, 65) – **Думаю**, мне хватит мяса и одного оленя. *Пу чылда, сагынчабыс, чуртас хыныг арах парар* (То, 4) – В этом году, **считаем**, жизнь будет интересней. В этих предложениях **сагын-**, как выразитель разновидности мнения, употребляется в 1 л., наст. вр. и как в ед., так и мн. числах. Он фиксируется и во 2 л., наст. вр., как ед., так и мн. числах: *Син сагынчазың, ача, харибде тадылыг чуртас полган?* (Ат, 40, 52) – Брат, **ты считаешь**, в тюрьме была сладкая жизнь? *Пу чылда, сагынчабыс, чуртас хыныг арах парар* (То, 4) – В этом году, считаем, жизнь будет интересней.

Глагол **сагын-**, в отличие от глагола **сана-**, обозначает не совсем уверенное, до конца не сформированное мнение, когда субъект имплицитно допускает возможность его оспаривания для оппонентов. Глагол **сагын-** синонимичен глаголу **сана-** при обозначении мнения-предположения, соответственно, в контекстах они взаимозаменяемы. Глагол **сагын-**, также, как и его соответствия в области вводных модальных слов *мин сагынганда* (букв. когда б я подумал), *миниң сагызымнаң* (букв. по моим мыслям), обозначает лишь собственное, не навязываемое другим, мнение.

В работах исследователей [Дмитровская, 2003; Апресян, 2001; Зализняк, 2006 и др.] русский глагол *думать* характеризуется как **мнение-предположение**. Мнение в этом случае полностью объективно (оно может быть также объектом знания). Анна А. Зализняк вслед М. А. Дмитриховской называет такие мнения *верифицируемыми*, поскольку истинность их может быть проверена (*верифицирована*) посредством сличения с действительностью (если впоследствии откроется непосредственный доступ к этому объекту). Субъективны они в том отношении, что они сформированы в уме субъекта, а не являются непосредственным отражением действительности. В случае мнения-предположения субъект сам не уверен в истинности, правильности сформированного в его уме мнения, что мотивирует употребление термина «предположение» [Шатуновский, 2008, с. 2]. Считаем, что глагол **сагын-** при обозначении мнения соответствует описанной характеристике русского глагола *думать*.

Многозначный глагол **көр-** «смотреть, видеть» может обозначать мнение, что отражается и в Хакасско-русском словаре: «находить, счи-

тать кем-л., чем-л., принимать за кого-л.; *хайди көрчезің, ол пастых пол полар ба?* Как [ты] считаешь, он сможет руководить?» [ХРС, 2006, с. 205]. Этот глагол составляет семантическое гнездо мнения с ранее упомянутыми вводными сочетаниями *мин көргенде* (букв. когда бы я посмотрел), *минің көрізімнең* (букв. по моему взгляду) и вводят уверенное мнение. *Мин аны чаксы кізі тіп көрчем* – Я считаю его хорошим человеком.

Итак, нами рассмотрены разные виды мнения, выражаемые глаголами **сана-**, **сағын-** и **көр-**, а также вводно-модальными сочетаниями *мин сағынганда* (букв. когда б я подумал), *минің сағызымнаң* (букв. по моим мыслям), *мин көргенде* (букв. когда бы я посмотрел), *минің көрізімнең* (букв. по моему взгляду). Семантика «высказывание мнения, суждения, точки зрения» по-разному представлена в семантической структуре глаголов, обслуживающих данную семантическую сферу. Наиболее богатым набором видов мнения обладает семантика основного глагола мнения **сана-**. Глаголы **сағын-** и **көр-**, обозначая мнение в своих вторичных ЛСВ, не выражают общественное мнение или же мнение-оценку. Употребление тех или иных глаголов мнения также связано с семантикой интерпретации объекта мнения.

2.3.3. Глагольные средства, выражающие операции памяти

Глаголы со значением памяти обозначают статичное состояние – хранение или потерю какой-либо информации. Человеческую память мы понимаем как некое ментальное пространство, где хранится избирательная информация о прошлом жизненном опыте и чувственные (наивные) знания и представления о внешнем и внутреннем мире человека и т. д. Всё это воспроизводится в памяти в виде таких операций, как запоминание, хранение, воспроизведение и забывание.

Исследователи часто рассматривают глаголы памяти в составе семантической структуры глаголов интеллектуальной деятельности (Васильев, 1981; Апресян, 2001; Кондратенко, 2005; Каксин, 2009; Ефанова, 2011 и др.). Например, Л. В. Васильев отмечает тесную взаимосвязь глаголов памяти с глаголами знания «помнить, вспоминать и забывать можно только то, что хранится в сознании как какое-то знание» [Васильев, 1981, с. 165]. Л. Н. Ребрина в своих трудах, посвящённых исследованию глаголов памяти в немецком языке, исследует их в рамках «особого парадигматического объединения» – ЛСГ [Ребрина, 2007, 2008]. Иерархию семантических признаков в семантической структуре глаголов памяти в

рамках данной ЛСГ автор представляет таким образом: «Категориальная сема «осуществление операций с фрагментами прошлого опыта в актуальном поле сознания» уточняется следующими интегральными семами:

I. Денотативные несубстанциональные семы: 1) «продвижение фрагментов прошлого опыта в пространстве памяти; 2) каузативность; 3) темпорально-мотивационные отношения, описываемые с ЛСВ глагола; 4) характеристика операций памяти; 5) сопровождающее действие; 6) сопровождающие эмоциональные реакции.

II. Денотативно-субстанциональные семы: 1) характер субъекта операции памяти; 2) характер объекта операции памяти; партнер операции памяти.

III. Неденотативные семы: 1) субъективная оценка об операции памяти; 2) оценка операции памяти говорящим» [Ребрина, 2008, с. 115].

В нашем исследовании глагольные лексемы, выражающие операции памяти рассматриваются в составе лексико-семантической группы ментальных глаголов как одна из ее семантических подгрупп. При выделении их общей категориальной семы глаголов операции памяти мы следуем формулировке Л. Н. Ребриной «осуществление операции с фрагментами прошлого опыта в активном поле сознания».

В хакасском языке, как и в других разноструктурных языках, кодовое выражение перемещений фрагментов прошлого опыта (некой информации) в человеческой памяти репрезентируется в таких процессах (операциях), как запоминание, хранение информации и ее извлечение (утрата) из памяти.

Л. Н. Ребрина пишет: «Запоминание понимается как продвижение фрагментов прошлого опыта извне внутрь пространства памяти, когда пространство памяти пополняется новыми, отсутствовавшими ранее единицами. Забывание – как продвижение единиц с поверхностных слоев памяти, т. е. из активной зоны памяти, доступной для воспроизведения, вглубь пространства памяти, куда они вытесняются, замещаясь более релевантной информацией. При воспоминании – всплывание единиц из глубинных слоев памяти, то есть из пассивной зоны на поверхность, в активную зону памяти. Хранение информации в памяти может быть интерпретировано как отсутствие продвижения единиц в данном пространстве» [Ребрина, 2008, с. 116].

При определении содержания данного концепта мы принимаем положение Е. С. Кубряковой: «Коррелируя с глаголом *помнить*, который означает «удерживать в памяти» слово *память* означает нечто вроде способности помнить, что возвращает нас к идеям А. Вежбицкой о перцептивной лексике и ее понимании через триаду «способность – орган – функции» и заставляет в нашем случае помнить через локализацию этой

способности в голове (мозгу) сознании человека, а также через такие функции памяти, как распознавание, узнавание, припоминание, сохранение в ней опыта, знаний, извлечение их из памяти и т. д.» [Кубрякова, 2004, с. 373]. Кодовое выражение перемещений фрагментов прошлого опыта (некой информации) в человеческой памяти репрезентируется в таких процессах (операциях), как запоминание, хранение информации и её извлечение (утрата) из памяти, а также выход из состояния потери памяти.

Этнокогнитивная специфика хакасского языка заключается в том, что в нём почти отсутствуют однокорневые глаголы с конкретной семантикой операций памяти, как, например, в русском языке (*помнить, вспоминать, поминать, напомять* и др.). Репрезентация операций памяти эксплицируется сложными глаголами, в образовании которых участвуют глагол **сағын-** «думать» и однокоренное существительное **сағыс** «дума, мысли», что свидетельствует о прямой взаимосвязи мышления и памяти. В семантике сложных глаголов с компонентом **сағын-** «думать» основное значение вспомогательного глагола мотивирует аспектуальную характеристику рассматриваемых глагольных средств: **сағын чөр-** = ходить и думать: «помнить», **сағын кил-** = думать и прийти: «вспомнить» и т. д.

В зависимости от производимых в памяти операций глаголы, обозначающие операции памяти, выражают значения:

1) «запоминание какой-л. информации». Данное значение в хакасском языке несёт в себе аналитическая конструкция **сағын сал-** в ЛСВ «запомнить». *Йди кирек парза, тура пире пис чыл пазынаң на тимге сыгар, неке, тiп сағын салдым* (Кч, 32) – Я подумал, мол, если дело пойдет так, то дом будет достроен только через лет пять. *Ол күстiг кiзiнi мин хачанга даа сағын салгам* (Хч, 153) – Этого сильного человека я запомнил на всю жизнь;

2) «хранение в памяти какой-л. информации, знаний»:

сағын чөр- «помнить». *Че хайдаг даа хыйал көрзе, ол ибiркiзiне чаксы ла иткенiнеңер сағын чөрчем* (Т, 25) – Я всегда помню о том, что, хоть он и видел много страданий, но окружающим делал только добро;

сағыста тут- «помнить, не забывать; букв. держать в мыслях»: *Хынган сөспектi хачан даа сағыста тутчам* (Хч, 3) – Я всегда помню любимую поговорку. *Че Сирток апсахтың чоогын сағыста тутчам, аат угаа кидей хус, кiзiнi чағын кирбинче* – Но помню слова старика Сирток о том, что турпан – очень своенравная птица, человека не подпускает к себе близко;

сағыста хал- «запомниться, помнить; букв. оставаться в мыслях». *Сағыста халган кiчiг туста хайдаг сохтанчых полганыбыс* – Помнится, какие мы были шаловливые в детстве. *Аның пастагы көглерi минiң*

сагызымда халган – Я помню его первые стихи. *Мындаг фестивалр студенттерге чарых көгліг туснаң сагыста халарлар* (Чт, 8) – Такие фестивали запомнятся студентам как самое светлое и веселое время. *Пастагы хынызым хачанга даа сагызымда халган* – Моя первая любовь запомнилась мне навсегда.

Синонимичные в определённых контекстах ФЕ **сагыста тут-** «помнить, не забывать; букв. держать в мыслях, памяти» и **сагыста хал-** «запомниться, помнить; букв. оставаться в мыслях, памяти» различаются в субъектно-объектных отношениях: **сагыста тут-** «помнить, не забывать; букв. держать в мыслях» предполагает субъектное действие, а **сагыста хал-** «запомниться, помнить; букв. оставаться в мыслях» репрезентирует объект (некую информацию), сохранившуюся в памяти субъекта. Кроме того, **сагыста хал-** «запомниться, помнить; букв. оставаться в мыслях» находится в семантическом промежутке отрезков времён – можно находиться в настоящем и оставаться в прошлом, и логически все три временные формы присоединяются к нему свободно, а **сагыста тут-** «помнить, не забывать; букв. держать в мыслях» обычно употребляется только в настоящем времени. Интересно также отметить, что в структуре данной ФЕ при формировании значения памяти основополагающую роль играет показатель местного падежа **-та** в слове **сагыс** «мысль, дума». Если исключить данный аффикс, то мы получим другое значение, не имеющее отношения к сфере памяти: **сагыс тут-** «букв. держать мысль; намереваться, хотеть что-либо делать»: *Инженер поларга сагыс тутчам* – Намереваюсь стать инженером.

Сема «хранение в памяти какой-либо информации» содержится также в структуре значения двух ядерных многозначных глаголов ментальной сферы: **пiл-** «знать» и **оңна-** «понимать». Идентификатор глаголов знания **пiл-** «знать», как глагол памяти, функционирует в ЛСВ «помнить произошедшую ситуацию». *Ибзер читкенiмнi сала ла пiлчем* – Я еле-еле помню, как я добрался домой. *Хызыл площадьча чöргем, че пiлбеем öрчиде азаамның теңенiн агаа* (С, 3) – [Я] ходил по Красной площади, но в радости не помнил, как мои ноги касались земли. *Хайди ибде пол парганымны пiлбинчем* (Хт, 39) – Не помню, как я дома очутился. Доминанта глаголов понимания **оңна-** «понимать» имеет вторичное значение «помнить». *Мин зе анзын кичеегидеги ле чили оңнапчам* (У, 17) – Я-то это помню, как будто вчера [это было]. *Аннаң андархызын Мукул чаксы оңнабинча* (Ит, 159) – Что было дальше, Мукул хорошо не помнит.

К этой же категории относится глагол **унду-** с аффиксом отрицания: **ундуба-** «не забывать», что интерпретируется как «помнить». *Хачан-да хада тогынган öррелери аны ундуттинчалар* (Чт, 104) – По други, с которыми она когда-то работала, не забывают ее [т. е. помнят].

3) «извлечение какой-л. информации из памяти». В репрезентации данного значения наиболее активны ФЕ: **сагысха кір-** «вспоминаться, помниться; букв. входит в мысли» и **сагысха кир-** «вспоминать; букв. вводит в мысли». *Аның сагызына кір килген улуг пілігічи паза хайчы Са-кый апсах* (Хп, 2) – Ему **вспомнился** большой предсказатель и хайджи старик Сакый. *Аннаң неер полган на сай Наа чылны анда удурлааным сагысха кіредір* (Кч, 29) – С тех пор мне каждый раз **вспоминается**, как я там встречал Новый год. – *Мин, 20 чыл азыра талайлар ибiрiп, кемнең не тогынмаам, – сагысха кирче ол* (Хчк, 108) – За 20 лет, объезжая все моря, с кем только не пришлось работать, – **вспоминает** он. *Пу найрамныг күнде театр пастагчыларын сагысха кирчебіс* – В этот юбилейный день мы вспоминаем основателей театра. Эти две ФЕ находятся в объектно-субъектных отношениях: глагол **кир-** «вводит» – это каузативная форма глагола **кір-** «входит».

Значение «вспоминать» выражает и глагол **сагын кил-**, но, в отличие от **сагысха кир-** «вспоминать; букв. вводит в мысли», он наделен признаком внезапности. *Мин сині көр салтам, пабаңны сагын килчем* – Как только тебя увижу, **вспоминаю** твоего отца. Процесс извлечения какой-либо информации из памяти выражается также многозначным глаголом **сагын-** «думать» в ЛСВ «вспоминать», реализацию которого обеспечивает:

а) имя в форме вин. п. *Пазох сагынгам мин ибiмнi* (Ат, 123) – Снова **вспомнил** я свой дом. *Аны сагынза, хызын чыртып салыбызары килібізедір* (Ат, 38) – Если **вспоминает** об этом, ему хочется запороть свою дочь. *Пастагы тогазыгда күлімзірееніңні удаа сагынчам* (Чч, 45) – Часто **вспоминаю**, как ты улыбалась на первом свидании;

б) придаточное предложение, главное слово которого принимает аффиксы прошедшего времени и вин. п. *Ис сохчаңнарның чапчаң тогынганнарын сагынчам* (Хчк, 68) – **Вспоминаю**, как ловко работали ткачихи. *Пастагы тогазыгда күлімзірееніңні удаа сагынчам* (Чч, 45) – [Я] часто **вспоминаю** твою улыбку при нашей первой встрече.

Глагол **хабын-** «1) *возвр.* от хабарға хвататься, цепляться за что-л.; 2) спохватиться; *ам на хабындым* [я] сейчас только спохватился; *пір ние хабынмасха* ничего не подозревать (не спохватываться); *сагыс хабынарга* а) опомниться; б) задуматься; *тын хабынарга* передохнуть; прийти в себя» [ХРС, 2006, с. 770]. Этот глагол в переносном значении «опомниться, спохватиться» часто формирует конструкции с прямой речью. *Пит мында хойларны тохтадарга полган, хайдаг даа полза, тынанчаң чир, – хабынган ол, – че амды орай* (Ат, 38) – Надо было здесь остановить овец, как-никак, это место отдыха, – **спохватился** он, – но теперь поздно. – Э, *нога төкпес чілі одырбын, – хабынган Оркон* (Ит, 58) – Э, что же я сию, как пень, – **спохватился** Оркон. Значение «спохватиться», т. е. «мгно-

венно вспомнить забытое» данного глагола, мотивировано первичным ЛСВ «хвататься».

Значение «вспоминать» дает глагол **ада-** «называть». *Кўнүн адам полбаспын, че чылын ундубинчам, 1966 чылда полган* (Ат, 38,49) – День не смогу вспомнить, но год не забываю, в 1966 году это было. *Узах частыг поларзың. Ам на сини адаабыс* (Сс, 41) – Долго жить будешь. Только что тебя вспоминали;

4) «утрата какой-л. информации из памяти (сознания)». Данное значение выражает глагол **унду-** «забывать». В. Туровский отмечает, что «при забывании мы утрачиваем не саму информацию, но лишь доступ к ней, который и восстанавливается при *вспоминании*» [Туровский, 2003, с. 348]. Особенностью глагола **унду-** является то, что он почти не сочетается с наречиями меры и степени, т. к. его семантика не предполагает мерность процесса. В хакасской разговорной речи действует выражение **чыпылада утдут сал-** «совсем забыть», что обозначает глубину, безнадежность забытья. Постепенность забывания выражается с помощью глагола **унду-** в настоящем времени (**ундупчам** «забываю») и аналитической конструкции с главным членом **паста-** «начинать» (**ундудып пастапчам** «начинаю забывать»). В. Туровский подобного рода забывание интерпретирует как «растянутое во времени, при сохранении точности, мгновенности и дискретности каждого элементарного «акта забывания»: в самом деле, *постепенно забывать математику* «одно за другим забывать утверждения из области математики»; *постепенно забывать лицо матери* «одну за другой забывать черты лица матери» и т. п. [Туровский, 2003, с. 346]. В хакасском языке выражения типа *кѳместең ундударга* «постепенно забывать» также неупотребительны, но само значение забывания выражается аналитически. *Пирсінде ээзи адайны азырарга ундут салган* (Т, 101) – Однажды хозяин **забыл** накормить собаку. *Тасхачах, ѳдѳске пѳрее нѳме алып, нандыра пѳрерге ундут салчатхан* (Т, 104) – Тасхачах **забывал** возвращать долг. *Сѳрер сын оңдайнаң чуртурга паза Худайга хынарга ундуп салгазар* (Хч, 3) – Вы забыли как жить истинной жизнью и как любить Бога.

Семантическое пространство «**сағыс** «дума, мысли» + глагол» представляют ФЕ с семантикой утраты в памяти какой-либо информации:

сағыс хызырыл- «ослабевать память; букв. мысли уменьшаться». *Ол тусты мин чахсы даа чоохтап полбаспын, сагызым хызырылча но-за* – Я не смогу подробно рассказать о тех временах, моя **память ослабевает**;

сағыс алчааста- «запомнить, быть забывчивым; букв. мыслими ошибаться». – *Аның помилезі кем полдыңых? – сагызын алчаастап, па-*

зын пулганча Доможаков – Как же его фамилия? – **запомню**, головой качает Доможаков;

сагыстаң индеет- «терять память; *букв.* мыслями опускаться». *Улугланыбысханда, сагыстаң индеет сыххан ол* – Когда стал стареть, он **стал терять память**. Все 3 ФЕ синонимичны по значению «ослабление памяти» и используются в отношении людей пожилого возраста.

Следующие две ФЕ синонимичны к выше рассмотренным трём ФЕ по значению «ослабление памяти», но нейтральны к понятию возраста субъекта:

сагыс чідір- «1) лишиться разума, рассудка; 2) терять сознание; *букв.* терять мысли». *Компьютер ле ойнап, сагыс чідірче таң* – То ли от игр в компьютере он **теряет разум**. *Хыс, көрбес нимені көріп, сагызын чідірген* – Девушка, увидев то, что не должна была видеть, **потеряла сознание**.

сагыс сых- многозначна: «1) становится забывчивым; 2) утрачивать способность мыслить, соображать; 3) быть в сильном эмоциональном состоянии, напр., сильно удивляться, поражаться, испугаться; *букв.* мысли выходят». В рассматриваемой подгруппе данная ФЕ многозначна и состоит в первых двух ЛСВ. *Чииттегі хыныс чүректі сіртлетче, илбек сілігіні көріп, сагыс сыхча* – В молодости любовь заставляет сердце биться, при виде величественной красоты **теряешь способность мыслить**. В ЛСВ «быть в сильном эмоциональном состоянии, напр., сильно удивляться, поражаться, испугаться» ФЕ **сагыс сых**- выходит за пределы ЛСГ глаголов мышления. В зависимости от объектного сочетания он может реализоваться в ЛСВ «сильно пугаться» или «сильно удивляться».

сагыс тарат- «отвлекаться от тяжелых мыслей; *букв.* распространять мысли». Данная ФЕ часто в предложении употребляется в роли деепричастия и выражает сопутствующий аспект какому-либо действию субъекта. *Килнім, ахча чідір салып, тайгазар чистекке, сагыс тарадып, парыбысты* – [Моя] сноха, потеряв деньги, уехала в тайгу за ягодой, чтоб **отвлечься от тяжёлых мыслей**. *Сагыс тарадып, ибдең сыхсаң* – [Ты] выходи на улицу, отвлекись от тяжёлых мыслей. В сочетании с объектной позицией ФЕ **сагыс тарат**- реализуется в ЛСВ «пропагандировать какую-л. идею» и косвенно относится к ЛСГ ментальных глаголов. *Аалдагыларга спорт тузазынаңар сагыс тарадарга кирек* – Сельчанам нужно **пропагандировать** занятия спортом.

Итак, значение «утрата какой-л. информации из памяти, сознания» выражается глаголом **унду**- «забыть» и шестью ФЕ, образованными по схеме «**сагыс** «дума, мысли» + глагол», из которых три обозначают ослабление памяти в пожилом возрасте, три – многозначны. Все эти лексические единицы характеризуют длительность выражаемого процесса;

5) «выходить из состояния полной потери памяти». Данная сема не совсем соотносится с тематикой анализируемых лексических средств. Но мы считаем: поскольку значения этих многозначных глаголов имеют отношение к сфере человеческой памяти, они занимают в данной подгруппе периферийное положение. Сюда относятся многозначные глаголы: **пiлiн-** «осознавать» в ЛСВ «опомниться, приходиться в себя (в сознание), очнуться после полной потери сознания» и **пiлiн-** «осознавать» в ЛСВ «опомниться после какого-л. забвения, отвлечения». *Паза ла пiлiнзем, сиден тiзiнде чатчаттырбын* – Когда я **очнулся**, оказывается: лежу возле оградки; *Мин пу хайада илееде одыр салганымны азам узубысханынаң на пiлiнчем* (Ат, 165) – Я **опомнился** от того, что мои ноги онемели: долго просидел на этой скале. *Ундар бiрдең чара чiс паризалар, iчезi хатыг табыснаң «аат» тiп пiлiндiрiбiсче* (Ат, 165) – Если они от стаи далеко уплывут, то мать-утка напоминает им строгим голосом «аат» (букв. заставляет опомниться).

Глагол **оңарыл-** образован от корня **оңар-** «понимать» при помощи аффикса страдательного залога **-ыл-** и в своей семантической структуре имеет ЛСВ:

- 1) «опомниться, очнуться, выходить из забвения, состояния беспамьятства». *Оңарыл килзем, «йо, палам» тiп пабамның хысхырчатханы истiлче* (Кч, 28) – Когда я очнулся, услышал, как отец кричит: «О, [моё] дитя»; *Паза пiлбеске кiр партырзым. Оңарыл килзем, худай, хайдаг-да пасха городта пол партырзым* (Т, 73) – Больше ничего не помню. Когда опомнился, боже, оказывается, я – в каком-то другом городе;
- 2) «прийти в себя, выходить из одурманенного (загипно тизированного) состояния». – *Син ир кiзiзiң, мин ир кiзiбiн, – тiлбiречем мин, ага оңарыларга пирбин* (Хт, 46) – Ты мужчина, я мужчина, – тараторю я, чтоб не дать ему прийти в себя;
- 3) «разглядеть, обнаружить, доходить, понять обычно отрицательное в личной сфере». *Ол ла кiн, аар уйгудагы чiли, синнең чуртаанымны оңарылгам* (Ат, 1991, 56) – Только в этот день я обнаружила: я жила с тобой как в тяжёлом сне. *Той-пайлар соонаң амды оңарылча: ирi арага iсче* (Чч, 110) – После всех этих праздников до неё доходит: муж пьёт.

Глагол **оңарын-** образован при помощи аффикса возвратного залога **-ын-** и синонимичен предыдущему глаголу по значению «опомниться, очнуться, выходить из забвения, состояния беспамьятства»: *Паза оңарынзам, мин пiриимнi суурыбох салтырзым* (Хч, 2) – Когда пришёл в себя, оказывается: я тоже снял шапку. *Пазагы кiнiнде оңарынзам, ибде чатчам* (Хч, 3) – Когда я пришёл в себя на следующий день, [обнаружил,

что] лежу дома. Глаголы **оңарын-** и **оңарыл-** выражают общее значение «опомниться», при функционировании обнаруживаются лишь залоговые оттенки.

Сюда же относим ФЕ **сағыс хабын-** «1) восстанавливать в памяти; 2) прийти в себя, опомниться, собраться с мыслями; 3) одуматься; *букв.* хватать [на себя] мысли». *Егор апсахтың хазыр табызын ис салганда ла, мин сағыс хабынгам* – Я очнулся только тогда, когда услышал грозный голос старика Егора. *Ол позын позы махтаан. Амды ол, сағыс хабынын, иң кўстiгнi тiлеп парча* – Он сам себя хвалил. А теперь, **одумавшись**, ищет самого сильного.

ФЕ **сағыс алын-** «1) восстанавливать в памяти; 2) прийти в себя, опомниться, собраться с мыслями; 3) одуматься; *букв.* брать [на себя] мысли». *Ол, ипчi алып, иб тiстебеенде, сағыс алынмас* – Пока он, **жившись**, не создаст семью (*букв.* дом), не одумается.

Лексический анализ 23 глагольных средств, репрезентирующих операции памяти, показал общую картину языкового выражения пространства памяти в хакасском мировидении.

Наиболее эксплицированы следующие операции памяти:

а) «утрата в памяти какой-либо информации» (6 глагольных единиц). В данной микрогруппе состоит единственный в хакасском языке глагол, имеющий прямое значение к сфере человеческой памяти – **унду-** «забыть». Остальные пять глагольно-именных ФЕ выражают те или иные расстройства в пространстве памяти, три из них имеют возрастной оттенок;

б) «хранение какой-либо информации» (5 глагольных единиц). Для репрезентации данной операции в хакасском языке используются три ФЕ с компонентом **сағыс** «мысль, дума» и два многозначных ментальных глагола.

Наименее эксплицированы операции хранения (четыре лексические единицы) и запоминания какой-либо информации (одна лексическая единица). В описываемое пространство памяти мы включаем ещё три ФЕ с общей семьей «выходить из состояния полной потери памяти». Для обозначения операций памяти активно используются ФЕ, в составе которых участвуют глагол **сағын-** «думать» и существительное **сағыс** «мысль, дума», а также многозначные ментальные глаголы.

2.3.4. Семантическое пространство *сагыс* «мысли, дума» + глагол»

В ходе исследования ментальных глаголов в поле нашего зрения оказались устойчивые сочетания, построенные по схеме **сагыс + глагол**, поскольку они часто употребляются в хакасском языке, характеризуют различные аспекты процесса мышления.

Богатую картину различных аспектов семантики мыслительного процесса в хакасском языке показывают глагольно-именные ФЕ **сагыс + глагол** «мысли, дума + глагол», тем самым они заполняют те семантические пустоты, которые не обозначены соответствующими глаголами мышления. Глагольно-именные сочетания **сагыс + глагол** образуют некое поле со значением мышления, при этом составляя по своему морфологическому построению отдельную периферию в составе исследуемой ЛСГ. Следует отметить, что производное от глагола **пiл** «знать» существительное **пiлiс** «знание», в отличие от **сагыс** «мысли, дума», не образует устойчивых сочетаний.

В русском языке широко распространены устойчивые сочетания, выступающие синонимами одиночных глаголов, образованных на основе именного компонента сочетания (принимать участие – участвовать, выражать восхищение – восхищаться, отдать приказ – приказывать). «Воспроизводимые по традиции устойчивые сочетания выступают как готовые формулы для выражения мысли. Их стандартизированный характер позволяет экономить усилия пишущих и говорящих, упрощает процесс восприятия информации» [Аножина и др., 2006, с. 6]. Рассматриваемые же нами ФЕ отличаются от подобных русских сочетаний тем, что они образованы все по одной схеме и не являются синонимами однокоренному глаголу **сагын-** «думать».

Итак, ФЕ, построенные по схеме **сагыс** «мысли, дума» + глагол» образуют семантическое поле, представляющее по морфологическому построению периферию в составе ЛСГ ментальных глаголов, но заполняют семантические пустоты, не обозначенные соответствующими глаголами мышления. В ХРС представлены следующие ЛСВ значения слова **сагыс**: «1) ум, рассудок; 2) память; 3) мысль, дума; идея; 4) мысль, намерение, замысел; 5) забота, беспокойство; 6) тоска» [ХРС, 2006, с. 428]. Данное существительное зафиксировано в Древнетюркском словаре: «**Saqĩnĉ** 1. мысль, дума, размышление; помыслы: *saqĩnĉin sŏzin on tŭrlŭg suj jazuq qĩlŭmiz ęrsär* если мы помыслом, словом и делом сотворили десять различных прегрешений (Chuast, Л, 41); *qatıy qinıy kertü saqĩnĉ* чрезвычайно праведные размышления (Suv, 426, 12); *miŋ jil tŭmän kŭnki saqĩnĉ saqĩnur-lar* вечные (букв. тысячелетние, десятитысячедневные) думы (ТТ, VI,

312); *ölümlüg saqinč* мысль о смерти (Man, III, 19, 5); 2. Намерение: *tijlŷlarqa keŷürü asiy tusu qilyali saqinčın keli tegindim erdim saqinč* я пришёл с намерением приносить пользу живым существам (Hiien, 206); 3. забота, печаль (МК, III, 374): *oŷul giž saqinči bu tüpsüz teŷiz* заботы о детях – бездонное море (QBN, 95, 12)» [ДТС, 1969, с. 486]. Это слово функционирует и в других тюркских языках с незначительными отклонениями в значении, например, в тувинском языке – **сагыш** *суц.* «тоска грусть, кручина» [Тувинско-русский словарь, 1968, с. 252] и имеет один корень с идентификатором глаголов со значением мышления – **сагын-** «думать». Интересно отметить, что производное от глагола **пил-** «знать» существительное **пиліс** «знание», в отличие от **сагыс** «мысли, дума», не образует устойчивых сочетаний и ФЕ.

Наш материал выдал 17 ФЕ, образованных по схеме **сагыс** «мысли, дума» + глагол; в структуре пяти из них состоят вспомогательные глаголы:

- сагыста тут-** «помнить, не забывать; букв. держать в мыслях»;
- сагыс чит-** «додумываться; букв. мысли доходить»;
- сагыста хал-** «запомниться, помнить; букв. оставаться в мыслях»;
- сагысха кир-** «вспоминать; букв. вводить в мысли»;
- сагысха түс-** «задумываться; букв. спускаться в мысли».

Значения этих и остальных ФЕ мотивированы от их буквального содержания. В целом же сочетание существительного **сагыс** с глаголами в основном даёт значения, группирующиеся вокруг концепта «память», поэтому многие ФЕ состоят также и в разделе глагольных единиц, выражающих операции памяти, куда мы направляем отсылки при упоминании таких единиц.

Принимая во внимание положение о том, что «память» имеет организованную систему, выработанные в трудах известных лингвистов [Кубрякова, 2004; Ребрина, 2007 и др.], все глагольные лексеммы с **сагыс** «мысли, дума» мы выделяем на 3 больших разряда:

- 1) ФЕ с общим значением «хранить в памяти информацию»;
- 2) ФЕ с общим значением «пополнять в памяти информацию»;
- 3) ФЕ с общим значением «терять из памяти информацию, сознание».

Некоторые лексеммы внутри этих микрогрупп находятся в отношении синонимичности.

- 1) микрогруппа глагольных лексем с общим значением «хранить в памяти информацию»:

сагыста тут- в ЛСВ «помнить, не забывать; букв. держать в мыслях». Здесь лексема *сагыс* имеет аффикс местного падежа *-та*. Без этого аффикса значение данной ФЕ (**сагыс тут-** «букв. мысль держать») меняется на «намереваться; планировать», например, – *Тоня хайдаг сагыс*

тутча? – *Агрономға үзренерге* (Хчк, 84) – Тоня что планирует делать (букв. мысль держит). *Ағырығ кізілерні имнеп, чонның хазығын хайраллирға сағыс тутхан* (Нгу, 24) – Он намеревался лечить больных и беречь здоровье людей;

сағыста хал- в ЛСВ «помнить; букв. оставаться в мыслях». *Чаа чыллары чонның сағызында халған* – Народ помнит годы войны;

2) микрогруппа глагольных лексем с общим значением «пополнять (или восстанавливать) в памяти информацию, знание»:

– **сағыс (сағыс-көгіс) алғыт-** «расширять кругозор; букв. расширять мысли». *Че кўннер ирткен сай, наадаң наа ла нимее учурап, сағыс-көгіс алғыдадыр* – Но с каждым днём, набираясь новых впечатлений, расширяет [свой] кругозор;

– **сағысха түс-** «задумываться; букв. спускаться в мысли». *Полганыбыс ла поэзының алынча сағысха түсче* – Каждый из нас про себя **задумывается**. ФЕ **сағысха түс-** «задумываться; букв. спускаться в мысли» в определённых контекстах синонимизируется с **сағысха тартыл-** «задумываться; склоняться к какой-л. мысли; принимать решение; букв. тянуться к мысли» по общему значению «задумываться». Но объектом при первой ФЕ могут быть размышления о прошлом жизненном опыте, какие-либо философские мысли о жизни, явлениях и т. д., тем самым в его семантике содержится оттенок глубины мыслительного процесса. *Сағысха түскем істімде, нога за ол чалгызан?* – Я **задумывался** про себя, почему же он одинок? Часто употребляется каузативная форма данной ФЕ с помощью аффикса понудительного залога **-ір-**: **сағысха түзір-** «заставляет задуматься (букв. роняет в мысли)»: *Аалда чуртапчатхан ипчїлернїң чыылли кўп сағысха түзірер* (Хч, 2) – Собрания деревенских женщин наводят на мысли. *Хатабох тохласчалар вагон теерпектерї. Оларның нїр сарыны кізіні сағысха түзірче* (Тс, 48) – Снова стучат колёса вагона. Их однообразная песня заставляет задуматься;

– **сағысха сиир-** «запоминать; букв. впитывать в память». – *Кипчоохты тыңнап, ахсы азыл парча. Иди полза, сағызына сиирче – ситкїп сал турған ічезї* (Чч, 124) – [Он] легенды слушает с открытым ртом. Видно, что запоминает, – замечала [его] мама;

– **сағысха тартыл-** «задумываться; склоняться к какой-л. мысли; принимать решение; букв. тянуться к мысли» обозначает, что субъект начинает задумываться о намерении что-либо сделать, но обязательно может исполнить задуманное. *Халғанчы туста мин аалзар парыбызар сағысха тартылчам* – В последнее время я задумываюсь о том, не уехать ли мне в деревню. *Саңай сағысха тартылыбысхан*

- Кузьма Егорович* – Кузьма Егорович **пришел к твёрдому решению**. В данном предложении значение «прийти к твёрдому решению» дает сочетание **сағысха тартыл-** с наречием **саңай** «совсем, бесповоротно»;
- **сағыс** (в притяж. форме) **чит-** «додумываться; *букв.* мысли доходить». *Че хан-ниг ипчи хыйга полган, пайзаң хаңааларда чөрерінең, пасха даа нимее сағызы читчеткен* – Но царица была умна, она **додумывалась** не только до того, чтобы ездить в роскошных каретах, но и до других вещей. *Хайдаг чахсы ипчимиңи азырааның нога-да соонаң даа пілерге сағызым читпеен* – Почему-то я **не додумался** узнать, что за хорошая женщина меня кормила;
  - **сағыс алын-** «1) восстанавливать в памяти; 2) прийти в себя, опомниться, собраться с мыслями; 3) одуматься; *букв.* брать [на себя] мысли» и **сағыс хабын-** «1) восстанавливать в памяти; 2) прийти в себя, опомниться, собраться с мыслями; 3) одуматься; *букв.* хватать [на себя] мысли» синонимичны. Их отличительной особенностью является оттенок, мотивированный семантикой основного глагола: **ал-** «брать», **хап-** «хватать», следовательно, для ФЕ **сағыс хабын-** «1) восстанавливать в памяти; 2) прийти в себя, опомниться, собраться с мыслями; 3) одуматься; *букв.* брать [на себя] мысли» характерен признак мгновенности, быстротечности действия.

В эту же подгруппу относятся **сағысха кір-** «вспоминаться, помниться; *букв.* входит в мысли» (*Алаас чуртазым удаа сағысха кір сыххан* (Ит, 155) – [Я] часто стал вспоминать мою безалаберную жизнь) и его каузативный вариант **сағысха кир-** «вспоминать; *букв.* вводит в мысли» (*Лида, хайди город маршинда аралазып, пөзік-пөзік хыстарның аразында ырахха чүгүрерге кірібіскенін сағысха кирче* – Лида вспоминает как участвовала на городском соревновании по бегу на длинную дистанцию).

Все ФЕ, состоящие в данной микрогруппе, характеризуются:

а) признаком пополнения памяти новыми знаниями или информацией (**сағыс (сағыс-көгіс) алғыт-** «расширять кругозор; *букв.* расширять мысли», **сағысха сиир-** «запоминать; *букв.* впитывать в память», **сағысха тартыл-** «задумываться; склоняться к какой-л. мысли; принимать решение; *букв.* тянуться к мысли», **сағыс** (в притяж. форме) **чит-** «додумываться; *букв.* мысли доходить»;

б) признаком восстановления в памяти каких-либо знаний или информации (**сағыс алын-, сағыс хабын-** «1) восстанавливать в памяти; 2) прийти в себя, опомниться, собраться с мыслями; 3) одуматься; *букв.* брать [на себя] мысли», **сағысха кір-, сағысха кир-**). ФЕ **сағысха түс-** «задумываться; *букв.* спускаться в мысли» иногда может быть нейтрален к этим признакам;

3) в микрогруппу с общим значением «терять из памяти информацию, сознание» включены следующие ФЕ: **сағыс хызырыл**- «ослабевать память; *букв.* мысли уменьшаться»; **сағыс алчааста**- «запоминать, быть забывчивым; *букв.* мыслями ошибаться»; **сағыстан индеет**- «терять память; *букв.* мыслями опускаться»; **сағыс чідір**- «1) лишиться разума, рассудка; 2) терять сознание; *букв.* терять мысли»; **сағыс сых**- «1) становится забывчивым; 2) утрачивать способность мыслить, соображать; 3) быть в сильном эмоциональном состоянии, напр., сильно удивляться, поражаться, испугаться; *букв.* мысли выходят»; **сағыс тарат**- в ЛСВ «отвлекаться от тяжёлых мыслей; *букв.* распространять мысли».

Итак, рассмотрено 17 ФЕ, построенных по схеме **сағыс + глагол** и образующих семантическое поле в составе ЛСГ глаголов мышления. По своим общим значениям все они распределены в 3 семантические микрогруппы. Все они частотны, поскольку значения, выраженные ими, в хакасском языке не обозначены специальными глаголами.

2.4. МЕНТАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ, НЕ ИМЕЮЩИЕ СИНОНИМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

В сфере ментальных глаголов, как и в других семантических группах, имеется немало одиночных глаголов. Эти глаголы однозначны (или моносемантчны), т. е. имеют единственное значение: называют какое-нибудь одно понятие, явление действительности, действие и т. п. Моносемантические глаголы соотносятся с глагольными словами, обладающими одним прямым номинативным значением – обозначением конкретных действий, состояний и отношений. Обычно единственное значение имеют существительные, например, *халас* «хлеб», *сүт* «молоко», *хабар* «новость», *маймах* «обувь» и т. д. Е. К. Мухамедзянова, отмечая немногочисленность однозначных глаголов на фоне общего количества глаголов одной ЛСГ, пишет: «...в плане изучения семантики слова именно они признаются основными, поскольку прямые значения непосредственно отражают восприятие человеком того или иного предмета, действия или качества действительности» [Мухамедзянова, 1998, с. 4]. Кроме того, однозначными, или моносемантическими, являются лексемы, языковому смыслу которой «соответствует отдельная, строго закрепленная за ней единица внешней оболочки» [Мухамедзянова, 1998, с. 4].

Однозначными являются глаголы, которые имеют единственное конкретное, номинативное значение. Такие глаголы выражают конкретные действия: **пёк**- «решать», **паала**- «оценивать», **сыныхта**- «прове-

рять», **тиңнестір-** «сравнивать», **сынна-** «испытывать», а также глаголы ментальных способностей: **хыгыр-** «читать», **пас-** «писать», **хооста-** «рисовать», **сиг-** «чертить» и др. Тем самым в ментальной сфере моносемантическими являются глаголы, связанные с физическими действиями с применением умственных способностей. У таких однозначных глаголов в большей степени развиты объектные дифференциации, например, читать можно записи, относящиеся к различным объектным категориям: книгу, доклад, стихи, записки, рекламу, вывески, письмо и др.

В хакасском языке, по нашим сведениям, треть от общего числа ментальных многозначных глаголов, не имеет синонимичных отношений. Это такие глаголы, как **талла-** «1) выбирать, отбирать; избирать кого-л., что-л. из чего-л.; 2) перебирать, отбирать кого-л., что-л., сортировать (классифицировать); 3) перен. быть разборчивым в ком-л., гнушаться, пренебрегать кем-л., чем-л., отвергать, отказываться от чего-л.» [ХРС, 2006, с. 584]; **істес-** *взаимн.* от **істе-** «1) помогать следить за кем-л., чем-л.; следовать друг за другом, выслеживать друг друга; 2) преследовать кого-л., что-л.; преследовать друг друга; *ср.* **істирге** (во 2 значении); 3) совместно искать, разыскивать кого-л., что-л.; искать друг друга; 4) вести исследования, изучать что-л.» [ХРС, 2006, с. 147]; **ізен-** «надеяться» и др. Примеры: *Россияда кізі чуртазы сала даа паалалбинча* (Хч, 2000, 130, 1) – В России ничуть не ценится жизнь человека. *Мин кізілерні пастых полчатханы хоостыра паалабинчам* (Хч, 10, 2) – Я не оцениваю людей по его высококой должности. Примеры: *Аалларча чөбрін, агырчатханнарны прайзын санга алгабыс, хайди имненчеткеннерін төрөміл сыныхтачаңмыс* (Хчк, 95) – [Мы] ездили по деревням, всех больных ставили на учет, постоянно проверяли, как они лечатся. *Депутаттар істеніс дисциплиназын тыыдар үчүн күрескеннер, тогыстың качествозын сыныхтааннар* (Хчк, 26) – Депутаты боролись за ужесточение трудовой дисциплины, проверяли качество работы. *Ол ізенген, тогазыг хатабох полар* – Он надеялся, что вновь будет встреча.

Диапазон реализаций одиночных многозначных глаголов шире. У таких глаголов не только широкая сочетаемость, но и высокая частотность употребления. В качестве примеров рассмотрим семантические структуры двух глаголов: **паала-** «оценивать» и **тиңнестір-** «сравнивать» семантика которых выявляется в объектной распространённости:

глагол **паала-** «1) определять цену, стоимость, оценивать что-л.; 2) расценивать, давать оценку кому-л., чему-л.; 3) придавать значение, принимать во внимание [ХРС, 2006, с. 332]. Как видим, объектная ориентация данного глагола распространяется на оценку:

а) предметов и вещей в денежном эквиваленте. *Пуүңгі чуртаста прай ниме ахчанаң паалалча* (Хч, 11, 6) – В наше время все измеряется

деньгами. *Албыгалар амды алтынга паалалча* (Сс, 60) – Соболи нынче на вес золота. *Орай кўсқуде өскірген хастарның идін садарбыс, че сагам нинчее паалап садарын пілбинчебіс* – Мы будем продавать мясо гусей, которых откормили поздней осенью, но пока не знаем, на сколько оценить;

б) характеристик и параметров предметов и явлений с точки зрения эстетики, качества, использования и т. д.; *Көрігіңілер фильмні пөзік паалааннар* (Хч, 72) – Зрители высоко оценили фильм. *Аның чайап салған тоғыстарын хоосчылар пөзік паалапчалар* (Хч, 13) – Художники высоко оценили его творческие работы. *Ирткен фестивальларда кинектернің узы пөзік паалалған* (Х, 9) – В прошедших фестивалях высоко оценили мастерство инвалидов. В подобных предложениях глагол **паала-** сочетается с наречиями, обозначающими высокое качество объекта типа **пөзік** «высоко», **чахсы** «хорошо» или в образовательной сфере: **писке** «на пять», **төртке** «на четыре» и др. Однако значение глагола **паала-** логически не соотносится с наречиями, выражающими низкое качество объекта, нельзя сказать, например, *хомай паалааннар* – плохо оценили. Если встречаются примеры, где данный глагол сочетается с наречиями, выражающими низкое качество, то смысл предложения приобретает отрицание данного действия: *Инчі кізі чуртаста хайдағ тузалығ полчатханын төбін паалирға чарабас* (Ткб, 123) – Нельзя недооценивать пользу женщины в жизни (букв. нельзя низко оценивать);

в) достоинств и качеств характера человека. *Гера, хайди син сизінминчезің, тоғыста сині паалабинчалар* (Сс, 184) – Гера, как ты не догадываешься, на работе тебя не ценят. *Кізіні, тоғызынаң көріп паалапчабыс* (Хчк, 112) – Человека мы оцениваем по его работе. – *Киліскек паза ізестіг оол, – піди паалапчалар Николай Катановты настыхтар* (Тс, 31) – Подходящий и надежный парень, – вот так начальники оценивают Николая Катанова;

д) жизненно важных ориентиров. *Чуртасты пасха саринаң паалирға килісче* (Сс, 18) – Приходится переоценивать жизненные ценности. *Пу чоохтың өдн сағызы мындағ тіп паалапчам: хынысха үгрегерге кирек, хынып пілерге кирек* (По, 46) – Я так оцениваю основную мысль этого рассказа: надо учиться любви, надо уметь любить. *Че поэзының палазына прай поэзын пирініп, орнына пір дее ниме кирексібинчеткен іченің хырипазы чох хынызын оолгы читіре паалап полар ба за?* (Ат, 38, 60) – Но сможет ли сын до конца оценить безграничную любовь матери, посвятившей всю свою жизнь своему ребенку, но ничего не требующей взамен.

Глагол **тиңнестір-** «1) сравнивать, сопоставлять *кого-л., что-л., с кем-л., чем-л.*; 2) равнять, приравнивать; 3) равнять, подравнивать, вы-

равнивать [ХРС, 2006, с. 621]». Как видим, значения данного глагола не выходят за пределы двух понятий:

а) сопоставления объектов для установления сходства и различия. *Ам ну көздімнерні тиңнестіріңер, ну ағырығларның салтарларынаңар позыңар сағыныңар* (Хч, 161) – Теперь сравнивайте эти примеры и думайте сами, чем заканчиваются такие болезни. *Оларны пасха регионнарнаң тиңнестірзе, пірдеезі чазығ тоғынмаан* (Сс) – Если сравнивать их с другими регионами, то все они работали хорошо (*букв.* никто из них плохо не работал).

б) установления преимущества в характеристиках и признаках одного объекта над другим. *Парған сай, аалны көріп, тиңнестірчем амдығызын ырткен чылларнаң* (Х, 67) – Каждый раз, когда езжу в деревню, сравниваю прошлое ее состояние с нынешним. *Сағыс позы ла ну ікі комсомолканы, Зояны паза Зинаны, тиңнестірче* (Тс, 43) – Мысли сами сравнивают этих двух комсомолок, Зою и Зину.

Как видим, важные особенности одиночных ментальных глаголов:

- одно слово – одно значение;
- широкая объектная сочетаемость;
- высокая частотность.

2.4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МЕНТАЛЬНОГО ГЛАГОЛА: К ПРОБЛЕМЕ МНОГОЗНАЧНОСТИ

Глагольная многозначность, как одно из самых распространённых явлений в лексической системе, всегда привлекала внимание исследователей. В тюркских языках данной тематике посвящены исследования Б. И. Татаринцева [1987], Д. М. Гаптелганиевой [1999], О. Ю. Кокошниковой [2004], Е. П. Матвеевой [2007], И. В. Аммосовой [2011], Копыриной Е. П. [2012] и др. Классическое определение понятия многозначности (или полисемии) гласит, что это наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений (гр. *polýsēmos* – многозначный). Многозначность слова возникает в процессе исторического развития языка, когда слово вследствие семантических переносов, наряду с обозначением одного предмета или явления объективной действительности, начинает использоваться для обозначения другого, сходного с ним по некоторым признакам или свойствам. Причины возникновения многозначных слов находим в объяснениях известных учёных. «Многозначность слов возникает вследствие того, что язык представляет систему, ограниченную по сравнению с бесконечным многообразием реальной

действительности. Количество отражённых в нашем сознании моментов действительности и количество понятий оказывается большим, чем количество самостоятельных языковых единиц для их отображения средствами языка. Следует отметить и то, что количество звуковых комбинаций, которые может воспроизвести речевой аппарат человека, также ограничено» [Смирницкий, 1998, с. 156].

В. В. Виноградов пишет: «Ни один язык не был бы в состоянии выражать каждую конкретную идею самостоятельным словом или корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных понятий, используя иные конкретные или полуконкретные идеи в качестве посредствующих функциональных связей» [Виноградов, 1947, с. 15].

Анализ семантической структуры многозначного ментального глагола ведёт также к выявлению внутренних семантических отношений, проявляющихся в связях и соподчинениях смысловых элементов и признаков. Так же имеет место необходимость обращения к реализации многозначного глагола в контексте, конкретизирующем одно из его значений.

Специфика исторически сложившейся хакасской языковой картины мира проявляется в обозначении ментальности в основном многозначными языковыми средствами. Малочисленность этих глаголов компенсируется многозначностью их семантики, следовательно, явление глагольной многозначности охватывает почти всю структуру ЛСГ ментальных глаголов в хакасском языке. Многозначность в семантике ментальных глаголов отмечается исследователями и в русском языке. В результате исследования глаголов интеллектуальной деятельности в текстах И. С. Тургенева, Л. И. Кондратенко пришла к выводу, что до 90 % глаголов обладают многозначностью, то есть один и тот же глагол в различных контекстах даёт совершенно разные значения [Кондратенко, 2005].

«Русские ментальные глаголы представляют собой относительно замкнутую группу, где один глагол может номинировать несколько ситуаций (например, в номинативный потенциал глагола думать включается ситуации неконтролируемого ассоциативного мышления, сознательного процесса мышления по конкретному поводу, отдельные мыслительные операции – анализ, синтез, классификация, абстрагирование). Увеличению количества номинаций способствуют следующие способы пополнения лексики для обозначения фрагментов ментального пространства: заимствования (зомбировать, медитировать, гипнотизировать), слова вторичной номинации (долбить, сечь, шарить, грузиться, виснуть),

терминология (анализировать, синтезировать, абстрагировать, сравнивать), окказионализмы (петрить)» [Кадоло, 2004, с. 8].

Семантическая структура слова понимается как совокупность ЛСВ многозначного слова, что в действительности представляет собой многослойную сложную структуру, включающую ядерные и периферийные пропозиции. Все ЛСВ одного многозначного слова характеризуются единством общего значения, или другими словами, один и тот же признак имплицитно обнаруживается в разных значениях одного слова. Как известно, каждое из значений многозначного ментального глагола реализуется своим контекстом, однозначно выделяющим его из общего числа возможных значений, т. е. в контексте реализуется только одно из его значений, а остальные значения отбрасываются на задний план.

Семантическая структура большинства хакасских ментальных глаголов содержит два или более связанных друг с другом ЛСВ. Многозначными являются в основном базовые глаголы, составляющие ядро ЛСГ, например, глаголы **пӱл-** «знать», **сағын-** «думать», **сана-** «считать», **сизӱн-** «замечать», **оңна-** «понимать» и др. Функционирование различных ЛСВ этих и других глаголов в определённых контекстах покрывают все необходимые аспекты ментальной деятельности в хакасском языке.

Глаголы **пӱл-** «знать» и **сағын-** «думать» являются идентификаторами – ядерными единицами – ЛСГ ментальных глаголов, которые представляют две категории ментальных глаголов с общими признаками статики и динамики интеллектуального процесса.

Семантическая структура глагола **сағын-** содержит четыре первичных и четыре вторичных ЛСВ. Первичные ЛСВ: 1) «думать, т. е. проявлять способность к умозаключениям на основе отражения окружающей действительности в абстракциях»; 2) «считать; иметь своё мнение, точку зрения, как результат своих собственных размышлений»; 3) «вспоминать кого-что-л.»; 4) «мечтать, предаваться воображениям, размышлениям».

Вторичные ЛСВ глагола **сағын-** «думать», появившиеся в результате развития первичного, отражают определённые аспекты внутреннего состояния и переживания человека: 1) «намереваться, иметь намерение, собираться делать что-л.»; 2) «заботиться, проявлять заботу о ком-чем-л., беспокоиться»; 3) «хотеть, проявлять желание делать что-л.»; 4) «скучать, тосковать о ком/чём-л.» Данные ЛСВ выводят глагол **сағын-** за пределы мыслительной деятельности. Здесь наблюдаются семантические сдвиги за счёт частичного стирания семы «мыслительная деятельность» и приобретения других сем. Считаем, что вторичные ЛСВ, хоть и не обозначают мыслительный процесс, но имеют к нему косвенное отношение: они объединены общим дифференциальным признаком «практическая реализация (в действиях, желаниях и т. д.) мыслей, суждений, умозаключе-

ний». Данный глагол получил более подробное семантическое освещение в статье «Семантическая структура глагола **сағын-** «думать» в хакасском языке» [Чертыхова, 2014, с. 161–165].

В семантической структуре глагола **пiл-** мы выделяем пять ЛСВ: 1) знать что-либо, обладать знаниями; 2) уметь что-либо делать; 3) знать кого-л., быть знакомым с кем-либо; 3) помнить / не помнить произошедшее событие / ситуацию; 5) понимать что-либо. Внутри данных ЛСВ значение глагола также может дифференцироваться в объектном отношении. Все указанные ЛСВ глагола **пiл-** объединяет общий семантический признак «иметь какие-либо ментальные знания и сведения», первые четыре ЛСВ мы относим к семантической категории познания, а ЛСВ5 репрезентирует осмысление понимания. То или иное значение глагола **пiл-** конкретизируется в контекстном употреблении. Также способствует выражению необходимых аспектов ментальной сферы разнообразие залоговых и сложных образований глагола, что мы можем проследить на примере рассматриваемого глагола. Семантическая структура глагола **пiл-** и его синтетических и аналитических производных подробно описана в статье «Семантическая структура глагола **пiл-** «знать» и его производных в хакасском языке» [Чертыхова, 2013, с. 178–184].

В синтаксическом плане каждый ЛСВ многозначного глагола формирует определённые структурные модели. Глагола **пiл-** реализует ЛСВ «знать что-либо, обладать знаниями» при сочетании с именем или придаточным предложением с доминирующим сказуемым в вин. п. Ментальный процесс и объект мысли взаимосвязаны, они не могут существовать друг без друга, или, другими словами, способность субъекта к ментальным действиям всегда предполагает наличие косвенного объекта мысли. *Олар полган на семьяның чуртазын маңат пiлчелер* (Хч, 5) – Они хорошо знают жизнь каждой семьи. *Дуб ағастар ла иңдег пiлбинчелер, иңилери сала даа ээлбинче* (НД, 37) – Только деревья дубы не знают падения, их плечи ни чуть не сгибаются.

ЛСВ «знать что-либо, обладать знаниями» глагола **пiл-** также может раскрывать объектную позицию делиберативом («о ком / о чём»), называющим тему мыслительной деятельности. *Василий пiстиң чонның чааның хатыг чолын ирткеннеңер пiлче* – Василий знает о том, что наш народ прошел жестокую дорогу войны.

ЛСВ «уметь что-либо делать» глагола **пiл-** реализуется при сочетании с инфинитивным объектом. *Чахсы даа пазарга пiлбинче* – Даже хорошо писать не умеет. *Мин кiзилернең чоохтазарга пiлчем* – Я умею разговаривать с людьми. При сочетании с инфинитивом в семантике глагола **пiл-** усиливается свойственный базовым ментальным глаголам оттенок модальности, указывающей на умение что-либо делать. Объектный ин-

финитив в таких предложениях может сокращаться до глагольной основы: *ит пілбинче* «не умеет делать», *пас пілбинче* «не умеет писать», *чоохтас пілчем* «умею разговаривать» и т. д. Такие варианты сокращения инфинитива обычно действуют в разговорном стиле, но могут просачиваться и в литературный язык. В данном случае мы наблюдаем действие закона экономии речевых средств во избежание физиологических усилий.

В ЛСВ «уметь что-либо делать» глагол **піл-** может также управлять позицией содержания, выраженной деепричастием или деепричастным оборотом. *Амгы туста чииттер ахча тогынын пілчелер* – В настоящее время молодёжь умеет зарабатывать деньги. Считаем, что глагол **піл-** в ЛСВ «уметь делать что-либо» относится к ментальным глаголам, поскольку значение умения включает компонент «наличие у субъекта каких-либо знаний и навыков и использование их в практической деятельности». В русском языке действуют разные глаголы, выражающие понятия умения и знания, можно их противопоставить, например, *Чтоб уметь что-либо делать, надо знать, как это делать*. В хакасском языке отсутствует специальный глагол, называющий понятие умения, с этой задачей успешно справляется глагол **піл-** в ЛСВ «уметь что-либо делать».

При реализации ЛСВ «знать кого-л., быть знакомым с кем-л.» глагол **піл-** требует присутствия обычно одушевлённого социативного объекта в форме вин. п. *Синиң туганың сині пілерге дее хынминча одыр* (По, 60) – Твой родственник тебя даже знать не хочет, оказывается.

Глагол **піл-**, актуализируя ЛСВ «понимать что-либо» и «помнить / не помнить произошедшее событие / ситуацию», требует обычно присутствия объекта в виде имени или придаточного предложения в вин. п. *Аның тахпахтарының өөн көөн мин сагам пілбинчем* (Кч, 54) – Основной мотив его тахпахов я сейчас не помню. *Пістің ооллар нима үчүн чааласчатханнарын пілбинчелер* (Хч, 4) – Наши солдаты не понимают из-за чего воюют.

Как видим, для каждого ЛСВ характерны определённые виды раскрытия объектности. Ни одно из значений данного глагола не выходит за пределы общей семы владения одушевлённым субъектом информации и сведений. Могут быть, конечно, исключения, когда в каких-либо образных контекстах неодушевлённые предметы одухотворяются, например, *Төрөөн ибим миниң олган тузымны ундубинча* – [Мой] родной дом помнит моё детство; *Таглар ла миниң чобаамны піл полчалар* – Только горы принимают мою печаль и т. д.

В зависимости от грамматического и синтаксического оформления многозначный глагол приобретает и другие значения. Возьмём к примеру тот же глагол **піл-**, при присоединении к нему показателя возвратного залога **-ін-**, он даёт значение «осознавать». *Пайлар пілінгеннер: чылнаң*

чылга үлгүлери холларынаң суура тартылча (У, 26) – Баи осознавали: из года в год власть вырывается из [их] рук.

Сложный глагол **пiлiп ал-** имеет значение «понимать что-л.», а глагол **пiл пол-** чаще употребляется в отрицательной форме и дает значение «не понимать». *Позымның садыг сынаныстарынаң мин пiр нима пiлiп алгам* (Чт, 6) – Из своего опыта работы в торговле я понял одно. – *Сууга сомгам... Нога, чарабас па? – пiр дее нима пiл полбинча оол* (Хч, 158) – [Я] купался... А что, нельзя что ли? – ничего не понимает парень.

Как видим, глагол **пiл-**, функционируя в различных ЛСВ, не выходит за пределы выражения ментального пространства. Все его ЛСВ являются первичными, поскольку все они «частные» выражения общей семы владения субъектом информации и сведений.

Одним из наиболее частотных многозначных глаголов является та же глагол **сизiн-** «замечать». Как наиболее частотный глагол, при семантической классификации ЛСГ хакасских ментальных глаголов он возглавляет микрогруппу глаголов со значением внимания.

В Хакасско-русском словаре глагол **сизiн-** представлен как: «1) чувствовать, предчувствовать, чуютъ; *нандырыг тударын сизiнерге* чувствовать ответственность; 2) догадываться, понимать; *кiзi хылыгын сизiнерге* понимать чей-л. характер; замечать что-л. *аң оңдайын сизiнерге* замечать повадки зверей; 3) остерегаться кого-л., чего-л.; быть осторожным, предусмотрительным; *чабал кiзiдең сизiнерге* остерегаться дурного человека; *агырыг сизiнерге* остерегаться болезни» [ХРС, 2006, с. 463-464]. Как видим, в словарной статье чётко различаются три ЛСВ данного многозначного глагола. Мы же на основании анализа его контекстных употреблений выделяем 9 ЛСВ в его значении:

ЛСВ1 «заметить, замечать». *Андаг маң чох тус аразында чайгының чылыг кiннерi пасталыбысханын сизiнмин дее халгабыс* (Хч, 1997, 158, 7) – В такой суматохе мы и не заметили, как наступили тёплые летние дни. Данный ЛСВ обеспечивает глаголу **сизiн-** ведущее положение среди глаголов внимания. И как самый распространённый глагол, выражающий общее инвариантное значение «сосредоточить своё внимание на определённом объекте при отвлечении от других», он является доминантой микрогруппы глаголов со значением внимания. С ним связаны и остальные члены микрогруппы, дополняя семантику внимания теми или иными дифференциальными семами;

ЛСВ2 «предчувствовать, предугадывать (интуитивно)». *Хараа тооза узубааннар Станишевскийлер. Хоньхтарына хара кiн читкенiн чiреккең сизiнчеткеннер* (Тс, 8) – Всю ночь не спали Станишевские. Они сердцем предчувствовали, как в их жизнь пришел чёрный день;

ЛСВ3 «чувять (органами чувств), ошущать, распознавать чутьём (о животных)». *Адайлар тайгазар аңнап парчатханнарын чахсы сизінчелер* (Хч, 1997, 90, 2) – Собаки хорошо чувуют, что они идут в тайгу на охоту;

ЛСВ4 «понимать». *Анзын піс, пу чирдегілер, сизінмеспіс – пілерге чайалбаабыс* (Хч, 1998, 104, 4) – Этого мы, земные люди, и не поймём – нам не дано знать;

ЛСВ5 «спохватиться». *Паза ла сизінзебіс, палабыс өс партыр* (Х, 30) – Когда мы спохватились, оказывается, [наш] сын уже вырос;

ЛСВ6 «чувствовать (внутренне осознавать)». *Істіңде чазырған хайдаг-да сағыстарыңнаң оларнаң үлесчетсең, сизінчезің, сагаа мында хынчалар* (Чт, 1997, 157, 4) – Если с ними делишься какими-то своими секретами, то чувствуешь, тебя здесь любят.

ЛСВ7 «догадываться». *Кізіні тастынаң көріп, читпес хылығын сизін полбассар* (Тх, 22) – Судя по внешности человека, не догадаетесь о его черной душе. *Аргаас хылиин кем анда сизінтір* (Чт, 96) – Кто же мог тогда догадаться, что он такой лентяй.

ЛСВ8 «предостерегать». Глагол приобретает данный ЛСВ при помощи понудительного залога **-дір-**. *Айана, көр, сизіктіг пол, – пірсі сизіндірче хысты* (Хч, 1997, 9, 6) – Айана, смотри, будь внимательна, – предостерегает девушку один из них.

ЛСВ9 «предупреждать». В данном ЛСВ глагол **сизін-** переходит в ЛСГ глаголов говорения. *Мин сині сизіндіргем, ол угаа сүмеліг, хыйга паза туртұхпас кізі* (По, 257) – Я тебя предупредил, он очень хитрый, умный и бесстрашный человек. *Ягор идеенең чайхал турған Олчазар хази көрібіскен, хыйа нар тіп сизіндіріп* (Кх, 20) – Ягор пронзительно посмотрел на Олчу, которая стояла здесь, покачиваясь своим подолом, предупреждая, мол, уходи.

В семантической структуре глагола **сизін-** наблюдается цепочечная связь его значений в связи с расширением объёма понятия, т. е. производные значения мотивируются основным значением. На основе ЛСВ1 «замечать» развиваются значения, актуализирующие внимание на внутренне-физиологическом уровне: ЛСВ2 «предчувствовать», ЛСВ3 «чувять», ЛСВ6 «чувствовать». Далее формируется значение, за счёт которого глагол **сизін-** переходит в разряд глаголов говорения: ЛСВ8 «предостерегать», ЛСВ9 «предупреждать». Сему говорения ему обеспечивает аффикс понудительного залога **-дір-**: **сизіндір-** «букв. заставить быть внимательным». При реализации в контексте последних двух ЛСВ субъект, реально оценивающий какую-либо ситуацию и понимающий ее опасность, побуждает третье лицо, чаще посредством речи, быть осторожным и внимательным.

Наиболее распространенным средством обозначения объекта в конструкции данного глагола является имя или придаточное предложение с доминирующим сказуемым в форме вин. п. При глаголе **сизин-** объект может быть представлен именем в вин. п., который обозначает предмет, лицо, явление. *Ол арада кемнің-де чітіг көрізін сизін салған* (Хч, 8) – В тот момент он заметил чей-то пронзительный взгляд. *Күүлесті, тізең, амды сизінминдеечем* (Хчк, 68) – Я и не замечаю теперь этот шум. *Нанчызының сөстерін сизіне тартып, пазын на икiп салған* (Кх, 50) – Понимая слова друга, он только кивнул головой.

Придаточное предложение с доминирующим сказуемым в форме вин. п. дает более пространное представление об объекте ментального действия: *Апсах чадыбысхан, ағырып, өлім хырында турчатханын сизінген* (По, 55) – Больной старик слег, он предчувствовал, что смерть стоит рядом. *Иди харындастар сизінмин дее халганнар хараа иртіп парганын* (Ах, 77) – Так братья и не заметили, как прошла ночь. *Амгы туста климат паза тигір хылынызы алысчатханын прайзы сизінче полар* (Хч, 15) – В настоящее время наверно все чувствуют, как меняется климат и погода.

Итак, на примере двух ментальных глаголов **пiл-** «знать» и **сизин-** «замечать» мы рассмотрели актуализацию значений многозначного глагола в ментальном пространстве хакасского языка. Явление многозначности характерно наиболее частотным и базовым глаголам, которые в зависимости от количества и характера дифференциальных признаков одновременно могут состоять в двух или нескольких семантических подгруппах ЛСГ. Однако эти значения редко выходят за пределы ментальной сферы. Поскольку семантика глагола неразрывно связана с его сочетаемостью, исследование системы многозначного глагола опирается на его реализацию в контексте. ЛСВ одного глагола, являясь равноправными проявлениями его значений, в конструкции формируют свои типовые актантные окружения.

Явление регулярной многозначности. Е. П. Падучева вслед за Д. Н. Шмелевым представляет регулярную многозначность как следствие семантической деривации [Падучева, 1996, с. 148]. Сходство слов, принадлежащих к одной (или разным) ЛСГ, проявляется также на уровне их вторичных связей, в сфере вариантных отношений между глаголами, связанными однотипными ассоциативными признаками. Прежде всего, это сходство выражено в явлении регулярной многозначности, которая представлена тем, что у слов, семантически сходных по основным значениям, развиваются одинаковые вторичные значения. Регулярная многозначность считается одним из проявлений лексической системы языка. Вопрос о регулярной многозначности встает в тех исследованиях, где

описываются переносные значения слов. Н. И. Бахмутова, занимаясь исследованием метафорических значений русских глаголов, вышла на проблему регулярной многозначности и плодотворно ее разработала [Бахмутова, 1972, 1977, 1984].

Как пример проявления регулярной многозначности проведём компонентный анализ семантической структуры глагола **хыгыр-** «читать». Данный глагол мы включаем в подгруппу глаголов со значением восприятия окружающего мира через материальный объект, поскольку связь восприятия, особенно зрительного, с ментальными состояниями может отражаться в развитии познавательных смыслов в содержании лексических единиц, не связанных с перцепцией. Концептуальная модель глагола **хыгыр-** «читать» представляет собой совокупность его логических связей и семантических признаков.

В ХРС глагол **хыгыр-** «читать» представлен как однозначный глагол: «... читать; *книга хыгырарга* читать книгу; *пичик хыгырарга* читать письмо; *истилдире хыгырарга* читать вслух; *пос алынча хыгырарга* читать про себя; *лекция хыгырарга* читать лекцию; *таппада танып, тадырада хыгыр тур* фолькл. грамотно разбирается (в написанном) и выразительно читает [богатырь написанное на камне]» [ХРС, 2006, с. 873–874]. Также данный глагол в ХРС указан как омоним глагола **хыгыр- I** «1) звать, приглашать; *полызыга хыгырарга* звать на помощь; *хыгыр парарга (саларга)* пригласить; *хыгыр килерге* пойти и пригласить; *алчаа хыгырарга* звать (приглашать) в гости; 2) вызывать; приглашать; *тогысха хыгырарга* приглашать на работу; *марыга хыгырарга* вызывать на соревнование; 3) призывать; *амыр хоных үчүн күрезиге хыгырарга* призывать к борьбе за мир» [ХРС, 2006, с. 873]. Приведём примеры с **хыгыр- I**, подтверждающие реализацию семантических признаков приглашения, осуществляющиеся различными способами: с помощью речи, жестов, взглядов, действиями: *Тимур мини ааллап ибінзер хыгырган* (Ит, 154) – Тимур меня пригласил в гости к себе домой. – *Че, одырыңар столзар, – хыгырган үлче* (Т, 12) – Ну, давайте садитесь за стол, – пригласила бабушка. *Имчи хыгырардаң, суг даа сус тирбееннер олар агырыбысхан кизее* (Хчк, 20) – Не то, чтоб вызвать врача, они даже воды не подали больному человеку. *Пуүн сүрибискен, таңда хыгырып алар* (Сс, 167) – Сегодня прогнал, а завтра позовет обратно. Глагол **хыгыр-**, как глагол говорения со значением побуждения и волеизъявления, описан с семантико-функциональной точки зрения М. Д. Чертыковой [Чертыкова, 2005, с. 74–76]. Собранный фактический материал позволяет нам выделить ЛСВ в семантике глагола **хыгыр-**:

ЛСВ1 «иметь способность читать; уметь читать». *Иван Федорович үгренип пастаан, аар даа полза, хыгырарга, назарга көнігип алган* (Хчк,

33) – Иван Федорович начал учиться, хоть ему и было трудно, он стал писать и читать. *Хатыг пас парган чоон салааларынаң буквалап поэзы хыгырча* (Чч, 19) – Он читает сам, вода по буквам свои мозолистые, большие пальцы.

Реализация данного ЛСВ также требует сочетания глагола **хыгыр-** «читать» с вспомогательным глаголом **пол-** «быть», дающего значение «мочь»: *Кирі ічезі хыгыр полбинча, букваларны ла таныпча* (Ат, 82) – [Его] старая мама не умеет читать, только буквы знает.

ЛСВ2 «быть грамотным». *Ам за прай чон пічкічкі полыбысхан, радио исче, книгалар, газеталар хыгырча* (Хп, 4) – Теперь все стали грамотны, радио слушают, книги, газеты читают. Данный ЛСВ глагола **хыгыр-** актуализируется в художественных текстах раннего периода, когда в социальной среде уровень образования оценивался возможностью человека читать.

ЛСВ3 «проводить время за чтением». *Хайди даа майыхса, Ян иир сай книгалар хыгырча: армияда оларның тадиин хапхан* (Тс, 13) – Как бы ни уставал, Ян каждый вечер читает книги: в армии познал их пользу. *Маңныг тузы пар полза, агаа хыныг нымахтар хыгырыбох пиредір* (Ат, 82) – Когда [у него] появляется свободное время, [он] ему читает интересные сказки. *Иирде пабазы тогыстаң килген. Ол, чуунып алып, газета хыгарарга одырыбысхан* (Хч, 13) – Вечером [его отец] пришел с работы, умывшись, сел читать газету. *Оларның хайзылары книга, газета хыгырчалар, радио тыңнапчалар, паза пасхалары шахмат, тобит ой-напчалар, стенгазета хыринда турып, нима-де үзүрчелер* (Хч, 184) – Некоторые из них читают книги, газеты, слушают радио, а другие играют в шахматы, тобит, и обсуждают что-то возле стенгазеты.

Действие, выражаемое глаголом **хыгыр-** «читать», может подразумевать также бездействие субъекта, наличие свободного времени: *Книга хыгырып одырарга маң ма кізее* (Сс, 196) – Разве есть время сидеть и читать книги.

ЛСВ4 «читать что-л.». В данном наиболее распространённом ЛСВ глагол **хыгыр-** «читать» выступает в сочетании с предметами, входящими в парадигму читаемых объектов, для которых существенны признаки «написанный» и «имеющий смысл». Это могут быть не только бумажные предметы (книги, журналы, письма, архивные материалы и т. д.), но и рекламные щиты, надписи на скалах, вывески и др., также написанные не только пером. *«Лиски» хыгырчалар ооллар станцияның адын* (Тс, 50) – Парни читают название станции: «Лиски». *Пу іліл парган чарлагны хыгырыңар* (Хч, 6) – Читайте объявление, которое повесили здесь. *Сала ла маң ползох, хыстың пічктерін удаа-удаа хыгыр салча* (Ит, 157) – Как только появляется время, [он] читает и перечитывает письма девушки.

Сочетание рассматриваемого глагола с подобными номинациями определяется особенностями их смыслового содержания.

Часто рассматриваемый глагол актуализирует обстоятельства образа действия, которые могут выражаться наречиями, деепричастными или сравнительными оборотами и т. д.: *Аймир, конвертті тали тартып, пічин сала маңзыри хыгырган* (Тс, 15) – Аймир, быстро открыв конверт, стал второпях читать. *Мин пір кніганы чыл ибіре хыгырарбын* (Тко, 79) – Одну книгу я целый год буду читать. *Мында ол К. Маркстың паза Ф. Энгельстің «Коммунисттер партиязының манифезін» пастагызын хыгырган* (Нгу, 39) – Здесь он впервые прочитал «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

В ниже приводимых примерах глагол **хыгыр-** «читать» может иметь переносное значение «выступать публично с речью, с докладом, лекциями и т. д.», хотя и воспринимается окружающими как «читать»: субъект не обязательно может читать лекции, доклад или стихи, он может рассказывать устно то, что у него написано на бумаге. Примеры: *Лекциялар хыгырчалар, бригадаларды чылыгылар иртірчелер* (Хчк, 25) – **Читают лекции**, в бригадах проводят различные собрания. *Ол докладты үзгетчі М. Е. Тинникова хыгырган* (Хчк, 109) – Этот доклад **читала** учительница М. Е. Тинникова. *Ол позы пасхан стихтарны хыгырча* (Т, 55) – Он **читает** свои **стихи**. Назначение такого процесса не восприятие самими субъектом написанного, а наоборот, его задача – донести содержимое написанного до слушателей. По сравнению с начальным выражением глагола ассоциации восприятия, здесь идёт противоположное направление процесса: от субъекта к слушателям.

Выражения типа *лекциялар хыгыр-* «читать лекцию», *доклад хыгыр-* «доклад читать», *кибеліс хыгыр-* «читать стихотворение» относятся к полностью или частично грамматикализованной перифрастике, «в которой обычно фигурирует глагол, удовлетворяющий грамматическому (часто, фазовому) значению сочетания, и имя, несущее основной лексический «заряд» [Арутюнова, 1976, с. 84]. Такие свободно спаянные словосочетания или штамповые выражения пока еще не относятся к категории фразеологизмов, но они отвечают, по мнению Н. Д. Арутюновой «скорее установившемуся узусу, чем норме» [Арутюнова, 1976, с. 84]. Подобные фразы, хотя и свободно разлагаются (*лекциялар хынып хыгыр-* «любить читать лекции (букв. читать лекции, любя)», *докладты залда хыгыр-* «читать доклад **в зале**», *кибелістерні үр хыгыр-* «долго читать стихи» и т. д.) не допускают варьирования компонентов, особенно глагольного. Интересно, почему нельзя сказать, например: *лекция чоохта-* «рассказывать лекции», *кибеліс искір-* «сообщать стихи» и т. д. Трудно сказать, являются ли рассматриваемые словосочетания – клише, кальки-

рованными с русского языка, хотя вполне допускается такая вероятность. Но образованию таких выражений может способствовать, прежде всего, их референтная структура, поэтому принцип выбора компонентов является предопределенным, произвольным.

В целом глагол **хыгыр-** «читать» в сочетании с объектными конкретизаторами выполняет социальную и культурную функции. В традиционном коллективном сознании чтение книг рассматривается:

а) как любимое занятие. *Кічигде ол граница хадагчыларынаңар книгалар хыгырарга хынчаң* (Т, 27) – В детстве он любил читать книги о пограничниках;

б) как способ повышения уровня образования. *Ўғредииңни тастаба, мин артысхан книгаларны хыгыр* (Сс, 20) – Учебу не бросай, читай книги, которых я тебе оставил;

в) как источник эмоционального и ментального состояния субъекта. *Пістің семья ызыга ызылчатханын хыгырып алып, ічем саңай ўрўк чўрїбіскен* (Хч, 2) – Прочитав о том, что нашу семью высылают, [моя] мама сильно испугалась. *Хоп пічїкті хыгырганнары угаа таңнаста* (Ат, 140) – Странно то, что прочитали жалобу.

Таким образом, на основе анализа фактического материала с глаголом **хыгыр-** «читать», в его семантической структуре мы выделили 4 ЛСВ, основным из них является «читать». Кроме того, данный глагол имеет переносное значение «выступать публично с речью (с докладом, лекциями и т. д.)». С точки зрения осмысления статуса данного глагола как принадлежности идеографической системы мы относим его к категории глаголов восприятия окружающего мира через материальный объект, хотя принято считать, что восприятие мира происходит при помощи сенсорных систем (и, соответственно, пяти органов чувств): зрения, слуха, обоняния, осязания, вкусовых ощущений. Однако при более широком понимании данного термина можно предположить, что это процесс освоения окружающего мира, который «... начинается с восприятия и представления «неочевидного» через физический, воспринимаемый мир; через метафоризацию происходит как бы опредмечивание абстрактного» [Стеванович, 2011, с. 306].

Д. Н. Шмелев считает, что регулярной является такая многозначность, при которой вторичное значение (или вторичные значения) слова, входящего в определённый лексико-семантический ряд, предопределено общей семантической характеристикой всего данного ряда, т. е. первичными значениями соответствующих лексических единиц» [Шмелев, 1973, с. 38]. По мнению лингвистов, регулярной может быть многозначность только у слов одной части речи, принадлежащей к одной ЛСГ, что предполагает наличие общей категориально-лексической семы в их се-

мантике. Так, явление регулярной многозначности исследовано у глаголов звучания [Васильев, 1981], глаголов приобщения объекта [Кузнецова, 1974], глаголов биологического существования [Чудинов, 1984], глаголов изготовления [Новоселова, 1972], глаголов звука [Падучева, 2004], глаголов речевого действия [Падучева, 2004]. На наш взгляд, наиболее популярно явление регулярной многозначности в системе ЛСГ ментальных глаголов глаголов. Например, в микрогруппе глаголов со значением выхода из состояния потери памяти состоят глаголы на основании своих вторичных значений: **пiлiн-** возвр. от **пiл-** «1) осознавать какую-либо ситуацию, делать выводы для себя; 2) осознавать, ощущать себя кем-л.; 3) опомниться»; **сагыс алын-** «1) восстанавливать в памяти; 2) прийти в себя, опомниться; 3) собраться с мыслями; 4) одуматься; букв. брать [на себя] мысли»; **хабын-** «возвр. от **хап-** 1) хвататься, цепляться за что-л.; 2) перен. спохватиться, внезапно вспомнить забытое; 3) догадываться, быстро сообразить, смекнуть; 4) опомниться, внезапно заметить, понять ошибку, упущение». Все три глагола сходятся в общей семе «опомниться после забытья». В предложениях они могут быть взаимозаменяемы: *Мин пу хайада иледе одыр салганымны азам узубыханынаң на пiлiнчем [сагыс алынчам, хабынчам]* (Ат, 165) – Я **опомнился**, что долго просидел на этой скале только потому, что мои ноги онемели. *Ол поэин поэи махтаан. Амды ол, сагыс хабынып [сагыс алынып, пiлiнiп], иң кўстiгнi тiлеп парча* – Он сам себя хвалил. А теперь, **одумавшись**, ищет самого сильного. Основным синтагматическим условием нейтрализации и семантических оппозиций глаголов, является наличие в их контексте позиций, со держательно сходных с теми дифференциальными признаками, по которым различаются основные значения.

2.6. БАЗОВЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ МЫСЛИ В СИБИРСКИХ ТЮРКСКИХ, КИРГИЗСКОМ И МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

В результате длительных контактов тюркских и монгольских народов на территории Саяно-Алтая в их языках накопилось определённое количество общих лексических элементов. Проблема генетического статуса данного тюрко-монгольского лексического фонда, реконструкции и восстановления языка – основы (праязыка), выявлению и этимологическому описанию их грамматических особенностей посвящено огромное количество научных трудов [Убрятова, 1960; Дыбо, 2007; Щербак, 2005; Рассадин, Трофимова, 2012 и др.]. Процессы семантической эволюции в лексической системе языка исходят от мировоззренческого, духовно-

культурного опыта народа и обусловлены когнитивной и дискурсивной деятельностью нации. В целом они отражают коллективное сознание и мировидение народа.

Среди основных присущих человеку характеристик признаются его ментальные способности. Для определения значения слова *мысль* обратимся к толковым словарям русского языка. Наиболее полное толкование дано в Большом толковом словаре русского языка (далее БТСРЯ): **мысль** – и., ж. 1. Результат процесса мышления (в форме суждения или понятия). *Глубокая, интересная м. Поделиться с кем-л. мыслями. М. кого-л. была всем понятна.* // (о чём или с опр.). Предположение, соображение. *Странная м. пришла в голову. Мысли о причинах события* // (о чём и с инф.). Намерение, замысел. *Отказаться от мысли учить кого-л. Не допускать мысли о примирении.* 2. О мыслительном процессе, мышлении. Книжн. Проследить ход мысли. Нарушить течение мысли. Сделать что-л. усилием мысли. // Размышление, рассуждение. *Погружаться в свои мысли.* В своих мыслях допускать что-л. 3. Знание, познание в какой-л. области. *Научная, техническая мысль. Развивать конструкторскую м.* 4. То, что заполняет сознание, дума. *Тревожит одна м. Мысли кого-л. сейчас были далеко. Тяжелые м. одолевали кого-л. Не допускать м. о чем-л. (считать что-л. невозможным).* 5. мн.: мысли, – ей. Убеждения, взгляды, воззрения. *Единые мысли объединяли коллектив. Непостоянство в мыслях. У кого-л. такой образ мыслей (система взглядов, представлений, воззрений) {...}* [БТСРЯ, 2000, с. 566]. Сопоставления словарных дефиниций слова *мысль* [БТСРЯ, 2000, с. 566; ТСРЯ, 2006, с. 372 и др.] даёт возможность выделить два основных понятийных признака в его семантической структуре: мысль как результат мыслительного процесса и мысль как сам процесс мышления. В русском языке лингвисты часто рассматривают лексику *мысль* в синонимической связи с лексемами *дума, идея, мечта*, выявляя их смысловые различительные и общие признаки [Новый объяснительный..., 2000, с. 551–555; Кусова, 2012 и др.]

Описание специфики и динамических сдвигов в семантике базовых наименований мысли в сибирских тюркских, киргизском и монгольском языках ведётся на материале современных двуязычных словарей. Ментальные номинации в тюркских языках и в монгольском языке имеют сложную семантическую структуру, содержащую понятийные и образные компоненты, реализация которых отражает модели описания фрагментов мыслительной и эмоциональной деятельности человека. В корпус базовых слов, выражающих абстрагированные компоненты человеческого мышления, сознания, интеллекта, мы включили слова, в основном существительные: *сагыс / сагыныч / сагыш / сагыш; ой; бодал / бодол; са-*

наа в силу их частотности и разнообразия ментальных представлений в рассматриваемых языках.

Сагыс / сагыныч / сагыш / сагыш

Данное существительное зафиксировано в древнетюркском словаре: **Sağınç** 1. мысль, дума, размышление; помыслы; 2. намерение; 3. забота, печаль [ДТС, 1969, с. 486]. Лексема со схожей формальной структурой функционирует в киргизском языке: *сагыныч*, однако её значение несколько сузилось: «тоска по кому-чему-л.; *сагыныч жаз*- развеять, разогнать тоску» [КРС, 2015, с. 694]. По данным Тувинско-русского словаря 1968 года, значение «тоска, грусть» превалирует и в значении тувинской лексемы *сагыш* «суц. тоска грусть, кручина» [ТувРС, 1968, с. 252], хотя ТСТЯ [2011] ее семантику представляет шире.

В хакасском языке лексема *сагыс* «мысль, дума» включает такие признаки ментальной сферы человеческой деятельности: 1) ум, рассудок; 2) память; 3) мысль, дума; идея; 4) мысль, намерение, замысел; 5) забота, беспокойство; 6) тоска [ХРС, 2006, с. 428]. В силу своей многозначности данная лексема активно используется в языке: *Хыстар арали чөрреге хыйга сагыстыг ир кирек* (II, 21) – Чтобы общаться с девушками [букв. ходить среди девушек], мужчине нужно быть умным [букв. нужен мужчина с умными мыслями]. *Мин кичее изірік артых-пузук чоохтан салтырбын, изірік кізі сагыста даа чох нимені чоохтан саладыр* (II, 25) – Я вчера был пьяным и, оказывается, наговорил много лишнего, пьяный человек может наговорить того, чего и в мыслях нет. Схожую семантическую структуру имеет тофаларская лексема *сагыш-* [*сагычы*] «1) ум; 2) память; 3) мысль; 4) намерение; 5) мечта...» [СТРИРТ, 2005, с. 83].

Фонетические варианты лексемы *сагыс* функционируют и в других сибирских языках, хотя с незначительными отклонениями в значении, например, в тувинском языке «*сагыш* 1. {...} память, сохранение в сознании происходящего {...}; настроение, душевное состояние {...}; 3. Желание, мечта {...}; 4. Нечто кажущееся, воображаемое, грёза {...}; 5. Намерение, умысел {...} [ТСТЯ, 2011, с. 606-607]. В алтайском языке *сагыш* «1. ум, мысль, дума; *сагышка алын-* понимать, разуметь, догадываться; *сагыжы дьетпес* глупый; *сагыжы дьок* безумный, бестолковый; 2. Расположение к чему-л.; *эдерге сагыш дьок* нет расположение к этой работе» [ОРС, 1947, с. 123]. Предполагаем, в данной словарной статье значение «расположение к чему-л.» подразумевает, скорее всего, намерение что-л. делать, которое обеспечивается сочетанием с инфинитивом, например, в хакасском языке: *Минің үгрeнeр[гe] сагыс төрeен* – у меня зародилась мысль учиться. *Синің институтта тогынар[га] сагыс пар ба?* – У тебя есть намерение работать в институте? В подобных случаях в

хакасском языке по принципу языковой экономии происходит частичное выпадение инфинитивных аффиксов **-га/-ге**.

В шорском языке *сагыш* выражает: «1) ум; 2) разум; 3) мысль» [ШРиРШС, 1993, с. 45]. *Чаш чажап, пир ле сагыжым келча: сениң, мениң, парчын кижиниң пир керек ле: тогаштырарга айас кўнме айас иштин!* (Врк, 35) – С годами ко мне приходит только одна мысль: чтоб у тебя, у меня, у всех людей ясные дни совпадали с ясными желаниями [перев. М. Ч.]. Шорский поэт Геннадий Косточаков это слово в своих стихах переводит и как «сознание»: *Кудайым, ажа, чазар-но / может быть, Бог-творец вылечит Улуг сананган најымны, / возгордившуюся мою голову Соонда пожап-парып, тур-парган / изуродованное ныне и уставшее Чарык полган сагыжымны / сознание, прежде бывшее светлым* [эл. версия: <https://vk.com/club111880077>]. *Иженижи чоқ черибиске – паиқойчам, / молось, пусть и безнадежной земле Пўтпенчиган сагыжымма – пўт-турчам / верю, пусть и неверящим своим сознанием* <https://vk.com/club111880077>.

Глагольная форма данной лексики образована при помощи аффикса возвратного залога **-н-**: **хак.**: *сагын-* 1) думать, мыслить; 2) полагать, считать; 3) собираться, намереваться; 4) заботиться, беспокоиться о ком-л., чем-л.; 5) тосковать, скучать по кому-л., чему-л. [ХРС, 2006, с. 427], **кирг.**: *сагын-* «тосковать, скучать по кому-чему-л.; *досумду сагындым* я соскучился по своему другу; *эл сагынбас эр болбос, үйүрүн сагынбас ат болбос погов.* нет молодца, который не тосковал бы по (своему) народу, нет коня, который не скучал бы по своему косяку [...]» [КРС, 2015, с. 694]; **тоф.**: *сагын-* [*сақтыр-*] «1) думать, подумать; придумать; 2) помнить, вспоминать; *сақтып ал-* вспоминать; 3) скучать, грустить; мечтать» [СТРиРТ, 2005, с. 83]; **тув.**: *сагын-* [*сактыр-*] «1. [...] вспоминать, возобновлять в памяти, помнить, удерживать в памяти [...]; 2. [...] тосковать, скучать о *ком-чем-л.*; 3. [...] запоминать, заучивать; 4. [...] думать, соображать, догадываться» [ТСТЯ, 2011, с. 618-619], **шор.**: *сагын-* «тосковать, скучать» [ШРиРШС, 1993, с. 45]. В ряде сибирских тюркских языков первичные ЛСВ структуры данного глагола отражает мыслительный процесс. В киргизском и шорском же языках его семантика ориентирована на эмоциональную сферу человеческой деятельности, однако при этом не исключает и ментальный признак: обычно тоскующий и скучающий человек много думает об объекте своих переживаний. Положительный же настрой человека отражается в лексике со значениями радости, удовлетворения и удовольствия.

Лексема *сагыс / сагыныч / сагыш / сагыш* часто выступает в составе ФЕ. В хакасском языке ФЕ, построенные по модели «*сагыс + глагол*» мы

делим на две семантические подгруппы: 1) ФЕ с общим значением «хранение в памяти какой-л. информации, знаний»; 2) ФЕ с общим значением «терять информацию из памяти»: *сагыста тут-* «помнить, не забывать; букв. держать в мыслях»; *сагыста хал-* «запомниться, помнить; букв. оставаться в мыслях»; *сагысха кир-* «вспоминаться, помниться; букв. входить в мысли»; *сагысха түс-* «букв. спускаться в мысли; задумываться» и др. [Чертыкова, 2013]. Таких ФЕ, по нашим данным, всего 20 единиц. В других тюркских языках: **шор.:** *сагыш санаң-* «размышлять», *сагышка кир-* «напоминать о ком-чем-л.» [ШРиРШС, 1993, с. 45]. *Тилге ус, ишке ус чон-қалығым сагыжымға кирчалар* (Косточаков, 26) – [Мне] вспоминается мой трудолюбивый, красноречивый народ (перев. – М. Ч.); **тоф.:** *сагышқа түғи-* «задумываться»; *сагышта чоба-* «беспокоиться» [СТРИРТ, 2005, с. 83]; **алт. сагышка алынбас** «уму непостижимый» [ОРС, 1947, с. 123]; **тув.:** *сагышка (или бодалга) кирер-* «помниться»; *ол хүн мээңсагыжымға кирип тур* – мне помнится этот день [РТС, 2015, с. 418]; Все эти ФЕ построены по схеме «*сагыс* + глагол». В роли глагола выступает обычно вспомогательный глагол, значение же формулируемого ими ФЕ часто мотивировано от их буквального содержания. В целом же сочетание существительного *сагыс / сагыныч / сагыш / сагыш* с глаголами в основном дает значения, группирующиеся вокруг концепта «память».

Синтагматические возможности лексем *сагыс / сагыныч / сагыш / сагыш* позволяют реализовать признаки не только ментального содержания (хак., тоф., алт., шор.), но и воспроизводить коннотативные свойства и принимать эмоциональные окраски, например, в хакасском и тувинском языках они выражают такие понятия, как забота, беспокойство, тоска. Исключение составляет киргизская лексема *сагыныч*, обладающая единственным значением «тоска, печаль», а понятие мысли выражается многозначной лексемой *ой* I «1. мысль, помысел; *адам ойго тойбойт, бөрү койго тойбойт погов.* человек мыслью не насыщается (всё время думает), волк овцами не насыщается; *ой – сөздүн сандыгы погов.* мысль – сокровищница (букв. сундук) слов [...]» [КРС, 2015, с. 627]; *адамдын оюнун күчү* – сила человеческой мысли; *терең ой* – глубокая мысль; *башыма ой келди* – [мне] пришла мысль в голову. Данная лексема отмечается также в казахском, каракалпакском, ногайском, крымско-татарском и других тюркских языках, но в сибирских тюркских же языках она [с ментальным значением] не зафиксирована. Однако соответствие ее глагольной формы (**ойла-**) «... мы находим также в якутском языке с мягким огубленным гласным *ө*, как и в древнетюркских текстах (*ög* ‘разум, мысль’): *өйдө=* 1) помнить, запоминать; 2) вспоминать; 3) понимать, разуметь, постигать (< *өй* 1) ум, разум, рассудок; 2) память). В языке чалканцев глагол *ойлан=* был зафиксирован Н. А. Баскаковым в значении

«подумать про себя, размышлять; вспомнить», но в современном чалканском диалекте он утрачен [Баскаков, 1985, с. 180]» [Тюнтешева, Шагдурова, Байыр-оол, Широбокова, 2015, с. 253]. Лексема *ой* присутствует и в монгольском языке: *ой* III 1) способность, ум, разум; *ой билиг* разум; *дээд ой билигт* исполненный высокого ума и мудрости; *ой муутай* слабоумный, забывчивый; {...}; 2) память; *ой сайтай* имеющий хорошую память; способный, ловкий, умелый; *тэр ой сайтай* у него хорошая память; {...} [БАМРС, 2001, с. 347-348]. Как пишет Э. В. Севортян: «На общности корня *ой* строится схема генетической связи тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, как это представлено в VGAS I67: монг. *oi* < * *oj* / *ojin* / *ojun* «разум», ср. монг. *ojin* «сознание», «ощущение», «чувство» = ? эвен. *uj* «разум» = др. тюрк. *oj* «мысль», «мышление». Как видно, монг. *oi*, согласно традиционной установке, возводится к *ojin* / *ojun*» [ЭСТЯ, 1974, с. 429].

Санаа

Лексема *санаа* «мысль, дума; идея; взгляд; понятие» монгольского происхождения [Рассадин, 1980, с. 68]. В монгольском языке лексема *санаа(н)* обозначает: «1) мысль, дума; идея; намерение; желание; размышление; понятие; представление; мнение; предложение; *агуу санаа* дальновидность; *ариун санаа* возвышенность; *атгаг санаа* предрассудки; {...}; 2) душевное состояние; настроение; *үнэн санаанаасаа* от всего сердца, от всей души; *санаа агуу тавих* успокаиваться; {...} [БАМРС, 2001, с. 481–482]. Также существительное *санаа* активно действует в алтайском, киргизском и якутском языках, о чем свидетельствует богатство и обширность ее семантической структуры: **алт.:** *санаа* «1. сознание, мысль, дума, размышление; 2. печаль, забота; 3. дух, настроение» [ОРС, 1947, с. 125]; **кирг.:** *санаа* «мысль, дума; намерение; забота, печаль; *санаа күүндан да кулук погов.* мысль быстрее вихря» {...} [КРС, 2015, с. 707]; **як.:** *санаа* «1) мысль, дума; *кিনিэхэ оннук санаа элэс гынна* у него мелькнула такая мысль; *биһиги санаабыт биир* наши мысли одинаковы {...}; 2) цель, стремление, намерение; желание; *кени санаатын ситтэ* он достиг своей цели; {...}; 3) горе, печаль; *траур; ыар санаа ба ылар* переживать тяжёлое горе; *санаа бын аралдьыт= (или тарбат=)* рассеяться; отвлечься (*от горестных мыслей*) {...}; 4) в сочет. с **кэллэ-** означает пожелать, захотеть; *аһыах санаам кэллэ* я захотел есть; {...} [ЯРС, 1972, с. 314].

Семантическая структура лексемы *санаа* в целом представлена теми же сценариями реализации, концентрирующимися вокруг ментальных и эмоциональных значений.

Как видим, первоначальное значение ментального состояния лексема *санаа* «мысль, дума, намерение» в сибирских тюркских языках расширилось в направлении отрицательного эмоционального переживания «печаль, горе». Вторичные значения лексемы *санаа* в алтайском, киргизском и якутском языках выражают печаль, тоску и заботу, в монгольском и алтайском языках – настроение. Здесь мы наблюдаем закономерность семантической эволюции данных слов: преобразование длительного размышления в дискомфорт, меланхолию, уныние. «Именно во вторичных номинациях выявляется главный закон развития языка и мышления, который предусматривает филиацию – развитие языковых явлений в последовательности и преемственной связи, в непосредственной зависимости от предыдущих фактов, накопление знаний и получение на их основе новой информации» [Стариченок: <http://elib.bspu.by/handle/doc/13330> дата обращения: 23.03.2018].

Лексема *санал*, образованная при помощи словообразовательного аффикса *-л-* действует в монгольском и тувинском языках: **монг.:** «1) мнение; предложение; предположение; заключение; дума, мысль, размышление; слово; отзыв; намерение; помысел; *олон нийтийн санал* общественное мнение; {...} *урьдаас баримталсан санал* предвзятая мысль; {...} *санал алдах* потерять надежду, разочаровываться, упасть духом; *санал бодлого / санал бодол* мнения, мысли; думы, настроения; {...}; 2) у. т. голос; *сонгогчдын санал* голос избирателей; *нууцаар санал хураах* тайное голосование [БАМРС, 2001, с. 484-485]; **тув.:** *санал* 1. предположение, мнение; 2. выступление, речь на собрании [ТСТЯ, 2011, с. 637]. В Древнетюркском словаре есть лексема *sāna* «хвала, похвала: *dāna tu ajuvaj sāza bu tilim* сможет ли воздать мой язык достойную похвалу? (Юг С3) [ДТС, 1969, с. 493].

В глагольной форме *сана-*, как глагол мыслительной деятельности, употребляется в ряде тюркских языков: **хак.:** «1) считать, подсчитывать кого-л., что-л.; подвергать счету; *ахча санирга* считать деньги; 2) вычленять; *пус чөрізін санирга* вычислить скорость движения льда; 3) признать кого-л., что-л., считать кем-л., чем-л. *алыга санирга* считать кого-л. дураком» [ХРС, 2006, с. 443]; **шор.:** *сана-* «1. считать: *ақчаны санарга* считать деньги; 2. хотеть: *ыларга пар килерге санапчам* – я хочу сходить к ним» [ШРиРШС, 1993, с. 46]. В данных языках глагола *сана-*, как и в русском языке, «является омонимом двух значений «считать» и «вести счёт», хотя между ними предусматривается логическая связь: сосредотачивать умственную активность на определенном объекте» [Чертыкова, 2014, с. 136]. В тофаларском языке глагол *сана-* I [**санаар-**] ограничивается обозначением ведения счёта: «считать, сосчитать, подсчитывать; *сан сана* решить задачу» [СТРиРТ, 2005, с. 84]. Семантика монгольского глагола *санаар-*

хах также не выходит за пределы обозначения мыслительной деятельности: «1) намереваться; *цөмийн зэвсгийг ердийн зэвсэглэлээр солих гэж санаархах* стремиться заменить ядерное оружие обычным вооружением; 2) думать; мечтать; витать; *санашгүй юманд санаархах* витать в облаках; *түүнд санаархахаа боль!* перестань думать о ней; {...}» [БАМРС, 2001, с. 481–482].

В других языках семантика данного глагола имеет вторичный лексико-семантический вариант, отражающий процесс грусти, тоски: **як.:** *санаа-* «1) думать, подумать; задумать; *туох дни саныыгын?* как ты думаешь?; [...]; 2) желать, пожелать; *киниэхэ үтүүнү эрэ саныыбын* я ему желаю только добра; 3) *в сочет. с кэриэтэ-* означает считать кем-л.; *кинини афам кэриэтэ саныыбын* я его почитаю за своего отца; $\diamond$ *хол сана* быть недовольным кем-л., обижаться на кого-л.; огорчаться» [ЯРС, 1972, с. 314]; **алт.:** *санарка-* «печалиться, грустить, тосковать, унывать» [ОРС, 1947, с. 125]; **кирг.:** *санаарка-* «думать, задумываться; печалиться» [КРС, 2015, с. 708]. Вероятно, данный глагол образован от существительного *сан* «счёт» и глаголообразующего аффикса *-а-*.

Е. В. Тюттешева, О. Ю. Шагдурова, А. В. Байыр-оол, Н. Н. Широбокова считают, что глагол *сана-* в монгольском языке, скорее всего, тюркское заимствование, которое, в свою очередь было презаимствовано тюркскими языками Сибири и киргизским языком. «В казахском, киргизском и шорском диалектах хакасского языка, вероятно, произошла контаминация значений своего и заимствованного слова: каз., шор. д. *сана-* 1) считать, подвергать счёту; 2) считать кем-л.; каз. также «прийти к заключению». В «Киргизско-русском словаре» *сана-* в значении «считать устно» дается как омоним (КРС, т. 2, с. 132) [Тюттешева, Шагдурова, Байыр-оол, Широбокова, 2015, с. 253]. В хакасском языке функционируют однокоренные существительные: *сан* «счёт», *санас* «расчёт», «*саназыг (-ии)* и. д. от *саназарга* расчёт; *саназыг алдым* [я] получил расчёт; *саназыг идерге* произвести расчёт (денежный) [ХРС, 2006, с. 442]. Аналогичные лексеме **сан** имеются варианты и в тофаларском языке: *сан* [*саны*] 1) число; счёт; 2) цифра [СТРиРТ, 2005, с. 84]; а также в киргизском, тувинском, шорском, алтайском языках и обладают теми же значениями. Подобный механизм образования словообразовательных гнезд позволяет рассмотреть модели, по которым ментальные номинации обслуживают те или иные сферы.

Бодол / бо дол / бодал

Лексема *бодал* «дума, мысль, идея; мнение» является монгольским заимствованием [ЭСТЯ, 2015, с. 238]. Она действует в **монг.:** *бодол* «1) мысль, дума; идея, мнение, предположение; размышление, соображе-

ние; *миний бодлоор бол* по моему мнению; *өдрийн бодол, шөнийн зүүд зүйр*, спать и видеть во сне (үгчил. дневная мечта – ночное сновидение); {...}; *бодол болох* быть поглощённым мыслями; предаваться мыслям; *бодол болсон харц* задумчивый, мечтательный взгляд; *бодол санаанаас гарахгүй байна* мысль сверлит голову; 2) расчёт, стремление; *бор бодлын албан татвар* хуучир. натуральная повинность [БАМРС, 2001, с. 388]; **алт.:** *бодол* I «предположение, приблизительное определение» [ОРС, 1947, с. 32]; **тув.:** *бодал* «мнение» [РТС, 1980, с. 256]. Здесь лексемы *бодал / бодол / бодал* в целом совпадают по семантической характеристике.

Рассмотренные лексемы способны интегрироваться в одну, объединённую общим значением, парную фразу, например, **тув.:** *кижиниң бодал – сагыжы* «настроение, душевное состояние» [ТСТЯ, 2011, с. 607]; *санал – бодал* «мнения, соображения» [ТСТЯ, 2011, с. 637]; **монг.:** *санаа бодол / ухаан бодол* «мысль, мечты, соображения» [БАМРС, 2001, с. 388], тем самым они представляют структурно-семантическое единство.

Лексема *бодал / бодол* маркирует и уточняет такие участки ментального пространства, как «мнение», «предположение», «расчет».

Таким образом, на материале словарных данных мы произвели семантико-сопоставительный анализ лексических единиц, выражающих ментальное состояние человека: *сагыс / сагыныч / сагыш / сагыш* (др.-тюрк., хак., тоф., тув., алт., шор., кирг.); *санаа* (др.-тюрк., алт., кирг., як., монг.), *бодал / бодол* (тув., алт., кирг., як., монг.). Тем самым в семантике лексемы *сагыс / сагыныч / сагыш / сагыш* превалирует ментальный компонент (хак., тоф., шор, и алт.), реже – эмоциональный (тув., кирг.). Каждая лексема представляет собой смысловую структуру, демонстрирующую различные семантические преобразования ментального характера. Важность данных лексем национальной языковой картины мира, как отражения мыслительной деятельности и состояния человека, бесспорна, поэтому они в любом языке частотны и образуют словообразовательные гнезда. Закрепление тех или иных дифференциальных свойств за конкретными лексемами связано с их сочетательными способностями.

Поскольку в семантике рассмотренных лексем ядерным является общий категориальный признак «мысль», то в конкретных языках они находятся в синонимических отношениях. Так, в монгольском языке лексемы *бодал* и *санаа* синонимичны по признакам: мысль, идея, мнение. В якутском языке *бодал* и *санаа* синонимизируются по признакам «мысль, дума». В алтайском языке в семантической структуре *санаа* и *сагыш* совпадают ЛСВ «мысль» и «намерение». Более широкие семантические, соответственно, синтагматические парадигмы у монгольских лексем *санаа* и *бодол*, у хакасской лексемы *сагыс* и тофаларской *сагыш*.

В результате исследования ментальной лексики наблюдается следующая закономерность: данные лексемы в тюркских языках обладают многозначностью и их возможности в формулировании ментальных смыслов неограниченны. В связи с этим нужно учитывать то, что одно и то же многозначное слово в различных словарях может получить разную метаязыковую формулировку, и мы допускаем, что полученные нами выводы могут несколько варьироваться в наших дальнейших исследованиях или же в работах других исследователей. В связи с подобными научными описаниями «содержания любых ментальных единиц на естественном метаязыке может быть сформулирован принцип неединственности метаязыкового описания ментальных сущностей» [Стернин, Рудикова, 2017, с. 4].

ГЛАВА III

СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

3.1. ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТРУКЦИЙ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

При выявлении смысловой структуры предложения всегда возникает вопрос о количестве его семантических компонентов. Основными составляющими семантической модели ментальных глаголов являются субъект, объект и предикат. При их анализе определяющую роль играют специфика категориально-лексического и грамматического наполнения позиции каждого компонента предложения, взаимодействие их лексической и синтаксической семантики, что является непростой задачей, поскольку каждая позиция может выражаться как имплицитно, так и эксплицитно. По сравнению с позицией объекта, позиция субъекта в конструкциях ментальных глаголов не отличается особым разнообразием форм репрезентации.

Синтагматические (или функционально-семантические) свойства глагола – это его способность сочетаться с определёнными словами, позициями, которая в лингвистике выделяется как отдельный аспект общей проблемы сочетаемости. Соединение слов в составе предложения определяется внутренними законами языка, главным из которых является взаимодействие семантики и сочетаемости. Помимо синтаксической сочетаемости принято выделять лексическую сочетаемость, которая предполагает определение круга слов, с которыми оно может сочетаться в связанной речи и в условиях реализации сочетаний. Лексическая сочетаемость более самостоятельна, чем грамматическая сочетаемость.

В конструкциях глаголов принято выделять обязательные и факультативные (периферийные) позиции. Есть устойчивое мнение относить «к обязательным позициям приглагольные компоненты, опирающиеся на семантическую валентность глагола, а позиции обстоятельств, относящихся ко всему предложению в целом, рассматривать как факультативные» [Ариштейн, 1981, с. 3]. По своей семантике актанты делятся на обязательные (облигаторные) и факультативные. Обязательность и факультативность позиций глагола прямо зависит «от имеющегося семантического признака, на который данный актант ориентирован» [Ибрагимова, 1978, с. 20].

Как и глаголы других ЛСГ, ментальные глаголы определяются многоплановостью и многосторонностью мышления, следовательно, в своей семантической структуре представляют значительное количество признаков. Соответственно, ментальные глаголы, в том числе ЛСВ в семантике многозначных ментальных глаголов, выражают различные ситуации мыслительного процесса, которые сводятся к одной базовой семантической модели. М. И. Черемисина так определяет термин модель: «Модель – это результат интеллектуальной работы исследователя, т. е. сложившееся в его сознании представление о том, как устроен изучаемый им объект языка, в нашем случае – предложение. В этом представлении обобщённо отображаются существенные признаки многих услышанных и прочитанных, проанализированных исследователем высказываний (фраз), но отображаются преобразённо: реальные высказывания (фразы) некоторого класса не только освобождаются от индивидуальной специфики, обусловленной их лексическим наполнением, но и подвергаются упрощению, «очищению» ото всех компонентов, которые не необходимы для того, чтоб описать, обрисовать контур некоторой элементарной типовой ситуации» [Черемисина, 1989, с. 7]. Для реализации значений ментальных глаголов необходимы такие члены конструкции, как «субъект – экспериенсер, обозначающий лицо, которое осуществляет то или иное ментальное действие; объект, обозначающий лицо или предмет, являющиеся содержанием ментальной деятельности; и предикат со значением интеллектуального (ментального) действия» [Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008, с. 142]. Субъект мыслящий – одушевлённое лицо, но иногда в контексте неодушевлённый предмет – субъект может быть наделён одухотворённостью: *Мында таглар-суглар даа оңнапчалар чалгыс кизиниң ырларын* – Здесь даже **горы и реки помнят** песни одинокого человека. Исследователями субъект обычно рассматривается как «синтаксически независимый субстантивный компонент субъектно-предикативной структуры, обозначающий носителя предикативного признака» [Золотова, 1981, с. 33]. Присущая семантике ментальных глаголов базовая модель «субъект мыслящий – объект мысли – процесс мысли» обобщённо передаёт сущность отображаемой типовой ситуации, связанной с мыслительным процессом.

Мыслительный процесс не может происходить без связи с объектом. Заполнение данной позиции соответствующими лексемами или объектными конструкциями зависит от семантики глагола. Объектное выражение в конструкциях ментальных глаголов может быть эксплицитным или имплицитным. *Ол прай нима пил полча* – Он все понимает. *Хазна сирерниң тогыстарыңны турыстыра паалазын* – Пусть государство достойно оценит ваши труды. Объект мыслительного процесса обычно выражается:

- одушевлённым и / или неодушевлённым именем в неопределённом или винительном падеже. *Аң даа мындаг полчаңоҥ полтыр ноо! Кізі чахсызын пілібөкче одыр ноо* (П-о, 262) – Оказывается, и зверь таким бывает! **Понимает доброту** человека, оказывается. *Ічечеємні сағынчам, истенминчем ол чохта* (Ат, 38) – Вспоминаю мамочку, мне плохо без неё.
- делиберативом (тема мыслительного процесса). В конструкциях ментальных глаголов делиберативный объект обычно выражает какие-либо мечтания или предмет воспоминаний, планирований субъекта. *Ібзер киліп, Саша Катядаңар ла сағынған* – Придя домой, Саша думал только о Кате.
- инфинитивом (намерение субъекта что-либо делать). *Пазагы чыл ол көлзер пазоҥ парарга тіп сағын салғам* – Я задумал на будущий год снова поехать к этому озеру. Здесь особой группой выделяются глаголы социального действия. В семантической структуре глагола **ўғрет-** «учить» присутствует значение «приобретать какие-л. знания, умения, навыки», реализующееся в сочетании с инфинитивом, называющим то действие, к совершению которого субъект приобретает умения и навыки: **хығырарга ўғрен-** «учиться читать», **пазарга ўғрен-** «учиться писать». *Ол пісті тоғынарга, піліс аларга, чағбан чўректіг поларга ўғретчең* (Хч, 3) – Он учил нас работать, получать знания, быть добрыми людьми. *Ол пісті постың пазынаң сағынарга ўғретчең* (Хч, 3) – Он учил нас думать своей головой.
- пропозицией (синтагматическая основа предложения). На синтаксическом уровне позиция объекта может замещаться не только словоформой, но и целым придаточным предложением. *Пістің чон худаи піске хайди хынчатханын пір дее сизинминче* (Хч, 2) – Наш народ не понимает, как бог любит нас. Содержанием мыслительного процесса может быть и целая ситуация, пропозиция, функция которой заключаются в отражении объектной направленности интеллектуальной деятельности. *Мин чайгызы узун полар тіп сағынчам* – Я предполагаю, что лето будет длинным. *Кирек киліссе, наа чылга той идібизем тіп істінде пөгінчеткен* (Чт, 26) – Он продумывал, мол, если получится, на новый год сделает свадьбу.

Объект мысли подразумевает возможные внутренние характеристики содержания мысли и признаки, предопределяющие характер объекта. Поскольку мышление – явление абстрактное, то объект мыслительной деятельности также может быть абстрактного содержания: мечты, планы, намерения, мысли, доводы и т. д. *Син, худагай, оолааңны тыс, андагмындаг чоохтарга киртінмезін* (О, 49) – Ты, сватья, [своего] сыночка

предостереги, пусть не верит всяким сплетням. *Романовтар үлгүзі кізінің чуртазын пір ухха ла тиңестіреткен* – Власть Романовых жизнь человека сравнивала лишь с одной пулей. *Чир-чалбахтагы пасха хазналар ол сурьгны хачанох пёк салганнар* (Хч, 6) – Другие страны на земле давно уже решили этот вопрос.

Обязательные позиции (актанты) – это постоянное абсолютное свойство предложения, реализующегося в речи со всеми формами. В конструкции ментального глагола обязательно употребление двух актантов: «кто» и «что». *Моолларның көбізі орыс тілін оңнапчалар* (Ат, 38) – Многие из монголов понимают русский язык. Помимо обязательных позиций «кто» и «что» ментальный глагол может себя реализовать в факультативных позициях: «когда» и «как». *Он чыл мының алнында чулымнарның чарымы пос тілін пілген* (Хч, 8) – Десять лет назад половина чулымцев знали свой язык. *Часканы полган на кізі поэзының оңдайынча оңнапча* (Хч, 11) – Каждый человек по-своему понимает счастье.

Факультативные актанты реализуются в речи не при каждом употреблении лексемы, а в связи с коммуникативной направленностью высказывания или с необходимостью обозначить различные отношения. Как обязательные, так и факультативные позиции глаголов заполняются лексемами строго определённой семантики. Управляющий глагол, исходя из лексико-грамматических особенностей своей семантики, сам требует восполнения пустых мест и сам подсказывает падежные формы дополнения.

Глаголы со значением социальной деятельности, осуществление которых происходит с применением мыслительных операций, требуют обязательной позиции объекта: **хыгыр-** «читать», **хооста-** «рисовать», **пас-** «писать» и др. Указание в контексте объекта выражаемых данными глаголами действий лишь конкретизирует разновидность объекта. *Маңныг тузы пар полза, агаа хыныг ныхахтар хыгыр пиредір* (Ат, 81) – Если у него бывает свободное время, он [обычно] читает ему интересные сказки. *Мин кічигдең сыгара кибелістер пасчам* – Я с детства пишу стихи.

Без указания на объект мышления глаголы выражают способность субъекта к ментальным действиям: мыслить, вспоминать, читать, решать и т. п. Например, глагол, составляющий ядро глаголов мышления, **сагын-** «думать» в контексте может обозначать процесс мышления в чистом виде, процесс как таковой: *Марик сагынча* – Марик думает. Значение таких глаголов реализуется в одновалентной модели предложения: субъект + процесс мышления. Часто в таких конструкциях становится важным участие факультативных позиций, указывающих на образ, место или время ментального действия: *Марик хараа-күнөрте сагынча* – Марик думает

днём и ночью. Или же *Марик, чазыда одырып, матап сагынча* – Марик, сидя в поле, много думает. Имея в виду глаголы с подобной семантикой, Л. А. Кожевникова глаголы мышления немецкого языка делит на две группы – группу ненаправленного мышления с доминантой **denken A** и группу направленного мышления с доминантой **denken B** [Кожевникова, 1970, с. 4]. Подобные признаки направленности / ненаправленности мыслительного процесса могут быть характерны и для хакасских ментальных глаголов. Однако чаще ментальные глаголы обозначают различные процессы мышления, направленные на определённый предмет мыслей (*нимедеңер-де, сагынарға* – думать о чём-либо). «Процесс мышления всегда предполагает направленность мысли субъекта на объект, который может быть прямым или косвенным, эксплицитным или имплицитным, конкретным или абстрактным, одушевлённым или неодушевлённым и т. д.» [Омельченко, 2004, с. 219].

Как мы отмечали выше, большинство хакасских ментальных глаголов многозначны. Контекст является важным, если не основным, условием реализации их ЛСВ. Здесь он служит не только для манифестации значений, но и является общепризнанным критерием их разграничения. Каждый контекст является отражением синтагматических свойств определённого ЛСВ ментального глагола, совокупность которых в свою очередь составляет синтагматические свойства полисемантического слова в целом. Таким образом, синтагматические возможности глагола принимаются за основной критерий разграничения отдельных ЛСВ в семантической структуре многозначного слова. Учёт представленности ментального действия в первичных или вторичных значениях ментальных глаголов позволяет выделить в них ядерные, центральные и периферийные элементы. Немаловажен тот факт, что разные ЛСВ многозначного глагола часто имеют неодинаковую сочетаемостную структуру, например, глагол **санан-** «считать себя» в ЛСВ «иметь завышенное мнение о себе, переоценивать себя» может сочетаться с объектом, представленным именем в форме дательного падежа или придаточным предложением со связкой *тiп*. *Ол позын хайдар абахай тiп сананчаң* (Птн, 41) – Она считала себя очень красивой. При выражении общественного мнения и с присоединённым аффиксом множественного числа **-лар** глагол **сана-** обычно функционирует в односоставных предложениях при отсутствии указания на субъекта. Здесь при выражении значения «принимать кого-л. за кого-л.» объектом является имя в форме винительного падежа: *Пiс хаңан даа кiзi немезiне теңмеебiс, амды пiстi огырға санирлар!* (Ах, 68) – Мы никогда не брали чужого, а сейчас будут считать нас ворами! *Мельниктi ухаанчы, пiлiгчи кiзее саначаңнар* (Хч, 1997, 162, 4) – Мельника считали предсказателем и знахарем.

Таким образом, синтагматические свойства глаголов проявляются в их сочетаемостных способностях, в их связях со словами в рамках конкретных контекстов. Как и в других тюркских языках, присущая семантике хакасских ментальных глаголов модель «субъект мыслящий – объект мысли – процесс мысли» обобщённо передаёт сущность отображаемой типовой ситуации, связанной с процессом мышления, а также расматривается лингвистами в качестве базовой.

3.1.1. Позиция субъекта ментальных глаголов

Выявление основных средств репрезентации субъекта в конструкциях ментальных глаголов, его семантических типов, смысловой характеристики субъекта как ядерного компонента предложения связано с вопросами взаимодействия компонентов предложения на лексико-семантическом уровне.

Субъект – есть «автор» мыслительной деятельности, который без него само собой совершаться не может. Субъект и ментальный процесс во всех его проявлениях неотделимо взаимосвязаны и дополняют друг друга. При этом, составляя одно целое, каждый выполняет свою роль, предназначенную только для него. «Субъект соотносит предложение с внешним миром, а предикат с миром понятий. Субъект указывает на нечто во внешнем мире – устанавливает референцию и одновременно выделяет это нечто – производит индивидуализацию. При этом предполагается, что функция референции и функция индивидуализации реализуется в субъекте одновременно» [Степанов, 1979, с. 336].

В специальной литературе принято считать, что субъект, носитель предикативного признака, представляет собой сущностную, инвариантную единицу, в которой по-разному комбинируются как логико-грамматические, так и коммуникативные факторы, а формальная объективация строго не закреплена. За ним признается особый лингвистический статус, что может быть обосновано наличием семантического инварианта, спецификой парадигматики и синтагматики. «Средства репрезентации субъекта характеризуются различной уровневой стратификацией (лексические, морфологические, лексико-морфологические и др.), частотностью и т. п. Изменения в структуре предложения, связанные с вариативностью представления субъекта, часто носят характер стилистико-синтаксической правки» [Каксин, 2012, с. 227–228].

«Специфика субъекта заключается в том, что вводит нас в мир, подвергает номинации определённый логизм, факт или другую реалию экстралингвистической деятельности. Вместе с тем он создает семантический

фон для предиката, обеспечивая тем самым лексико-семантическое взаимодействие в рамках предикативного ядра конструкции и смысловое единство дискурса. Последовательная параметризация субъекта обычно осуществляется посредством предикатов» [Мамаева, 2005, с. 7].

Субъект при глаголах с антропоцентрической семантикой отличается от субъектов с предметной направленностью. В конструкциях ментальных глаголов субъект понимается как деятель мысли, одушевленное лицо, сам мыслящий и носитель интеллектуального признака. Изначально субъект представляется как термин логики, обозначающий лицо, воспроизводящий процесс интеллектуальной деятельности и о котором выносится суждение в контексте. Таким образом, в процессе мыслительной деятельности основным исполнителем является субъект. Имена, выступающие в роли субъекта в контекстах, наделены такими общекатегориальными семами, как «активный», «лицо», «живой», «экзистенциальность», «субстанция». Субъект, активный, действующий, живой, при ментальных глаголах является энергетическим источником мысли и знания, от которого исходит ментальное действие.

С логической точки зрения субъект и предикат взаимозависимы в смысловом отношении: думать, сомневаться, знать, понимать может лишь одушевленное лицо, но не предмет, явление или признак, следовательно, имеют место и семантические ограничения в логико-грамматическом и функциональном плане. В связи с такими требованиями лексического наполнения главных членов предложения, позиция субъекта обычно заполняется именем одушевленного лица, способного совершать (или испытывать) какие-либо ментальные действия, а сказуемое выражается глаголами, связанными с ментальной деятельностью лица. Однако бывают и исключения, вполне допустимы контексты, где какой-либо предмет, животное или явление наделяются одухотворенностью, и обладают интеллектуальной способностью, например, *Андагы таглар алыптарның чааласханнарын оңнапчалар* – Те горы помнят войны богатырей. *Адайах киртинче, ээзи хайди даа айланар* – Собачка верит, ее хозяин вернется обязательно. *Хайаа чапсынып, хыймырабин одырыбыссам, хустар мини тас тiп сагынарлар* (Ат, 163) – Если я, прильнув к скале, буду сидеть, не шевелясь, то птицы подумают, что я камень.

Позицию субъекта при ментальных глаголах могут занимать следующие семантические типы имен:

а) собственные имена. *Аскер нiрсiнде, озензер килiп, сагысха тiзiн одырган* (По, 53) – Однажды, придя в лошину, Аскер сидел, призадумавшись. *Ана Агбай чоохтан сыхты. Хай чоохтарын Онсар оңар полбин халча* (Пт, 24) – Вот начал говорить Агбай. *Чыылысхан чон, тахпахтабин даа, чоох ла апарчатханда, кoгчi кiзi Клара Ефимовна оларны*

тибiредiбiзерге чаратхан (Хч, 35) – Когда собравшийся народ сидел и разговаривал, а не пел тахпахи, певица Клара Ефимовна решила их подзадорить;

б) имена, репрезентирующие понятие «человек» (возраст, пол, род занятий, родственные отношения, социальное положение и т. д.). *Кi нанчы аалда, пiрее ибге кiрiп, тын хабынып аларга чаратханнар* (Нгу, 131) – Два друга решили зайти в деревне в какой-либо дом и отдохнуть, набраться сил. – *Че минi, – сагысха кирче апсах, – талай хараа-кiнiртe, чадын пирбин, позынзар тартхан* (Хчк, 105) – Но меня, – вспоминает старик, – море, не давая покоя, звало к себе и днем и ночью. *Харындазым армия соонда iгренерге сагыс тутча* (Кк, 15) – [Мой] брат намеревается учиться после армии;

в) личные, указательные или неопределённые местоимения. *Олар чылыгыда «Товарищ» тiп газетаны хыгырганнар* (У, 22) – Они на собрании читали газету «Товарищ». *Пиреези сагынар, ипчи кiзи мында iлгiзi чох полтыр, хыйыхтатчалар тiп* (Ат, 38, 46) – Кто-то подумает, что здесь у женщин нет прав и что их обижают. *Мин кинетiн не оңаргам Улай аганың кiлiнiзiн* (Хх, 107) – И тут я вдруг понял улыбку деда Улай. *Сiрер оңнаңар, пiстiң тогыста чиит кiзiлер киректер* (Ат, 38) – Вы поймите, в нашей работе нужны молодые люди.

По своим грамматическим свойствам в предложении субъект, обладающий значением лица, выступает как подлежащее. Для имён, выступающих в роли субъекта, характерны падежные формы, как правило, здесь в основном имеет место именительный падеж. – *Чоохты алыстырарга кирек, – хабын салган Евсейка* (По, 98) – Надо менять тему разговора, – спохватился Евсейка. Для всех ментальных глаголов характерно сочетание с субъектом, заполненным вышеуказанными типами имён в именительном падеже.

Однако в случаях, когда действующий субъект интеллектуального действия представлен формой местного падежа, наблюдается смысловое ограничение использования ментального глагола. Субъектная позиция в форме местного падежа совмещает в себе значение действующего лица и значение обстоятельственного (пространственного) определителя, т. е. значение места или сферы, в котором субъект находится или которое может его представлять, с которым субъект может быть так или иначе соотнесён или отождествлен. В качестве локативных конкретизаторов могут выступать лексемы, называющие, чаще всего, постоянное место проживания, работы, долговременного нахождения субъектов. *Чылыгыда хоных сурыгларын пiккеннер* – На собрании решали бытовые вопросы. *Соян городта чада чат халганнарны сагысха киргеннер* – В Саяногорске вспоминали павших на войне. *Аалда ол – хомай олганнарның ойыны тiп*

саначалар (Кч, 41) – В деревне считают, что это – игра плохих детей. Субъект может выражаться формой местного падежа при таких глаголах, как **пök-** «решать», **сана-** «считать», **сағын-** в ЛСВ «считать», «скучать», **сизін-** «замечать», **киртин-** «верить», **унду-** «забыть», **сыныхта-** «проверять» и т. д.

Следует обратить внимание также на одну из важных особенностей репрезентации субъекта в местном падеже, в силу которой неопределённость действующего лица возводится на ещё высшую степень. При сочетании с субъектом в форме пространственного распределителя, ментальные глаголы принимают аффиксы множественного числа и третьего лица, которые придают дополнительные значения неопределённости и стабильности лиц, находящихся в каком-либо пространстве. Например, из предложения *Аалда Каристі айланмас тіп сағынғаннар* – В деревне считали, что Карис не вернётся, мы понимаем, что субъектами мнения о невозвращении Кариса являются люди, знающие его и проживающие, скорее всего, в одной деревне с ним (*аалда* – в деревне). Показатель множественного числа и третьего лица **-нар** глагола **сағын-** в ЛСВ «считать» показывает множественность и неопределённость лиц, занимающих субъектную позицию, а распространитель *аалда* «в деревне» указывает на место, с которым субъект идентифицируется. В подобных предложениях глаголы всегда принимают аффикс множественного числа, который частично принимает на себя функцию субъекта, т. е. указывает на неопределённое количество действующих лиц. Однако, если глагол употребляется во втором или третьем лице, то локативный конкретизатор переходит на периферию поля субъектности и в качестве второстепенного члена предложения обозначает место нахождения субъекта. *Аалда Каристі айланмас тіп сағынгабыс* – В деревне [мы] считали, что Карис не вернётся или же *Аалда Каристі айланмас тіп сағыныңар* – В деревне [вы] считайте, что Карис не вернётся. Как видим, в подобных предложениях субъект может не получать выражения, но сохраняется его принадлежность к лицу. Такие предложения считаются бессубъектными, однако семантически подразумевается его наличие, что находит отражение в личных аффиксах сказуемого – глагола, указывающих на определённый субъект. Такие предложения, хоть формально считаются односоставными, но семантически являются полноценными и завершёнными. Такое скрытое в личных аффиксах присутствие субъекта отмечается и в других тюркских языках, например, в карачаево-балкарском [Мамаева, 2005, с. 10]. Примеры: *Пістең артых тогынар кізі чоғыл тіп сағын чөрчеңміс* (О, 47) – Никто не может работать лучше нас, – думали [мы]. *Ам на сагысха кир тур нима пол парганын* (Хп, 48) – Только сейчас стал вспоминать, что случилось. *Аннаң сыгара чуртас чахсыдаң чахсы ла полын*

одырғанын оңарып настабысхам. Кізілер дее пасха иде алысчатхан осхас полғаннар (Тко, 24) – С тех пор [я] стал понимать, что жизнь становится все лучше и лучше. Казалось, что даже люди стали меняться. *Нинче ұр узааныңны сизінмин дее халарзың* (Ат, 81, 47) – Даже и не заметишь, как долго [ты] спал. *Хайди оңнабинчазың, пілбес полгазың ма?* (Хч, 3) – Как не помнишь, чересчур пьяный был, что ли?

Ментальные глаголы часто организуют неопределённо-личные конструкции, семантическая структура которых сводится к побуждению к какому-либо действию (советы, поучения, наставления, призыв). Это такие глаголы, как **піл-** «знать», **пілін-** «осознавать», **сағын-** в ЛСВ «думать», **сағынып ал-** «подумать», **сизін-** «замечать», **сизіктен-** «быть внимательным», **оңна-** «понимать», **сыныхта-** «проверять», **ўgren-** «учиться», **хығыр-** «читать», **чарат-** «разрешать», **хайығ сал-** «обращать внимание» и т. д. *Пастап сағынып ал, анаң чоохтан* – Сначала подумай, потом говори. *А. П. Чеховтың «Сибирьдең» тіп очеркін хатап хығыр* (Кч, 6) – Читай снова очерк А. П. Чехова «Из Сибири». *Ол халған истең көгенек тігерге чарадыңар* (По, 49) – Разрешите сшить платье из тех остатков ткани. *Пуруңғы тархынның өөн сурығларын ўgren* (Хчк, 64) – Изучай основные вопросы древней истории. Субъект в подобных предложениях представлен имплицитно и подсказывается нулевой формой глагола. О присутствии «невидимого» субъекта сигнализирует форма 2-го лица единственного (или множественного) числа глагола в побудительном наклонении.

Иногда в качестве субъекта может выступать субстантивированное причастие, представленное формой именительного падежа как единственного, так и множественного чисел. *Чоннаң чарылған хара чалғыс чуртаста ырыс оңнабас* (МК, Тх, 39) – Отколовшийся от народа не познает счастья в одинокой жизни. *Чаадаң тискеннер хай пірее тоғысха кіріп аларға сағыс тутчалар* – Беженцы (букв. убежавшие от войны) намереваются устроиться на какую-либо работу.

Таким образом, субъект является основным и полифункциональным компонентом семантической структуры предложения, коррелирующим с ментальным глаголом. Отмечаем следующие важные особенности позиции субъекта:

- 1) позицию субъекта занимают имена, называющие одушевлённое лицо и носителя интеллектуального признака;
- 2) при ментальных глаголах позиция субъекта чаще заполняется именем в именительном падеже и соотносится с подлежащим;
- 3) субъект, выраженный именем в форме местного падежа, обладает пространственным значением, при сочетании с ним глагол всегда имеет аффикс множественного числа, частично принимающий на се-

- бя функцию субъекта, т. е. указывает на неопределённое множество лиц;
- 4) в неопределённо-личных предложениях, смысл которых сводится к побуждению к какому-либо действию (советы, поучения, наставления, призыв), позиция субъекта, выраженная подлежащим, может отсутствовать, но из актуального смысла предложения легко восстанавливается.

3.1.2. Позиция объекта и его разновидности

3.1.2.1. Выражение объекта формой винительного падежа

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, с дополнением в форме винительного падежа со значением прямого объекта обычно сочетаются переходные глаголы различной семантики. К переходным относятся глаголы со значением действия, направленного на предмет, (изменяющего или производящего этот предмет): глаголы созидания (**пүдiр-** «строить», **одырт-** «сажать», **öскiр-** «выращивать», **палға-** «вязать» и др.); глаголы разрушения (**оот-** «ломать», **öдiр-** «убивать», **тала-** «рвать» и др.); глаголы изменения объекта (**алыстыр-** «переделать, изменять», **хысхарат-** «укоротить», **чаза-** «украшать», **кискле-** «резать» и др.); глаголы перемещения объекта (**чылдыр-** «двигать», **турғыс-** «ставить», **таста-** «бросать» и др.); глаголы эмоционального отношения (**хын-** «любить», **улуғла-** «уважать», **пу харахтаң көрбе-** «ненавидеть» и др.); глаголы со значением восприятия (**ис-** «слышать», **көр-** «видеть» и др.); поглощения пищи (**чи-** «есть», **амза-** «пробовать», **iс** «пить» и др.); говорения (**искiр-** «сообщать», **хабарла-** «рассказывать», **сөле-** «сказать, рассказывать», **айт-** «сказать, рассказывать», **салыстыр-** «болтать», **чарла-** «объявлять») и т. д.

А. А. Шахматов пишет: «Винительный падеж объекта показывает, что последний испытал на себе действие глагольного признака во всём своём объёме без всякого ограничения» [Шахматов, 1941, с. 326]. Эта форма объекта наиболее распространена, что объясняется «с одной стороны, его синтаксической обязательностью при переходных глаголах, а с другой стороны – наличием у него и более маргинальных семантических функций детерминанта (Русская корпусная грамматика // Электронный ресурс <http://rusgram.ru/>).

Прямой объект в хакасском языке, как и в других тюркских языках, обозначается оформленным или неоформленным винительным падежом в зависимости от определённости-неопределённости выражаемого объек-

та. Существительное в винительном падеже может быть оформлен аффиксами **-ны/-ні**, **-ты/-ті**, в случаях:

а) если объект мысли является «личной принадлежностью» субъекта. Чаще это слова со значением родственных отношений. *Ол ачазын сагысха кирче* – Он вспоминает [своего] брата;

б) если речь идёт о конкретном явлении, предмете, т. е. объект определённый и выделяется из множества себе подобных. Здесь нередко винительный падеж объекта сочетается с элементами, указывающими на его определённую. *Ирткен фестивальларда кинектерниң узы пөзік паалалган* (Хч, 2) – На прошлых фестивалях мастерство инвалидов высоко ценилось. *Ирткен чакхыны сагысха кирчем* – Вспоминаю прошлое лето. В таких случаях фразовое ударение несёт объект в винительном падеже.

При сочетании имени с уточняющим определением к существительному прибавляется аффикс принадлежности. *Ол арада кемниң-де чітіг көрізін сизін салган* (Хч, 8) – В тот момент он заметил чей-то проницательный взгляд. М. И. Боргояков полагает, что усечение аффикса винительного падежа **-ны/-ні** до **-н** при словах в форме принадлежности в хакасском языке связано с тем, что гласные аффикса принадлежности **ы**, **і** являются краткими (редуцированными) и узкими [Боргояков, 1976, с. 48].

Если объект в форме в. п. неопределённый, то аффикс винительного падежа отсутствует. *Ол килзөк, пістің хыс, Чачах, угаа көгліг, ойыннар сагын таапча* (Хч, 3) – Как только он придет, наша девушка, Чачах, становится очень весёлой, придумывает игры. В таких контекстах неформальный объект не уточняется, т. к. логический акцент делается на других позициях.

«...в той позиции, где выбор возможен, предпочтение винительного падежа связывают с определённой объектом – с его известностью, индивидуальностью, выделенностью из среды. Форма неопределённого падежа чаще всего указывает либо на неиндивидуализированность объекта, либо же на его органическую включённость в данное действие (что тоже влечёт за собой утрату индивидуальности) *суу экел* = принести воды, *длөң чап* косить траву. Но эти общие закономерности требуют серьёзной и непредвзятой проверки и уточнения на материале каждого языка.

Наши наблюдения показывают, что форма без аффикса винительного падежа предпочитается тем последовательнее, чем менее определённым, слабее очерченным, менее выделенным из среды и «слитым с действием» представляется сам объект, чем слабее его референтное значение противостоит дено тативному» [Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008, с. 124–125].

По теме происхождения аффикса винительного падежа в тюркских языках имеется немало работ, многие исследователи склоняются к тому, что родительный и винительный падежи генетически взаимосвязаны. В частности, В. А. Богородицкий усматривает связь аффикса винительного падежа с родительным: «...первичным является аффикс **-ы/-и**; в местоимениях 1-го и 2-го лица ед. ч. к этому окончанию путём морфологического переразложения отошло корневое **н** и, таким образом, получилось новое окончание **-ны/-ни**, затем переходящее в именное склонение параллельно с таким же процессом в родительном падеже; в части юго-западной группы языков эти два окончания в именном склонении дифференцировались, также, как и аналогичные окончания в родительном падеже, т. е. **-ы/-и** стало применяться после согласного и **-ны/-ни** после гласного [Богородицкий, 1953, с. 155].

В безобъектном употреблении переходный глагол обычно обозначает способность субъекта к совершению действия, например, *Кирі ічезі хыгыр полбинча, букваларны ла танытча* (Ат, 82) – [Его] бабушка не умеет читать, только буквы знает. *Оолах пасча, слогтап хыгырча* (Тко, 50) – Мальчик пишет, читает по слогам. *Чоохтас пілчем мин агастагларнаң* (Кч, 69) – [Я] умею разговаривать с деревьями и горами. Если же в предложении делается акцент на обозначенный соответствующими лексическими средствами характер действия, также объект может выпадать. *Полган на пис чыл пазынаң тогасчатханда, удур-төдір чаксы пілісештірлер* (Хч, 3) – Поскольку они встречаются каждые пять лет, они хорошо понимают друг друга.

Если в контекстах по одновалентной модели глагол оформляется аффиксом настоящего времени, то обычно в них передаётся вневременной постоянный процесс мышления, характеризующий способность лица к данному действию. Если же ментальный глагол оформляется аффиксом будущего или прошедшего времени, то процесс мышления соотносится с определённым отрезком времени. *Үгретчі тетрадьтарны ширде сыныхтир* – Учитель тетради будет проверять вечером.

В том и другом случае ментальный глагол может иметь в своём окружении факультативные актанты. В предложениях, где глагол реализует способность субъекта к процессу мышления и оформляется аффиксом настоящего времени, может сочетаться с обстоятельствами образа действия, обозначающими постоянные свойства мышления. В конструкциях же глаголов, обозначающих процесс мышления как такового и протекающего в определённый момент времени, участвуют факультативные позиции, заполненные обстоятельствами времени или образа действия, обозначающими длительность или интенсивность процесса, а также эмоциональное состояние лица.

При ментальных глаголах объект в форме винительного падежа выражает содержание мысли, конкретный предмет, явления окружающей действительности. В контекстах ментальных глаголов употребление объекта мысли в винительном падеже обозначает явное обладание субъекта объектом, т. е. субъект является автором, производителем объекта мысли. По мнению А. А. Кокляновой, субъект переходного глагола не только направляет (или распространяет) свое действие на объект, но он словно подчиняет его себе в этом действии, является единственной активно действующей величиной, которая владеет данным объектом в своем действии, им оперирует» [Коклянова, 1962, с. 45]. Однако при полном обладании объектом – мыслями субъект не может контролировать их протекание, отсюда предметы мысли могут быть не всегда приятными и желанными. «Субъект – экспериенцер, в отличие от субъекта – агенса, пассивен и не контролирует протекание действия. Заметим, что, субъект – экспериенцер ментальных действий более активен, чем субъект психических действий. Объект не претерпевает никаких изменений, в то время как в акциональной модели объект подвергается прямому и опосредованному воздействию со стороны агенса» [Черемисина, Озонова, Тазранова, 2008, с. 142].

В целом в конструкциях ментальных глаголов в роли объекта в винительном падеже обычно выступает абстрактная лексика. Исходя из анализа материала, мы выделяем пять семантических типов слов, выступающих в роли прямого дополнения при ментальных глаголах:

- имена существительные, выражающие имя действия, какую-либо деятельность человека (*жизнь, ошибка, ситуация, характер*);
- имена существительные со значением определённой формы высказывания (*речь, слово, язык*);
- одушевлённое имя (*человек, конкретное имя, животные*);
- предметы пользования (*книга, тетрадь, стих*);
- состояние живых существ (психологическое, физиологическое).

1) имена существительные, выражающие имя действия живых существ или деятельности человека (*жизнь, ошибка, ситуация, характер человека и т. д.*)

Данная категория имён в качестве объекта в форме винительного падежа является наиболее обширной. При обозначении в качестве объекта какой-либо ситуации используется субстантивированное причастие в винительном падеже: *1941 чылда пабамны үдезерге чалаң ойлатханымны ундубинчам* (Хчк, 63) – Не могу забыть, как в 1941 году я мчался верхом на лошади, провозжая отца. *Пос алынча абадаңар ниме искенімні, ниме*

пiлгенiмнi сағысха кирчем (Т, 24) – Про себя вспоминаю, что я слышал и что я знаю про медведя.

Данной категорией имён управляют следующие категории ментальных глаголов:

а) **пiл-** «знать» и его производные **пiл пол-** и **пiлiп ал-, пiлiн-** «сознать». *Олар полган на семьяның чуртазын магап пiлчелер* (Хч, 9) – Они знают жизнь каждой семьи. *Пабам чит туста ит салган алчаасты пiлiнген* – [Мой] отец осознавал ошибку, совершённую в молодости. *Газета настыра спорт марыгларынаңар аймах чиңiстернеңер пiлiп алчабыс* (Хч, 15) – Мы через газету узнаём о спортивных соревнованиях, о всевозможных победах. *Олар пiстiң ызыхтыг, тiстiг чонның оңдайын пiл полбинчалар* (О, 28) – Они не могут понять характер нашего народа, имеющего свои священные идолы для поклонения;

б) глагольные средства, обозначающие операции памяти: **сағын-** в ЛСВ «вспоминать», «помнить», **сағын сал-** «запомнить», **сағын чөр-** «помнить». **сағыста тут-** «помнить; букв. держать в мыслях», **оңна-** в ЛСВ «помнить», **сағын кил-** «вспомнить», **сағысха кир-** «вспоминать», **унду-** «забыть» и др. *Халганчы тогазыгларны сағысха кирiп, пулар кiрбеен чаадаңар кiбiк чоохтаан* (Ит, 12) – Вспоминаю последние встречи, много рассказывал о войне, которую [они] не видели. *Ұғренчi тузында хайдаг сохтанчых полганыбысты сағысха кирчегiс* (Ит, 139) – Вспоминаем, какие мы были шаловливые в школьные годы;

в) глаголы с общим значением «понимать»: **оңна-** «понимать», **пiл-** в ЛСВ «понимать», **ух-** «понимать», **пiлiн-** «осознавать». *Пуўрнiң кiйтiк хылиин мин андада ла оңнаам* (Кх, 48) – Я только тогда понял хитрые повадки волка;

г) глаголы с общим значением внимания: **сизiн-** «замечать». *Тастынаң кiрiп, кiзiнiң читпес хылыгын сизiн полбассар* (Тх, 22) – Судя по внешности, и не заметите недостатки человека;

д) глаголы со значением контроля (проверки): **сыныхта-** «проверять, контролировать», **сына-** «проверять, испытывать». *Устагчыларның тогызын полган на пис чыл пазынаң сыныхтапчалар* – Работу руководителей проверяют через каждые пять лет. *Сынында нима анда полганын чახсы пiлiп алар уңуң, ол пiчiктi хатап сыныхтирга кирек* – Чтоб понять, что там произошло на самом деле, это письмо надо еще раз проверить;

2) имена существительные со значением определённой формы высказывания (речь, слово, поучения, язык и т. д.)

Ими могут управлять глаголы:

а) **пiл-** «знать». *Хакас палачахтарның кiбiзi пос тiлiн пiлбинче* (Хч, 163) – Многие из хакасских детей не знают своего родного языка. *Анзы*

угаа даа хормачы, көп хыныг чоохтар пілчең полтыр (Ах, 58) – Тот, оказывается, был большой шутник, знал много смешных историй;

б) глаголы с общим значением «понимать»: **онна-** «понимать», **онар-** «понимать, осознать», **піл-** в ЛСВ «понимать», **ух-** «понимать», **піл пол-** «понимать», **піліп ал-** «понимать». – *Хайдаг тамах? – сурыбысхан Хызапый, апсахтың сөб тартчатхан чоогын оңнап полбин* (Кх, 93) – Что за зерно? – спросила Хызапый, не понимая сбивчивую речь старика. *Уучамның сөстерін ам на, улуглан парганда, оңарып пастапчам* – [Я] только сейчас, в зрелом возрасте, начинаю понимать слова [моей] бабушки. *Ічемнің сөстерін ол туста піл полбаам* – В то время слова матери я не понял;

в) из глаголов со значением внимания только глагол **сизін-** в ЛСВ «замечать» управляет прямым объектом. *Син, оолах, пабаңның чоогын сизініп одыр, соонаң туза полар* – Ты, мальчик, вникай словам отца, впоследствии пригодится. *Ірімнің кізінең дее чөргенін сизінминчем* (Хч, 7) – Я даже и не замечаю, чтоб мой муж гулял на стороне. Глагол **ситкі-** может употребляться в сочетании с глаголами восприятия, тем самым характеризует процесс внимания. *Оолаам, минің чоогымны ситкіп истіп ал, чир дее ундуба* (По, 248) – Мой мальчик, послушай внимательно мои слова, никогда не забывай;

в) глагольные средства, обозначающие операции памяти: **сағын-** в ЛСВ «вспоминать», **сағын сал-** «запомнить», **сағын тап-** «отгадывать, загадывать», **сағын чөр-** «помнить», **сағыста тут-** «помнить; букв. держать в мыслях» **онна-** в ЛСВ «помнить», **сағын кил-** «вспомнить», **сағысха кир-** «вспоминать», **унду-** «забыть». *Ічемнің чоогын сағысха кирип, ікі хараамнаң час ахча* (Ат, 65) – [Я] плачу, вспоминая слова матери. *Ол чон сарынын мин, пір хатап икендөк, сағын салгам* – Эту народную песню, я запомнил, как только услышал один раз. *Пу сөспекті сағын тап поларзың ма?* – Отгадаешь ли ты эту загадку? *Читтер кибірлерібісті, тахпах-сарынарны ундутчалар* (Хч, 6) – Молодые забывают наши традиции, тахпахи – песни;

г) глаголы **хыгыр-** «читать», **пас-** «писать» и др. *Маңныг тузы пар полза, агаа хыныг нымахтар хыгырыбох пиредір* (Ат, 82) – Если появится свободное время, то читает ему интересные сказки;

3) имена с семантикой одушевлённого объекта (человек, конкретное имя, животные)

а) глагол **піл-** «знать» и его производные **піл пол-** «понимать» и **піліп ал-** «понимать». *Пілзіннер читтер постарының өбекелерін* – Пусть знает молодежь своих предков. *Т. А. Кидиекова поэзының тогысчыларын прай пілче* (Хч, 8) – Т. А. Кидиекова всех своих работников знает. *Хузурухтары сіліге ле кирек полчатхан аң-хустарны пілбинчем*

мин (По, 199) – Я не признаю тех зверей и птиц, чьи хвосты нужны только для красоты. В сочетании с прямым объектом, выражающим одушевленное лицо, глагол **пiл-** реализуется в ЛСВ «знать в лицо, быть знакомым».

Прямой объект с семантикой конкретного лица при глаголах **пiл пол-** «(мочь) понять, понимать» и **пiлiп ал-** «понимать» подразумевает характер, слова или поведение данного лица. В качестве одушевленного объекта при глаголах **пiл пол-** «(мочь) понять, понимать» и **пiлiп ал-** «понимать» обычно выступают имена со значением лица. *Таняны ибдегилери пiл полбинчалар* – Родные (букв. домочадцы) не понимают Таню. *Пот, пiлiп ал пу ипчилерни* – Вот, пойми этих женщин;

б) глагол **сагын-** в ЛСВ «думать», «вспоминать». *Оолагас аалдагы аргыстарын сагынча* – Мальчик вспоминает деревенских друзей;

в) глаголы со значением контроля (проверки): **сыныхта-** «проверять, контролировать». Обозначение объекта контроля именем одушевленного лица в форме винительного падежа подразумевает контроль за выполнением какой-либо работы данным лицом, деятельности, качеством и результатами его действия. Считаем, что в данном случае использование лица, выполняющего какие-либо работы, в качестве объекта, проводится в целях экономии языковых усилий говорящим, данный принцип обычно употребляется в разговорной и диалогической речи. *Олар кўнниң сай пiсти сыныхтапчалар* (Хч, 6) – Они каждый день проверяют нас. В этом предложении под местоимением **пiс** «мы» подразумеваются «какие-либо действия, выполняемые нами», а конкретно какие действия показывает более обширный контекст.

Глагол **сына-** «проверять, испытывать» также может управлять объектом с семантикой одушевленного лица. Здесь объектная позиция также минимизирована до обозначения конкретного лица. Однако в отличие от глагола **сыныхта-** «проверять, контролировать», объектная дифференциация глагола **сына-** предполагает характер, внутренние качества пациента. *Че тарынма, ол сини сынапча* – Ну ты не обижайся, он просто тебя испытывает;

г) глагольные средства, обозначающие операции памяти: **сагын-** в ЛСВ «вспоминать», **сагын сал-** «запомнить», **сагын чўр-** «помнить», **сагыста тут-** «помнить; букв. держать в мыслях» **оңна-** в ЛСВ «помнить», **сагын кил-** «вспомнить», **сагысха кир-** «вспоминать», **унду-** «забыть». *Пирсинде ээзи адайын тайгада ундут салтыр* (Т, 101) – Однажды, хозяин, оказывается, забыл [свою] собаку в тайге. *Минзер ўгренчи агылзалар, хачан даа тогырланминчам. Позымны сагысха кирчем. Алчаас иттин, хайди ўгренип аларзың* (Хчк, 69) – Если ко мне приводят ученика,

я никогда не отказываюсь, вспоминаю себя. Невозможно учиться, не делая ошибок;

д) глаголы **сана-** «считать», **санга ал-** «учитывать, регистрировать, брать в расчёт». *Тифтең ағырығларны санга алып, алынча имнецеңнер* (Нгу, 94) – Больных тифом регистрировали и лечили отдельно от остальных.

Мы солидарны с мнением М. И. Боргоякова, который отмечает, что собственные имена людей, неодушевлённых предметов (географических объектов, книг, журналов и т. д.) всегда являются конкретными и определёнными, поэтому нуждаются в оформлении аффиксом винительного падежа. «...Порядок оформления винительным и основным падежами прямого дополнения, выражаемого именами собственными, как и порядок оформления родительным и основным падежами притяжательного определения, выражаемого теми же именами, первоначально был связан с категорией одушевлённости-неодушевлённости, базирующейся на понятиях «лицо» – «нелицо», «класс лиц» – «класс нелиц (вещей)», а не с определённой-неопределённой, т. к. любое имя собственное уже есть что-то определённое и конкретизированное: категория определённости – неопределённости начинает играть важную роль в дальнейшем в связи с развитием письменного языка» [Боргояков, 1976, с. 60];

4) имена, называющие предметы пользования (книга, тетрадь, стих и т. д.)

Именами, называющими предметы пользования, могут управлять следующие глаголы:

а) глаголы со значением контроля (проверки): **сыныхта-** «проверять, контролировать», **сына-** «проверять, испытывать». *Сынында ниме анда полганын чахсы піліп алар үчүн, ол пічікті хатап сыныхтирға кирек* – Чтоб понять, что там произошло на самом деле, это письмо надо ещё раз проверить;

б) глаголы, связанные с внешними объектами: **хығыр-** «читать», **пас-** «писать», **хобыр-** «переписывать, копировать», **сиг-** «чертить», **хооста-** «рисовать», **сана-** «считать»: *Пу книганы кем хығырган?* – Кто читал эту книгу? «. *Книганың пастағы чардығын мин хынып хығырдым* – Я с интересом прочитал первую главу книги. *Сала ла маң ползох, хыс книгадаң кибелістерні хобыра пасча* – Как появится хоть немного свободного времени, девушка переписывает из книги стихи. *Самуил Маршактың «Вот какой рассеянный» кибелізін олганнар хынып үгренчелер* – Стихотворение Самуила Маршака «Вот какой рассеянный» дети учат с интересом. *Ол докладты үгретчі М. Е. Тинникова хығырган* (Хчк, 109) – Это т доклад читала учительница М. Е. Тинникова;

5) имена, называющие состояние живых существ (психологическое, эмоциональное, физиологическое)

Данной формой объекта могут управлять глаголы **пiл-** «знать», **пiлiп ал-** «понимать, осознать», **оңар-** «понимать», **оңна-** «понимать». *Ол кiзi ағырығларын хачан даа пiл полбас* – Он никогда не поймёт людскую боль. *Ице-пабаның сағыссыразын пала, улуг өссе, ле пiлiп алча* – Беспокойство своих родителей ребёнок осознает только тогда, когда вырастает. *Пос чўреениң хомзынызын пiлчеткен кiзi пасхаларының даа чўректерiнiң хомзынызын оңнир* (Хч, 13) – Человек, познавший страдания своего сердца, поймет страдания и других сердец;

6) прочая абстрактная лексика

Одиночные глаголы со значением мыслительного процесса: **тиңнестiр-** «сравнивать», **пiк-** «решать», **ўгрен-** «учить что-л.», **паала-** «оценивать, ценить», **пiл-** «знать», **iкiнчiле-** «сомневаться»: *Ам ну кiзiдiмнернi тиңнестiрiңер, ну ағырығларның салтарларынаңар позыңар сағыныңар* (Хч, 6) – А сейчас сравните эти примеры, о последствиях этих болезней думайте сами. *Андағ оой сурьғны хайди амға теере пiк полбинчазың* – Как ты до сих пор не можешь решить такой легкий вопрос. *Илбек орыс поэзиязын Пушкин чохта пiлбинчем* (Мк, 9) – Великую русскую поэзию без Пушкина я не признаю;

7) распространённое придаточное предложение

Как известно, в хакасском языке, как и в других тюркских языках, причастие может субстантивироваться, и в форме винительного падежа может использоваться в качестве прямого дополнения. При этом может принимать временные формы, а также лично-притяжательные аффиксы. Чаще субстантивированными причастиями в винительном падеже управляют глаголы эмоции, мышления, восприятия.

Наиболее распространённой формой выражения объекта в винительном падеже при ментальных глаголах является придаточное предложение. Поскольку содержанием мыслительного процесса может быть целая ситуация, в семантической структуре глагола возможно распространение объекта с семей «событийность» (события, процессы состояния), а на синтаксическом уровне – замещение позиции объекта не словоформой, а целым придаточным предложением, при этом лексемой, принимающей на себя аффикс винительного падежа, является субстантивированное причастие. Придаточным предложением в форме винительного падежа могут управлять такие глагольные лексемы, как **сағын-** в ЛСВ «вспоминать», **пiл-** «знать», **пiлiн-** «сознавать, осознавать», **пiл пол-** (чаще в отр. форме) «понимать», **пiлiп ал-** «понимать», **сағысха кир-** «вспоминать», **сана-** «считать», **санға ал-** «брать в расчёт», **паала-** «оценивать», **тиңнестiр-** «сравнивать», **оңар-** «понимать», **оңна** в ЛСВ «понимать»,

оңна в ЛСВ «заметить», **оңна-** в ЛСВ «помнить», **сизін-** «замечать», **сизік тарт-** «понять, смекнуть», **сис-** «заметить», **хабын-** «спохватиться», **ізен-** «надеяться» и др. *Ол ахча хайдар парганын кізі пілбинче* (Хч, 4) – Никто не знает, куда делись эти деньги. *Иирге теере одыр салганын позы даа пілінмин халған* (Хч, 6) – [Он] и сам не заметил, как просидел до вечера. *Піл полбинчатхам, хайдаг ниме пол парын, іди ойлатхлан чөрчеткеннерін* (Хч, 3) – Я не мог понять, что же случилось, почему они ездили туда-сюда. *Ўгренчі тузында хайди сохтанчых полганыбысты сагысха киргебіс* (Ит, 139) – Мы вспоминали, какие мы были шаловливые в школьные годы. *Анча кізі, анча аң-хусты көріп, азырап сыданчатханнарын санға алзаң, махтирың на килче* (Хч, 3) – Если брать в расчёт, что всего-то столько человек, ухаживая за столькими животными, кормят, хочется только похвалить. *Сірернің мыннаң мындар хайди чуртирға итчеткеннеріңні оңнап полбас* (Кч, 48) – Непонятно, как вы собираетесь жить дальше. *Хызычахха нога хыртыстанчатханын ол позы даа оңнап полбинча* (Х, 36) – Он и сам не может понять, почему так раздражается на девочку. *Ойнапчатхан олғаннарны көріп, иней күн чабыс тўс парганын даа оңнабин халған* (Ат, 44) – Следя за играющими детьми, старушка и не заметила, как солнце пошло на закат. *Минің изен-миндіме ол ниме нандырғанын мин оңнабинчам даа* (Ат, 62) – Я и не помню, что он ответил на мое приветствие. *Іце-паба тун хыстарының хоных хонар тузы чит килгенін кинетін не оңар салғаннар* (Кх, 137) – Роители вдруг поняли, что пришла пора выходить замуж их старшей дочери. *Аның сарынчы үні улам тыып, көрізі алғып одырарына изенчебіс* (Кч, 59) – Мы надеемся, что в дальнейшем его голос окрепнет и расширится [его] взгляд на мир. *Мындаг сагыстарға хаптырып, ырах парыбысханын ам на хабынған* (Ат, 50) – Задумавшись (букв. увлѣкшись такими мыслями), он сейчас только спохватился, что ушёл далеко.

Таким образом, в конструкциях ментальных глаголов объект часто может выражаться дополнением в форме винительного падежа. В роли дополнения могут выступать существительные, обозначающие имя действия живых существ или деятельности человека, определённую форму высказывания, одушевлѣнных существ и их состояния, предметы пользования, абстрактная лексика, распространѣнное придаточное предложение. Всего нами выделено 7 семантических групп лексем, потенциально замещающих позицию объекта в винительном падеже. Управление теми или иными конкретизаторами зависит от особенностей семантики ментального глагола. Однако не все ментальные глаголы могут управлять объектом в форме винительного падежа. Логически не соотносятся с прямым объектом глаголы со значением мнения: **сана-** «считать», **сағын-** в ЛСВ «считать», **көр-** в ЛСВ «считать, полагать».

3.1.2.2. Объектный инфинитив

Инфинитив – одна из признанных инфинитивных форм глагола. В общей системе глагольных форм она стоит в одном ряду с причастиями, деепричастиями, герундиями, масдарами, глагольными именами. В русском, в других европейских языках и в тюркологии инфинитив понимается примерно одинаково: обычно так называют форму, которая характеризуется негативно – как неспрягаемая, несвязанная с представлением о субъекте – агенте, лишенная подлежащей валентности, но сохраняющая все остальные валентности глагола, а также приобретающая косвенную субъектную валентность. Эти свойства инфинитива позволяют использовать его в качестве словарной формы глагола, поскольку он более четко, по сравнению с другими формами, представляет действие как таковое, само по себе [Черемисина, 2002, с. 3].

Исследователи считают, что инфинитив на **-арга** в тюркских языках Южной Сибири сложился на более позднем этапе, чем другие тюркские инфинитивные формы на базе форм дательного падежа безличного склонения причастия будущего времени на **-ар + га** [Черемисина, 2002, с. 3; Невская, 1988, с. 44].

В качестве объекта при ментальных глаголах могут выступать разнообразные виды придаточных предложений, с главным членом – инфинитивом, обозначающим зависимый глагольный признак.

Объектный инфинитив, где «субъект доминирующего глагола побуждает (каузирует) другое лицо исполнить действие, названное. В тюркских языках каузативные отношения выражаются специальными формами каузативного (или побудительного) залога. Эта «морфологическая параллель» существенно ограничивает сферу использования инфинитивных конструкций для выражения каузации. В этот тип входят, во-первых, конструкции с переходными глаголами, образованными от глаголов адаптации каузативными аффиксами: ср. *бичиирге урен* «учиться писать» – *бичиирге урет* «учить писать». Во-вторых, к ним примыкают глаголы с семантикой положительного или отрицательного влияния, содействия или противодействия субъекта доминирующего глагола совершенно инфинитивного действия... В-третьих, такие конструкции формируют глаголы вербальной каузации: просить (требовать, приказывать), разрешать, запрещать...» [Черемисина, 1995, с. 11].

С объектным инфинитивом чаще сочетаются следующие ментальные глаголы:

сағын- «думать». *Пуун палаларымны хайди азырарга, хайди тонандырарга сағынчам* (Хч, 3) – Сегодня я думаю, как мне накормить и одеть [своих] детей.

сағын- в ЛСВ «намереваться, иметь намерение, собираться делать что-л.». *Ол кізілерге чарыхнаң сынны пирерге сағынчаң* (По, 106) – Он хотел давать людям свет и правду. *Нимее ле сағын таап алгам школаа парарга* (Хчк, 70) – Что же это я надумал идти в школу? *Олар оғыр чабанның худын сыгарарга паза хомай хылыгын тастадарга сағын салғаннар* (Х, 14) – Они придумали большой план, как напугать вороватого чабана и заставить его бросить свою плохую привычку.

сағын- в ЛСВ «хотеть, проявлять желание делать что-л.». *Көңнім часхарарга сағынзам, Агбан хастади пар килчем* (Хч, 5) – Если хочу успокоить свою душу, прохаживаюсь по берегу Абакана;

піл- «знать». *Пілерзің амды хайди миннең талазарга* (По, 51) – Будешь теперь знать, как со мной спорить;

оңна- «соображать». *Ол хыс парыбыстыр. Оңнабиндыр ічем аны пістің чуртха кирерге* (Т, 53) – Эта девушка ушла, оказывается. [Моя] мама не сообразила, видимо, пригласить ее в наш дом. *Көрген нимені хачан даа оңнирға кирек, искен нимені хачан даа пілерге кирек* (У, 4) – То, что видишь, надо всегда понимать, то, что слышал, надо всегда помнить;

чарат- «решать». *Тогыс хадыллыг турада агаа чурт пирерге чараттылар* (Хч, 4) – Решили дать ему квартиру в девятиэтажном доме. *Аалда дача таап, анда чуртурга чаратханнар* (Хч, 138) – Решили найти дачу в деревне и там жить. *Мындаг чуртас идерін Ленин хачанох пөк салган полтыр. Чыылыгдагы чонның көбізі наа чуртасха кірерге чаратты* (Тко, 14) – Оказывается, Ленин уже давно решил основать такую жизнь. Большинство тех, кто был на собрании, решили начать новую жизнь;

пөгін тут- «намереваться». *Кем пілер, арса, ол пу хосты наачыли идерге пөгін тудар* (Хч, 7) – Кто знает, может, он решит обновить эту картину;

үгрет- «учить». *Ол пісті тогынарга, піліс аларга, чагбан чүректіг поларга үгретчең* (Хч, 3) – Он учил нас работать, получать знания, быть добрыми людьми. *Ол пісті постың пазынаң сағынарга үгретчең* (Хч, 3) – Он учил нас думать своей головой. *Че хайдаң магаа, хус тілін пілбинчеткен нимее, оларның тілдерін оңнирға* (Ат, 166) – Но откуда мне, типу, не знаюшему птичьего языка, понять их язык.

Функцию простого глагольного сказуемого хакасский инфинитив приобрёл, по мнению В. Г. Карпова, под влиянием русских структур [Карпов, 2007, с. 131].

Таким образом, выявлено, что с объектным инфинитивом сочетаются семь ментальных глаголов, выражающих значение намерения и желания.

3.2.3. Объектный делибератив

В хакасском языке из ментальных глаголов в управлении делибертивным объектом наиболее частотным является глагол **сағын-** «думать» *Ұлгее киліп алып, пайып алардаңар ла сағынчалар* (Хч, 2) – Придя во власть, думают только о том, как бы разбогатеть. *Ол тогызынаңар көп сағынча, аннаңар сөстерже «көдлбек» нимес* (Хч, 3) – Он много думает о [своей] работе, поэтому «не щедр» на слова. *Хыйғаң поэыңаңар ла сағынарға читче* (Ат, 91) – Тебе [твоего] ума хватает только для того, чтоб думать только о себе. *Хосхар алып сабланыстаңар даа сағынмаан. Ол сағынған поэының чирі-суунаңар* (Ах, 71) – Богатырь Хосхар даже и не мечтал о славе, он думал о своей Родине.

В своих конструкциях открывают позиции делибертива глагол **піл-** «знать» и его производные сложные глаголы **піл пол-** «понимать» (чаще в отриц. форме), **піліп ал-** в ЛСВ «получить сведения о происходящей ситуации», ФЕ **сағысха түс-** «задумываться; букв. спускаться в мысли; задумываться», **хығыр-** «читать» и др. *Томск облазындагы Тегульдет районында иледе хакастар чуртапчатханынаңар піс пілчебіс* (Хч, 8) – Мы знаем о том, что в Тегульдетском районе Томской области живёт много хакасов. *Пос чонының пурунғызынаңар пілерге харасчалар* (Хч, 8) – Они хотят знать о прошлом своего народа. *Чонымның пурунғы чуртазынаңар көп піліп алгам* (Кч, 7) – Я много узнал о прежней жизни моего народа. *Нимедеңер-де сағысха түзібіскен, анаң поэы даа пілінмин халып, чылгайахтан парып, суғзар сас-ойда парған* (Ат, 83) – О чём-то задумался, затем и сам не заметил, как, поскользнувшись, упал навзничь на воду. *«Борец» совхозтаңар газетада хығырчабыс* (Хчк, 57) – Про совхоз «Борец» читаем в газете.

3.3. ТИПОВАЯ СОЧЕТАЕМОСТЬ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Принадлежность глаголов к определённой группировке предполагает однотипную сочетаемость. Глаголы, состоящие в одной ЛСГ, объединены не только общностью категориально-лексического признака, но и, как следствие, данной семантической общности вытекает и такое явление, как типовая сочетаемость. Такое сходство проявляется также в наличии типовой сочетаемости, в связанности с определёнными семантическим моделями предложений, в определённых закономерностях их парадигматических соотношений внутри группы, в широком развитии у них функциональной эквивалентности (синонимии в широком смысле слова),

органически связанной с многозначностью, которая в данном случае нередко приобретает типовой (регулярный) характер» [Лексико-семантические группы..., 1989, с. 6]. Данный тезис далее получает развитие в том, что «... типовые позиции, выявляющие сочетаемость, закономерно соотносены с типовыми дифференциальными признаками. В этом особенно наглядно проявляется единство системной организации глагольной ЛСГ, определяемое в конечном счёте единством категориально-лексической семантики» [Лексико-семантические группы..., 1989, с. 158]. Относительно сказанного приведём пример того, что позицией винительного объекта могут управлять глаголы говорения, мыслительной деятельности, а также глаголы физического действия (созидания, разрушения, деления, взятия, давания и др.). Данная позиция обозначает полное обладание субъектом объекта.

Такая типовая сочетаемость проявляется в однотипной грамматической сочетаемости. Глаголы, как члены одного грамматического разряда, связаны общей категориально-лексической семой и типовыми дифференциальными признаками. Например, учёт этих двух типов сочетаемости позволяет выделить типовую сочетаемость глаголов эмоции, т. е. дать определённую характеристику тех позиций, которые представлены в конструкциях глаголов: субъект + причина (стимул) + глагол. В качестве субъекта обычно выступает одушевлённое лицо. Позиция причины (стимула) эмоционального переживания (состояния) может выражаться типовыми синтаксическими оформлениями.

Т. П. Ломтев предлагает четыре уровня описания семантически х моделей: на первом этапе определяется структура события, на втором предметом исследования является интеллектуальное осмысление события и выявляются предикаты и предикатные предметы, на третьем – грамматические формы имен, на четвёртом – лексика, манифестирующая определённый тип предикатных отношений. При этом используется сложный способ символического изображения семантической модели предложений [Ломтев, 1972, с. 55].

Следует отметить, что позиция субъекта в конструкциях имеет обыкновение выпадать, но легко восстанавливается из предыдущих предложений и определяется из контекста. Цель такого выпадения сводится к тому, что в данной конструкции главная мысль сосредоточена в сказуемом, «... а предложение с опущенным подлежащим включалось бы в текст как непосредственное продолжение предшествующего суждения» [Хазраткулов, 1964, с. 76]. На наш взгляд, автор допускает отсутствие позиции субъекта во избежание повторяемости, т. к. обычно конструкция с нулевой позицией субъекта представляет собой фрагмент более обширного описания данного персонажа в нескольких предложениях или даже

целом абзаце. При этом в таких конструкциях под отсутствующим субъектом воспринимается только конкретное лицо с определённым именем. Но ни в коем случае эта нулевая позиция субъекта не подразумевает личное местоимение или термины, обозначающие понятие «человек». Например, *Пурбачахты тохтадып алып, тылаастар сураглаан: – Хайдар парчазың? Ноо кирекнең?* (Кх, 47) – Остановив Пурбачах, расспрашивал новости: – Куда идёшь? По каким делам? Из этого предложения мы знаем, что здесь в роли субъекта выступает именно *Сакис*, а не *он*, или *мужчина*, или *дезертир* [Чертыкова, 2005, с. 149].

В конструкциях глаголов мыслительной деятельности, говорения, эмоции позицию объекта занимают имена в винительном падеже, деепричастный оборот, деепричастный оборот со связкой *тiп*, имя со связкой *тiп*, прямая речь, форма на *-наңар/-неңер*, *-даңар/-деңер*, инфинитив и т. п. – *Апар сал мині ибiмзер, пабам, – сурынча Таначах* – Отведи меня домой, папа, – просит девочка. *Оолах, кўн тооза ойнаан ўчўн, iчезiне кўрледiп, сыгыдынча* – Мальчик всхлипывает, мама ругала из-за того, играл целый день.

Глаголы, относящиеся к разным ЛСГ, могут взаимодействовать друг с другом. Эти связи проявляются в наличии общих типовых позиций. Установлено, что наиболее употребительной формой выражения объекта в конструкциях с ментальными глаголами является придаточное предложение с доминирующим сказуемым в винительном падеже и распространённый делибератив. Имя в винительном падеже и в форме делибератива при ментальных глаголах представляют собой пропозицию, например, *думать о друге* значит думать о его делах, проблемах, как их решать, что надо бы к нему съездить, написать ему письмо, встретиться с ним и т. д. Объектный инфинитив обычно представляет собой действие, к совершению которого намеревается или приобретает умения и навыки субъект. Способность ментального глагола открывать те или иные позиции определяется его семантикой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведённом исследовании ментальные глагольные единицы впервые в хакасском языке подвергнуты функционально-семантическому описанию в рамках одной ЛСГ. Проведённое исследование данных глаголов позволило нам сделать следующие выводы:

1. Лексическая система любого языка состоит из пересекающихся и взаимодействующих подсистем, объединяющих лексические единицы на основании определённых парадигматических и синтагматических взаимоотношений. Ментальные глаголы (или глаголы со значением мыслительной деятельности) объединяются в одну ЛСГ по общей категориально-лексической семе «осуществление ментальной деятельности» и представляют одну из базовых категорий в языковом поле.
2. Основными внутрисистемными отношениями являются гипогиперонимические и синонимические отношения, пронизывающие данную структуру насквозь и сверху донизу. Гипо-гиперонимические, или квазисинонимические отношения, представлены функциональной эквивалентностью и контекстуальной синонимией.
3. В системе ментальных глаголов широко развито явление многозначности, которая компенсирует малочисленность этих глаголов, при этом ЛСВ многозначных ментальных глаголов редко выходят за пределы ментальной сферы. Поскольку семантика глагола неразрывно связана с его сочетаемостью, исследование структуры многозначного глагола опирается на его реализацию в контексте. ЛСВ одного глагола, являясь равноправными проявлениями его значений, в конструкции формируют свои типовые актантные окружения. Однако для ментальных глаголов в силу их логической предназначённости не свойственно явление антонимии. Здесь мы можем выделить лишь одну антонимическую пару на уровне базовых глаголов: **сағын чёр** «помнить; букв. ходить и думать» и **унду** «забыть».
4. Системное описание лексики требует изучения её в функционально-семантическом, парадигматическом и синтагматическом аспектах. При этом анализируется семантика каждого глагола, в которую входит семантический признак, обуславливающий его принадлежность к одной ЛСГ, и дифференциальные семы, противопоставляющие их другим членам группы. Обычно эти семы выявляются при описании их сочетаемостных особенностей, что говорит о неразрывной связи семантики глагола и его сочетаемости.

5. Ментальная глагольная лексика по признаку направленности действия на результат делится на две категории: глаголы ментальных действий (глаголы мышления) и ментальных состояний (глаголы знания). Важным свойством глаголов мышления является «динамичность», а глаголов же знания – «статичность» их носителя. Каждое из этих полей дифференцируется на отдельные подгруппы по определённым семантическим признакам. Соответственно, ЛСГ ментальных глаголов имеет два идентификатора, выражающих общее категориально-лексическое значение глаголов каждой из двух категорий: глагол **сағын-** «думать» и глагол **піл-** «знать». Данные глаголы являются многозначными, имеющими аналитические и синтетические варианты.
6. ЛСГ ментальных глаголов является самостоятельной семантической группировкой, объединённой на основе общей категориально-семантической семы, которая является основной в значении каждого глагола, входящего в состав ЛСГ. Она имеет иерархическую структуру и в максимальном виде включает четыре уровня: подгруппы – микрогруппы – синонимические ряды – подряды. На первом этапе ментальные глаголы по семе результативности мыслительного процесса подразделяются на две большие группы: глаголы интеллектуального процесса и глаголы интеллектуального состояния. В составе каждой подгруппы по общности инвариантных значений глаголы составляют семантические микрогруппы.
7. Ментальные глаголы являются базовыми в любом языке, в свою очередь в составе каждой ЛСГ имеется ядро и периферия. В ядро ЛСГ ментальных глаголов входят базовые глаголы, выражающие общие инвариантные значения семантических подгрупп, например, **сизін-** в ЛСВ «заметить», **сана-** «считать», **унду-** «забывать», **онар-** в ЛСВ «понимать» и др.
8. Система ЛСГ ментальных глаголов имеет веерный тип построения. При классификации ментальные глаголы изначально делятся по семантическому признаку направленности на результат (статичности / динамичности интеллектуальной деятельности) на две категории: 1) глаголы со значением мышления (оперирования знанием); 2) глаголы со значением знания (обладания знанием). Идентификатор первой подгруппы – глагол **сағын-** «думать». Анализ семантической структуры данного глагола выявил 4 первичных и 4 вторичных ЛСВ его семантики, а также 12 сложных глаголов по типу **сағын-** + вспомогательный глагол: **сағын қил-** «вспоминать», **сағын сал-** «1) задумать; 2) подумать», **сағын тап-** «1) придумать; 2) отгадывать», **сағынып ал-** «1) придумать; 2) задумать» и др. Все эти элементы па-

радикального содержания образуют семантическое гнездо многозначного глагола **сағын-** «думать». Идентификатор второй подгруппы – глагол **піл-** «знать», который в контексте реализует 5 ЛСВ своего значения: 1) знать что-л.; 2) уметь делать что-л.; 3) знать, быть знакомым с кем-л.; 4) понимать что-л.; 5) помнить что-л. Проведён анализ и производных от **піл-** глаголов: **пілін-** «сознавать», **піліс-** «понимать друг друга», **піл пол-** «понимать» и **піліп ал-** «понимать», представляющих его ближайшее понятийное окружение.

Далее глаголы со значением интеллектуального процесса (мышления) по дифференцированным признакам классифицируются по подгруппам: 1) глаголы со значением понимания (12 лексических единиц), базовый глагол **оңна-** «понимать»; 2) глаголы со значением внимания (13 глагольных единиц), базовый глагол **сизін-** «замечать»; 3) глаголы со значением контроля (проверки) (4 глагольные единицы), базовый глагол **сыныхта-** «проверять, контролировать». В микрогруппе глаголов интеллектуального состояния выделяем подгруппы: 1) глаголы со значением мнения (3 глагола), базовый глагол **сана-** «считать»; 2) глагольные средства, выражающие операции памяти (23 глагольные единицы). Наиболее частотны в обозначении различных аспектов интеллектуальной деятельности ФЕ, образованные по типу «**сағыс** «мысли, дума» + глагол». Они распределяются по следующим разрядам: 1) ФЕ с общим значением «хранить в памяти информацию»; 2) ФЕ с общим значением «пополнять в памяти информацию»; 3) ФЕ с общим значением «терять (из памяти) информацию, сознание».

9. Полная структурно-семантическая модель конструкций с ментальными глаголами включает позиции субъекта, объекта (прямой речи, придаточного предложения со связкой **тіп**, имени со связкой **тіп**, придаточного предложения с доминирующим сказуемым в винительном падеже, делибератива и объектного инфинитива). Установлено, что наиболее употребительной формой выражения объекта в конструкциях с ментальными глаголами являются придаточное предложение с доминирующим сказуемым в винительном падеже и распространенный делибератив. Имя в винительном падеже и имя в форме делибератива при ментальных глаголах представляют собой пропозицию. Объектный инфинитив обычно представляет собой действие, к совершению которого намеревается или приобретает умения и навыки субъект. Способность ментального глагола открывать те или иные позиции определяется его семантикой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аммосова И. В. Анализ семантических структур многозначных глаголов «кыбыт» и «кэл» на материале Большого толкового словаря якутского языка // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. Вып. № 130. С. 136–140.
2. Аринштейн В. И. Структура предложения и семантика глаголов (К проблеме обязательности / факультативности объекта) // Взаимодействие языковых единиц различных уровней. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. С. 3–16.
3. Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 7–30.
4. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / АН СССР. Институт языкознания. М.: Наука, 1976. 383 с.
5. Апресян Ю. Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке // Русский язык в научном освещении. М., 2001. № 1. С. 5–26.
6. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
7. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Избранные труды. Том II. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.
8. Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: знать и его синонимы / Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 43–63.
9. Апресян Ю. Д. Синонимия ментальных предикатов: группа считать // Логический анализ языка: Ментальные действия. М., 1993. С. 7–22.
10. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. Изд. второе. М., 2004. 294 с. (Лингвистическое наследие XX века)
11. Ахмагова М. А. Репрезентация ментальности в карачаево-балкарских паремиях // Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Абакан, 2018. С. 168–173.
12. Ахмагова М. А., Кетенчиев М. Б. Репрезентация концепта «ум» в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 2(30). С. 57–64.
13. Бажжани Л. Лексико-синтаксическая сочетаемость глаголов знания в русском языке на фоне словацкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 20 с.
14. Бичелдей К. Н. Вопросительно-модальные глаголы хакасского языка и их соответствия в некоторых тюркских языках // Алтайские языки и восточная филология: Памяти Э. Р. Тенишева. М.: ИЯ РАН, 2005. С. 67–75.
15. Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание и связи с другими тюркскими языками. Изд. 2-е. Казань, 1953. 220 с.
16. Боргояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан. 159 с.
17. Борисова Г. В. Опыт исследования системной организации лексических значений многозначного слова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1984. 38 с.
18. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 31–54.

19. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью? // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 46–63.
20. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Грамматика поэра // Логический анализ языка. Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. 448 с.
21. Быстрова Л. В., Капатрук Н. Д., Левицкий В. В. К вопросу о принципах и методах выделения лексико-семантических групп слов // Филологические науки. 1980. № 6. С. 75–78.
22. Бяковская Н. Г. Глаголы мысли в русском языке и их концептуально-семантические особенности // *Lingua mobilis*. Научный журнал. № 3 (29). Челябинск: ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет». Вузовская академическая лаборатория межкультурных коммуникаций. 2011. С. 35–44.
23. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высшая школа, 1981. 184 с.
24. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, речи, мысли // Очерки по семантике русского глагола / под ред. А. Ф. Нестерова. Уфа. 1971. С. 38–310.
25. Вещилова В. Ф. Глаголы движения в турецком языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть IV. Лексика. М., 1962. С. 93–105.
26. Виноградов В. В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): учебное пособие для вузов. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
27. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): учебное пособие для вузов / отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
28. Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. 601 с.
29. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова / Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 162–189.
30. Волченков Э. И. О взаимосвязи внимания, восприятия и памяти в структуре основных психических процессов // *Сервис Plus*: научный журнал. 2009. № 2. С. 22–25.
31. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
32. Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука. 1993. С. 22–29.
33. Гаптелганиева Д. М. Многозначность и омонимия в системе татарской глагольной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань. 1999. 28 с.
34. Гибатова Г. Ф. Ментальные сферы русского языка: мнение и оценка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Специальность: 10.02.01 Русский язык. Уфа. 2011. 58 с.
35. Гибатова Г. Ф. Мир мысли в русских предикатах // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2010. № 124. С. 182–192.
36. Графова Т. А. Смысловая структура эмотивных предикатов // *Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности*. М.: Наука, 1991. С. 67–99.
37. Гришина Н. М., Стексова Т. И. Конструкции с объектным распространением ментальных глаголов в русском и кетском языках // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2006. № 9. С. 57–61.
38. Джалилова П.-З. И. Синонимы и синонимические отношения в лексике кумыкского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2003. 25 с.
39. Дмитриев Н. К. Глаголы мышления (*verba sentiendi*) // *Строй тюркских языков* / под ред. Н. К. Дмитриева. М.: Издательство восточной литературы. 1962. С. 577–581.
40. Дмитриев Н. К. Глаголы речи в языках тюркской группы. Глаголы мышления. Глаголы действия. Глаголы движения // Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе. М., 1952. 580 с.

41. Дмитриевская М. А. Философия памяти // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 78–85.
42. Дмитриевская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М.: Индрик, 2003. С. 47–55.
43. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Прагматический период. М.: Восточная литература, 2007. 227 с.
44. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика. М., 1999. С. 131–256.
45. Ефанова Л. Г. Семантика нормы в русских глаголах ментальной деятельности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 3. С. 5–9.
46. Зализняк А. А. Контролируемость ситуации в языке и в жизни / Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 138–145.
47. Зализняк А. А. Читать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 187–194.
48. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы её представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 672 с.
49. Золотова Г. А. О субъекте предложения в современном русском языке // Научные достижения высшей школы. Серия Филологические науки. 1981. № 1. С. 33–42.
50. Ибрагимова В. Л. К синтагматической характеристике глаголов движения в современном русском языке // Семантика и структура предложения. Уфа: БГУ, 1978. 143 с.
51. Иванова Г. Ф. Мнения объективные и субъективные // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5 (143). Филология. Искусствоведение. Вып. 29. С. 28–36.
52. Иванова Г. Ф. Мнение в культуре и языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: 2008. № 84. С. 121–128.
53. Ивашкович Т. И. Лексико-синтаксическое структурирование семантического поля «Знание. Компетентность» в современном русском языке (лексикографический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. 24 с.
54. Иштанова Р. К. Глаголы татарского языка в семантическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань. 2002. 24 с.
55. Кадола Т. А. Русские ментальные глаголы в аспекте полиситуативности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Специальность: 10.02.01. Кемерово. 2004. 28 с.
56. Каксин А. Д. Абстрактная лексика в хантыйском языке: исконная и заимствованная // Мога. Научно-теоретический часопис з мовознавства. 2009. № 14. С. 150–153.
57. Каксин А. Д. Об оптимизации «сложного синтаксиса» в текстах газетной публицистики // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме: материалы третьей Международной научной конференции (Барнаул, 24–29 апреля 2012 г.) / под ред. Н. В. Панченко, Т. В. Чернышовой, А. А. Чувакина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 225–228.
58. Каксин А. Д. Мировоззрение человека и его отражение в языке (к проблематике современного типологического языкознания) // Язык: история и современность: научный журнал (Нальчик). 2017. № 1. С. 52–59.
59. Каныгина Н. В. Семантическое ядро и периферия лексико-семантической группы глаголов понимания в английском языке // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 5 (36). С. 250–253.
60. Копырина Е. П. Полисемия глаголов физического воздействия на объект в якутском языке / отв. ред. Н. Н. Ефремов. Новосибирск: Наука, 2012. 163 с.
61. Карпов В. Г. Хакасский язык: проблемы и перспективы развития: монографический сборник научных статей. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2007. 260 с.

62. Карпов В. Г. Семантика глагола **пол-** «быть», его морфологические и синтаксические функции в хакасском языке // Исследования по современному хакасскому языку. Абакан, 1980. С. 63–74.
63. Классы слов как явления лексической парадигматики. URL: library.ru/help/docs/n30568/1.doc.
64. Клацки Р. Память человека. Структура и процессы. М.: Мир, 1978. 319 с.
65. Кожевникова Л. А. Лексическая и синтаксическая характеристика глаголов мышления в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. 24 с.
66. Коклянова А. А. Категория времени в современном узбекском языке. М.: Изд-во АН СССР. 1963. 122 с.
67. Кокошников О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск. 2004. 137 с.
68. Колесов В. В. Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. 326 с.
69. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение. 2006. 624 с.
70. Кондрагено Л. И. Глаголы интеллектуальной деятельности (на примере текстов прозы И. С. Тургенева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 2005. 19 с.
71. Кропотова Л. В. Проблема разграничения синонимии и вариантности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2009. № 2 (4). С. 157–161.
72. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. (Язык. Семиотика. Культура).
73. Кузнецова Э. В. Лексико-семантическая группа слов и методы ее описания // Актуальные проблемы лексикологии: тезисы докладов лингвистической конференции. Новосибирск: Новосибирский государственный университет. Вып. 11. 1969. С. 99–101.
74. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1982. 216 с.
75. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка: учебное пособие для фил. фак. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа. 1989. 216 с.
76. Кузнецова Э. В. Русские глаголы «приобщения объекта» как функционально-семантический класс слов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974.
77. Кузнецова Э. В., Боровикова Н. А. Функциональная эквивалентность глаголов в ЛСГ // Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1989. 177 с.
78. Кулиев Г. К. Семантические группы глаголов (на материале юго-западной группы тюркских языков) // Советская тюркология. 1975. С. 7–16.
79. Кулмагамбетова Б. Б. Аффиксальное образование глаголов в современном казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1956. 24 с.
80. Кусова М. Л. «Дума» и «Мысль» в языковом сознании носителя русского языка // Новые подходы к изучению семантики. Екатеринбург, 2012. С. 101–105.
81. Лазарис Т. Н. Семантико-синтаксические свойства глаголов со значением понимания // Семантика и функционирование английского глагола: межвуз. сб. научных трудов. Горький, 1985. С. 28–36.
82. Лексико-семантические группы русских глаголов: коллективная монография / научный редактор Э. В. Кузнецова. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1989. 176 с.
83. Липатов Д. Т. Лексико-семантические группы слов и моносемные поля синонимов // Филологические науки. 1981. № 2. С. 51–57.

84. Ломтев Т. П. Конституенты предложений с глаголами речи // Члены предложения в языках разных типов. Л., 1972. С. 50–78.
85. Мамаева Ф. Т. Способы выражения субъекта и семантическая структура простого предложения в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Специальность: 10.02.02. Нальчик, 2005. 17 с.
86. Матвеева Е. П. Семантическая структура многозначного глагола в якутском языке (непроизводные глаголы физического воздействия на объект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Специальность: 10.02.02 – Языки народов РФ. Якутск. 2007. 24 с.
87. Матвеева Е. П. Семантическая структура глагола **бил-** «знать» в якутском языке (в сопоставлении с алтайским глаголом **бил-** «знать») // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 193–197.
88. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат-ат-Турк / перевод, предисловие и комментарии З.-А.М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
89. Мухамедзянова Е. К. Моносемантические глаголы современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский педагогический университет. 1998. 24 с.
90. Недялкова Т. М. К вопросу о системной организации глаголов речи в современном немецком языке // Учёные записки 1 Московского гос. пед. ин-та ин. яз. Т. 23. М., 1960. С. 319–342.
91. Ознова А. А. Модальные аналитические конструкции с семантикой возможности в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири / под ред. Н. Н. Широковой. Новосибирск: Изд-во СОРАН, Научно-издательский центр ОИГТМ, 1999. С. 138–150.
92. Омельченко С. Р. Ментальные глаголы в речи казаков Нижнего Поволжья. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2006. 411 с.
93. Омельченко С. Р. Функционально-семантическая характеристика русских ментальных глаголов // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 31. С. 217–229.
94. Падучева Е. В. О параметрах лексического значения глагола: онтологическая категория и тематический класс // Русский язык сегодня. Проблемы русской лексикографии. М., 2004. С. 213–238.
95. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР. 1959. 382 с.
96. Пронина Е. В. Глагольная лексика старославянского языка в системном рассмотрении. Тула: Изд-во ТулГУ, 2007. 157 с.
97. Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 117 с.
98. Рассадин В. И., Трофимова С. М. О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности / отв. ред. С. Л. Чарёв. Элиста: Изд-во Калм. ун-та. 2012. 180 с.
99. Ребрина Л. Н. Лексические средства репрезентации операций памяти в немецком языке: принципы лингвистического анализа // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2008. № 2. С. 112–118.
100. Ребрина Л. Н. Репрезентация операций памяти в семантике глагольных единиц немецкого языка: автореф. дис. ... кандидата филологических наук. Волгоград, 2007. 22 с.
101. Рябцева Н. К. Ментальная сфера по данным языка: Когнитивный аспект // Семиотика. Лингвистика. Поэтика. К 100-летию А. А. Реформатского / отв. ред. В. А. Виноградов. М. 2004. С. 453–465.

102. Саналова Б. Б. Глаголы мыслительной деятельности в алтайском языке (в сопоставлении с киргизским языком). Горно-Алтайск, 2007. 167 с.
103. Саналова Б. Б. Лексико-семантические параллели в алтайском и киргизском языках (на материале ментальных глаголов) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 6–2. С. 145–151.
104. Сандиго-Гросс Э. Поле понимания в современном английском языке. Характерологическое исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1991. 28 с.
105. Серээдар Н. Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995. 24 с.
106. Серээдар Н. Ч. Значения прямого объекта в модели действия в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2009. № 4. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_4921-sereedar.html (дата обращения: 24.12.2019).
107. Стариченок В. Д. Репрезентация вторичных ментальных номинаций в русском и белорусском языках (на материале адъективной и субстантивной лексики) // Развитие фундаментальной науки в БГПУ: материалы науч.-практ. конф., г. Минск, 19 ноября 2015 г.; 2016. URL: <http://elib.bspu.by/handle/doc/13330> (дата обращения: 23.03.2018).
108. Старостина Е. В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения: на материале ассоциативных реакций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 26 с.
109. Стеванович Р. И. Роль зрительного восприятия в ментальной сфере и его отражение в языковой картине мира (на материале русского и английского языков) // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). № 1. Часть 1. 2011. С. 306–310.
110. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М.: Изд-во МГУ, 1998. 319 с.
111. Степанов Ю. С. Иерархия имен и ранги субъектов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1979. Т. 38. С. 335–348.
112. Стернин И. А., Рудакова А. В. Словарные дефиниции и семантический анализ. Воронеж: Истоки, 2017. 34 с.
113. Схематизация терминов и понятий лексикологии (на материале вузовского курса «Современный русский литературный язык») / сост. Н. А. Лукьянова, Н. П. Романова. Новосибирск, 1993. 47 с.
114. Тадинова Р. А. Глагольные тюркизмы в кавказских языках. М.: Советский писатель, 2005. 193 с.
115. Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. М.: Наука, 1987. 198 с.
116. Туровский В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / ред.: Н. Д. Арутюнова, Н. Ф. Спиридонова. М.: Индрик. 2003. С. 345–350.
117. Тьбыкова А. Т. Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991. 228 с.
118. Тунтешева Е. В., Шагдурова О. Ю., Байыр-оол А. В., Широбокова Н. Н. Глаголы интеллектуальной деятельности в тюркских языках и диалектах Саяно-Алтая // Сибирский филологический журнал. 2015. Вып. 4. С. 251–266.
119. Убрятова Е. И. Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским и тунгусо-маньчжурским. М.: Восточная литература, 1960. 13 с.
120. Усманова М. Г. Функционально-семантическая классификация глаголов башкирского языка. Уфа: РИОР УНИМЦ, 2002. 212 с.
121. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. 272 с.
122. Уфимцева А. А. Проблемы системной организации лексики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук М., 1970. 30 с.

123. Уфимцева А. А. Лексическое значение: принципы семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. 240 с.
124. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). М.: Изд-во АН СССР, 1962. 287 с.
125. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски исследования в честь на акад. Стефан Младенов. София, 1957. С. 48–49.
126. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. М., 1987. С. 18–47.
127. Хазраткулов А. Употребление неполных предложений в узбекском языке // Учёные записки. Серия русской филологии. Вып. 14. Карши, 1964. С. 75–80.
128. Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 3–18.
129. Черемисина М. И. О структурно-семантических типах простого предложения в тюркских языках Южной Сибири // Языки, духовная культура и будущее народов Арктики. Якутск, 1993. С. 11–12.
130. Черемисина М. И. Осложнённое предложение в его отношении к сложному и простому // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск, 2002. С. 3–24.
131. Черемисина М. И. Основные типы аналитических конструкций в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 1995. С. 3–22.
132. Черемисина М. И. Модель (гипермодель) описания действия {N=1 N=4 (N=7) Vtr} // Языки коренных народов Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 1998. С. 35–60.
133. Черемисина М. И., Озюнова А. А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири // Новосибирск: Любава, 2008. 205 с.
134. Чертыкова М. Д. Структура лексико-семантической группы ментальных глаголов в хакасском языке // Урал – Алтай: через века в будущее: материалы VI Всероссийской тюркологической конференции (с международным участием) (Уфа, 12–14 мая 2014 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 120–122.
135. Чертыкова М. Д. Глаголы со значением контроля (проверки) в хакасском языке // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (24–26 сентября 2014 г.). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2014. С. 151–153.
136. Чертыкова М. Д. Семантическая структура глагола сагын- «думать» в хакасском языке // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1 (57). Т. 1. С. 161–165.
137. Чертыкова М. Д. Семантическая структура глагола пил- «знать» и его производных в хакасском языке // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3 (24). С. 178–184.
138. Чертыкова М. Д. Глагольная репрезентация смыслового поля «мнение» в хакасском языке // Вестник ВЭГУ (Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия, Уфа). 2014. № 1 (69). С. 134–140.
139. Чертыкова М. Д. Объектные распространители в конструкциях с ментальными глаголами в хакасском и алтайском языках // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 1. С. 107–111.
140. Чертыкова М. Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). Абакан: Хакасское книжное изд-во. 2005. 180 с.

141. Чертыкова М. Д. Семантическое пространство «сагыс + глагол» в составе лексико-семантической группы глаголов мышления в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования: научный журнал. 2013. № 3 (40). С. 241–243.
142. Чертыкова М. Д. Семантическая эволюция базовых ментальных лексем (на примере межязыковых эквивалентов в сибирских тюркских, киргизском и монгольском языках) // Теоретическая и прикладная лингвистика: научный журнал (Благовещенск). 2018. № 2. С. 99–113.
143. Чугунекова А. Н. Глаголы движения в хакасском языке: учебное пособие. Абакан: Издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2002. 100 с.
144. Чугунекова А. Н. Модели элементарных простых предложений каузированного перемещения объекта в пространстве (на материале хакасского языка) // Oriental Studies. 2020. № 13 (1). С. 208–224.
145. Шамина Л. А. Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск: Любава, 2010. 196 с.
146. Шатуновский И. В. О трояком делении в области мнения в русском языке // Russian Language and Literature Studies. 2008. № 2 Serial. № 20. С. 1–12.
147. Шатуновский И. Б. Думать и считать: ещё раз о видах мнения // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 127–134.
148. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941. 388 с.
149. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука. 1973. 279 с.
150. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение. 1974. 427 с.
151. Щербак А. М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков / Ин-т лингвистических исследований РАН; Ин-т гуманитарных исследований АН Республика Саха (Якутия). СПб.: Наука, 2005. 195 с.
152. Юлдашев А. А. Глаголы чувственного восприятия в тюркских языках // Историческое развитие лексики в тюркских языках. М.: АН СССР. 1961. С. 294–322.
153. Ketterer A. Semantik der Bewegungsverben. Zürich: Juris, 1971.
154. Lyons J. Semantics II. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
155. Mäkilä K. Sposoby vyrazheniya odnonapravlenosti i neodnonapravlenosti dvizheniya v russkom i finskomazykach. Helsinki, 1988.
156. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Heidelberg, 1931.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах / под общ. ред. ак. АН Монголии А. Лувсандэндэва и доктора филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба; отв. ред. доктор филол. наук, проф. Г. Ц. Пюрбеев. Ок. 70000 слов. М.: АCADEMIA, 2001. 2007 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

БТСРГ – Бабенко Л. Г. Большой толковый словарь русских глаголов. М.: АСТ-Пресс, 2007. 576 с.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / автор и руководитель проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

ДТС – Древнетюркский словарь / редакторы В. М. Надеяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1969. 676 с.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство: ИТИ. Технологии. Страна, 2005. 944 с.

ОРС – Ойротско-русский словарь: ок. 10 000 сл. / сост. Н. А. Баскаков, Т. М. Гошакова; под общ. ред. Н. А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. Словарей, 1947. 312 с.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе изд., испр. и дополн. / под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. 1298 с.

РТС – Русско-тувинский словарь: 32 000 слов / М. Д. Биче-оол, А. К. Делгер-оол, А. Ч. Кунаа [и др.]; под ред. Д. А. Монгуша. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2015. 664 с.

КРС – Кыргызско-русский словарь: 40 000 слов / под ред. К. К. Юдахина. Изд. 4-ое. Б.: «Улуу Тоолор», 2015. 1092 с.

Материалы... – Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая / отв. редакторы Н. Н. Широбокова, О. Ю. Шагдурова. Новосибирск: Изд-во «Омега Принт», 2013. 176 с.

СТРиРТ – Рассадин В. И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский: учебное пособие для уч-хся ср. школ. СПб: Дрофа. Санкт-Петербург, 2005. 295 с.

ТСРЯ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополн. М.: ООО «А ТЕМП». 2006. 944 с.

ТСТЯ – Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Новосибирск: Наука, 2011. 798 с. (Т. II: К – С)

ТСХЯ – Толковый словарь хакасского языка = Хакас тілінің чарыдыглыгы сѳстїгі. Более 5 000 слов. Том I. А-П / авторы: О. П. Анжиганова, П. Е. Белоглазов, А. С. Кызласов [и др.]. Абакан: Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова, 2020. 608 с.

ТРС – Тувинско-русский словарь: около 22 000 слов / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Советская энциклопедия, 1968. 648 с.

Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка: онлайн-версия. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/> (дата обращения: 18.01.2020).

ХРС – Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сѳстїгі: около 22 тыс. слов / авторы-составители: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова – Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова; под общей редакцией О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

ЭСТЯ – Севорян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.

ЭСТЯ – Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2015. 400 с. (Т. I: А-Б). 2-е издание, дополненное.

ЯРС – Якутско-русский словарь. 25 300 слов / под ред. П. А. Слепцова. М.: Советская энциклопедия, 1972. 568 с.

ШРиРШС – Курпешко – Таннагашева Н. Н., Апонькин Ф. Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1993. 153 с.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

А – Халларов А. Акай. Повесть. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1986. 186 с.

Ат – Ах тасхыл. Альманах.

Ат – Татарова В. Аат табызы. Повесть. Абакан: Хакасское книжное издательство. 1991. 176 с.

Асаас – Ах сабдар аттыг Алтын Сейзен. Алыптыг нымах / сост. В. Е. Майногашева. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2010. 163 с.

Аух – Чарков С. Ах Ыўс хазында. Чоохтар. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1994. 176 с.

Ах – Алтын хыс. Хакассские сказки. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1992. 77 с.

Д – Айтматов Ч. Джамиля. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1992. 285 с.

О – Балтыжаков Т. Орис. Повесть. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1964. 67 с.

Ках – Баинов М. Р. Килдiм Ағбан хазынзар. Стихи и поэмы. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1962. 80 с.

Кк – Тиников Н. Кавристің көглері. Повесть. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1977. 101 с.

Кх – Нербышев К. Көгім хорымнарда. Роман. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1983. 243 с.

Кч – Чебодаев М. И. Күргенніг чазы. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1967. 70 с.

Ио – Майнашев В. Ирбен от. Стихтар. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1979. 94 с.

Ит – Иртенгі тан. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1986. 120 с.

Мт – Кобяков В. Мылтых табызы. Хасхыларның унадылған ордызы. Кірөске түзіргені: Чоохтар // Мылтых табызы. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1966. С. 7–32.

Сс – Туран М. Сайалбаан сүрместер. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1972. 32 с.

Сс – Шулбаева В. Сарналбаан сарын. Пьесалар, чоохтар. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1987. 206 с.

Т – Казачинова Г., Халларов А. Той. Чоохтар. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1979. 110 с.

Т – Топоев И. Туғаннар. Чоохтар. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1992. 89 с.

Ткб – Тиников Н., Тіріг кізі өлбечен. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1982. 239 с.

То – Бурнаков Ф. Тигір оды. Повесть. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1977. 138 с.

Тс – Баинов Б. Тас сом. Очерктер. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1967. 82 с.

П – Кильчичаков М. Е. Пьесалар. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1991. 204 с.

По – Писательлер – олганнарға. Кӧглер, чоохтар, нымахтар. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1988. 278 с.

Пт – Туран М. Пай тирек. Повесть. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1981.

Птн – Бурнаков Ф. Пора тай нанчым. Улуғ чоох. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1987. 163 с.

Х – Тюкпиеков Н. Хыстагда. – Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1977. 109 с.

Х – Кильчичаков М. Е. Хулғалар. Пьесалар. Абакан: Хакасское книжное изд-во. 1991. С. 4–44.

Хп – Хара паар. Нымахтар. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1985. 147 с.

Хх – Нербышев К. Хорлана хара суғ. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1972. 98 с.

Хч – Хакас чирі. Халых-чон газетазы.

Хч – Кобяков В., Топанов А. Хызыл чазы. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1982. 252 с.

Хчк – Хакас чирінің кізілері. Очерктер. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1985. 138 с.

Хчн – Хакас чоңының нымахтары. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1986. 128 с.

Ыа – Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда. Роман. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1987. 328 с.

Чкч – Чарых кўнниг чирім. Солнечный мой край: сб-к художественных произведений хакасских авторов / сост.: А. Е. Султреков, Л. В. Челтыгмашева, Н. С. Майнагашева. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2007. 348 с.

Чхі – Кильчичаков М. Е. Чўректе халған істер. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1964.

Чт – Бурнаков Ф. Читон тайма. Чоох. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1972. 128 с.

Чт – Чирім тамырлары. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1982. 157 с.

Чх – Костяков И. Чібек хур. Роман. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд-ва, 1989. 230 с.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

алт. – алтайский

Грамматика – Грамматика хакасского языка

др.-тюрк. – древнетюркский

ед. ч. – единственное число

кирг. – киргизский

монг. – монгольский

мн. ч. – множественное число

ЛСВ – лексико-семантический вариант

ЛСГ – лексико-семантическая группа

им. п. – именительный падеж

род. п. – родительный падеж

дат. п. – дательный падеж

вин. п. – винительный падеж

тоф. – тофаларский

тв. п. – творительный падеж

тув. – тувинский

исх. п. – исходный падеж

напр. п. – направительный падеж

пред. п. – предложный падеж

хак. – хакасский

ФЕ – фразеологическая единица

шор. – шорский

як. – якутский

ЛСГ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

I. ГЛАГОЛЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОЦЕССА (МЫШЛЕНИЯ)

1.1. Идентификатор: сағын- «думать»

1.1.1. Первичные ЛСВ глагола сағын-:

ЛСВ1 «думать, т. е. проявлять способность к умозаключениям на основе отражения окружающей действительности в абстракциях».

ЛСВ2 «считать; иметь своё мнение, точку зрения, как результат своих собственных размышлений».

ЛСВ3 «вспоминать *кого-что-л.*».

ЛСВ4 «мечтать, предаваться воображениям, размышлениям».

1.1.2. Вторичные ЛСВ глагола сағын-:

ЛСВ1 «намереваться, иметь намерение, собираться делать *что-л.*».

ЛСВ2 «заботиться, проявлять заботу *о ком-чем-л.*, беспокоиться».

ЛСВ3 «хотеть, проявлять желание делать *что-л.*».

ЛСВ4 «скучать, тосковать *о ком/чём-л.*».

1.1.3. Сложные глаголы, построенные по типу «сағын- «думать» + вспомогательный глагол».

сағын кил- «вспоминать».

сағын сал- в ЛСВ1 «задумать».

сағын сал- в ЛСВ2 «по думать».

сағын тап- в ЛСВ1 «придумать».

сағын тап- в ЛСВ2 «отгадывать».

сағынып ал- в ЛСВ1 «придумать».

сағынып ал- в ЛСВ2 «задумать».
сағын кбр- «пробовать думать».
сағын сых- «начинать думать».
сағын тур- «думать (продолжительное время)».
сағын чбр- «думать (продолжительное время)».
сағынып одыр- «думать (продолжительное время)».
сағын пар- «соскучиться».
ит- в ЛСВ «думать, делать выводы».

1.2. Глаголы с общим значением понимания

оцна- в ЛСВ «понимать».
оцна- в ЛСВ2 «постигать».
оцна- в ЛСВ3 «уметь».
оцар- в ЛСВ1 «понимать».
оцар- в ЛСВ2 «улавливать, понимать смысл *чего-л.* с некоторым трудом».
оцар- в ЛСВ3 «соображать (с трудом стараясь постичь умом окружающее)».
оцар- в ЛСВ «сознавать, осознавать (понимать *что-л.*, убедившись в истине, правильно оценивая происходящее)».
сис- в ЛСВ «понимать».
сизін- в ЛСВ «понимать».
ух-шор. в ЛСВ «понимать» соотв. литературному глаголу **оцна-**.
піл- в ЛСВ «понимать» .
пілін- в ЛСВ «понимать».
піліс- в ЛСВ «понимать друг друга».
піл пол- «понимать».
піліп ал- «понимать»

1.3. Глаголы со значением внимания и сосредоточенности

сизін- в ЛСВ1 «заметить».

сизіктен- в ЛСВ «проявлять бдительность, осторожность; остерегаться *чегө-л.*; тайга – тасхылда сизіктен чөрерге кирек в тайге нужно быть бдительным (осторожным)» [ХРС, 2006, с. 463].

сис- в ЛСВ «заметить».

сис хап- в ЛСВ «заметить; *букв.* схватить внимание».

оңна- в ЛСВ «замечать», обычно в отриц. форме: не заметить.

хабын- в ЛСВ1 «опомниться, внезапно заметить, понять ошибку, упущение».

хайыг сал- (айландыр-) «обращать внимание».

хайыг тарт- «привлечь внимание (*букв.* притягивать внимание)».

сиргектен- «настораживаться; быть внимательным, чутким, зорким».

сынчыла- «внимательно присматриваться, приглядываться к *кому-л.*; ср. *сынирга*; *наа тогысчыны сынчылирға* присматриваться к новому работнику (в коллективе)» [ХРС, 2006, с. 554].

сына- в ЛСВ «внимательно присматриваться, приглядываться; чаще употребляется в сочетании с глаголом **көр-** «смотреть».

тыңнан- «прислушиваться».

ситкі- «внимать, быть внимательным; замечать, обращать внимание; чаще употребляется в форме деепричастия».

1.4. Глаголы со значением догадливости

сизік тарт- «проявлять сообразительность, догадливость; *букв.* внимание притягивать».

сизік хап- «проявлять сообразительность, догадливость; *букв.* внимание схватить».

сизін- в ЛСВ «догадываться».

сизіктен- в ЛСВ «догадываться, чувствовать предстоящие события».

сизірке- в ЛСВ «догадываться, смекнуть».

хабын- в ЛСВ2 «догадаться».

хабын- в ЛСВЗ «спохватиться, быстро сообразить, смекнуть».

оңарыл- в ЛСВ «разглядеть, обнаружить, понять в результате долгих размышлений суть *чего-л.*, обычно отрицательного в личном, бытовом плане».

сис хап- в ЛСВ «догадаться, смекнуть; *букв.* схватить внимание».

1.5. Глаголы со значением проявления интуиции

сизін- в ЛСВ «чувствовать, предчувствовать».

сизін- в ЛСВ «чуять (*о животных*)».

сизірке- в ЛСВ «чувствовать, ощущать».

сис- в ЛСВ «чувствовать, предчувствовать».

1.6. Глаголы со значением разгадывания

сис- в ЛСВ «разгадывать, отгадывать *что-л.*; *сиспекті сизерге* отгадывать загадку; *сӱспекті сизерге* разгадывать смысл пословицы».

1.7. Глаголы со значением контроля (проверки)

сыныхта- / сынчыхта- в ЛСВ «проверять».

сыныхта- / сынчыхта- в ЛСВ «контролировать».

сыныхта- / сынчыхта- в ЛСВ «обследовать».

сына- в ЛСВ «испытывать *кого-что-л.*; пробовать *что-л.* сделать».

сына- в ЛСВ «проверять».

хайыҥда тут- «держат на контроле».

II. ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ (ЗНАНИЯ)

2.1. Идентификатор – піл- «знать»

піл- в ЛСВ1 «знать *что-л.*, обладать знаниями» идентифицируется в объектном отношении.

піл- в ЛСВ2 «уметь делать *что-л.*».

піл- в ЛСВ3 «знать *кого-л.*, быть знакомым с *кем-л.*». *Мин Нагтың ээзін чахсы пілчем* – Я хорошо знаю хозяина Нага.

піл- в ЛСВ4 «понимать *что-л.*».

піл- в ЛСВ5 «помнить / не помнить произошедшее событие / ситуацию».

2.1.1. Глаголы, производные от піл- «знать»:

пілін- в ЛСВ «осознавать какую-либо ситуацию, делать выводы для себя».

пілін- в ЛСВ «чувствовать, осознавать себя *кем-л.*».

піліс- в ЛСВ «понимать друг друга; букв. знаясь с *кем-л.*»:

піліп ал- «узнать».

піл- в ЛСВ «уметь *что-л.* делать».

2.2. Глаголы со значением мнения

сана- «считать».

санал- «считаться».

сана + лар «считают».

сағын- в ЛСВ «считать, иметь своё мнение, точку зрения, как результат своих собственных размышлений».

кёр- в ЛСВ «находить, считать *кем-чем-л.*, принимать за *кого-л.*».

2.3. Глагольные средства, обозначающие операции памяти

а) глаголы со значением запоминания *какой-л.* информации:

сағын сал- в ЛСВ «запомнить»;

б) глаголы со значением хранения в памяти *какой-л.* информации, знаний:

сағын чёр- «помнить; *букв.* ходить и думать»,

сағыста тут- «помнить, не забывать; *букв.* держать в мыслях»,

піл- в ЛСВ «помнить / не помнить произошедшее событие / ситуацию»,

оңна- в ЛСВ «помнить».

в) глаголы со значением извлечения *какой-л.* информации из памяти

сағын кил- «вспомнить»,

сағысха кір- «вспоминаться; *букв.* входить в мысли»,

сағын- в ЛСВ «вспоминать»,

ада- в ЛСВ «вспоминать»,

сизін- в ЛСВ «спохватиться, внезапно вспомнить упущенное»,

хабын- в ЛСВ «спохватиться, внезапно вспомнить забытое»;

г) глаголы со значением утраты в памяти какой-либо информации:

унду- «забывать»,

сағыс хызырыл- «ослабевать память; *букв.* мысли сокращаются (уменьшаются)»,

сағыс алчааста- «запомнить, быть забывчивым; *букв.* мыслями ошибаться»,

сағыстаң индеет- «терять память; *букв.* мыслями опускаться»,

сағыс чідір- в ЛСВ «лишиться разума, рассудка; *букв.* терять мысли»,

сағыс чідір- в ЛСВ «терять сознание; *букв.* терять мысли»,

сағыс сых- в ЛСВ «тупеть, становится слабоумным, забывчивым, утрачивать способность соображать; *букв.* мысли выходят»,

сағыс сых- в ЛСВ «утрачивать способность соображать; *букв.* выходить мысли»,

сағыс тарат- в ЛСВ «отвлекаться от тяжелых мыслей; *букв.* распространять мысли»,

сағыс тарат- в сочетании с объективной позицией в ЛСВ «пропагандировать какую-либо идею»;

д) глаголы с общим значением «пополнять (или восстанавливать) в памяти какую-л. информацию»:

сағыс (сағыс-көгіс) алғыт- «расширять кругозор; *букв.* расширять мысли»,

сағысха түс- «задумываться; *букв.* спускаться в мысли»,

сағысха тартыл- «задумываться; склоняться к какой-либо мысли, принимать решение; *букв.* тянуться к мысли»,

сағыс (в притяж. форме) **чит-** «додумываться; *букв.* мысли доходить»,

сағыс тут- «намереваться делать что-л.»;

е) глаголы со значением выхода из состояния потери памяти:

пілін- в ЛСВ «опомниться, приходит в себя (в сознание), очнуться после полной потери сознания»,

пілін- в ЛСВ «опомниться после *какого-л.* забывтья, отвлечения»,

сағыс алын- в ЛСВ «прийти в себя, опомниться, собраться с мыслями»,

сағыс алын- в ЛСВ «одуматься; *букв.* брать [на себя] мысли»,

сағыс хабын- в ЛСВ «прийти в себя, опомниться, собраться с мыслями,

сағыс хабын- в ЛСВ «одуматься; *букв.* хватать [на себя] мысли (*букв.* хвататься за мысли)»,

оңарыл- в ЛСВ «опомниться, очнуться, выходить из забывтья, состояния беспамятства»,

оңарыл- в ЛСВ «прийти в себя, выходить из одурманенного (*заги* пнотизированного) состояния»,

оңарын- «опомниться, очнуться, выходить из забывтья, состояния беспамятства»,

сизін- в ЛСВ «спо хватиться»,

пілін- в ЛСВ «опомниться, приходит в себя (в сознание), очнуться»,

пілін- в ЛСВ «опомниться после *какого-л.* забывтья, отвлечения».

СПИСОК
МНОГОЗНАЧНЫХ ГЛАГОЛОВ И ФЕ

ит- «1) делать; 2) строить, сооружать; 3) думать, делать выводы».

кбр- «1) смотреть, видеть; 2) ухаживать, присматривать за кем-л.; 3) испытывать, переживать что-л.; 4) находить, считать».

оцар- «1) понимать; 2) улавливать, понимать смысл чего-л. с некоторым трудом; 3) соображать (понимать что-л., с трудом стараясь постичь окружающее); 4) сознавать, осознавать (понимать что-л., убедившись в истине или поняв её, отдавая себе отчёт в чём-л., правильно оценивая происходящее)».

оцарыл- «1) «опомниться, очнуться из забвения, состояния беспамящества; 2) прийти в себя, выходить из одурманенного (загипнотизированного) состояния; 3) понять, разглядеть, обнаружить, доходить умом до сути (обычно отрицательного в личном, бытовом плане)».

оцна- «1) понимать; 2) постигать; 3) помнить; 4) замечать; 5) уметь».

паары ачы- «1) испытывать тревогу, беспокойство, душевные страдания; 2) жалеть (сочувствовать) кому-л.; букв. печень саднит».

піл- «1) знать что-л.; владеть знанием / информацией; 2) уметь делать что-л., иметь навык к чему-л.; 3) понимать; 4) помнить; 5) знать кого-л., быть знакомым с кем-л.; в отриц. форме: не признавать».

пілін- возвр. от **піл-** «1) чувствовать, осознавать себя; 2) понимать себя; 3) осознавать какую-л. ситуацию, делать выводы для себя; 4) опомниться, приходиться в себя (в сознание), очнуться после полной потери сознания; 5) опомниться после какого-л. забвения, отвлечения».

піліс- *взаимн.* от **піл-** «1) понимать друг друга; 2) быть знакомым, знать друг друга».

полга- «1) замечать, примечать что-л.; 2) быстро схватывать, понимать, предугадывать» [ХРС, 2006, с. 377].

сағын-: первичные ЛСВ: 1) думать, т. е. проявлять способность к умозаключениям на основе отражения окружающей действительности в абстракциях; 2) считать; иметь [своё] мнение, точку зрения, как результат своих собственных размышлений; 3) вспоминать кого-что-л.; 4) мечтать,

предаваться воображениям, размышлениям; **вторичные ЛСВ:** 1) намереваться, иметь намерение, собираться делать *что-л.*; 2) заботиться, проявлять заботу *о ком-чём-л.*, беспокоиться; 3) хотеть, проявлять желание делать *что-л.*; 4) скучать, тосковать *о ком/чём-л.*

сағын сал- «1) задумать; 2) подумать; 3) запомнить».

сағын тап- «1) придумать; 2) отгадывать».

сағынып ал- «1) придумать; 2) задумать».

сағыс алын- «1) восстанавливать в памяти; 2) прийти в себя, опомниться; 3) собраться с мыслями; 4) одуматься; *букв.* брать [на себя] мысли».

сағыс сых- «1) становиться забывчивым; 2) утрачивать способность мыслить, соображать; 3) быть в сильном эмоциональном состоянии, напр., сильно удивляться, поражаться, испугаться; *букв.* мысли выходят».

сағыс тарат- «1) отвлекаться от тяжелых мыслей; 2) пропагандировать *какую-л.* идею».

сағыс хабын- «1) восстанавливать в памяти; 2) прийти в себя, опомниться, собраться с мыслями; 3) одуматься; *букв.* хватать [на себя] мысли».

сағыста тут- «1) держать в мыслях; 2) помнить, не забывать; 3) намереваться; *букв.* держать в мыслях».

сағыста хал- «1) оставаться в памяти, держать в памяти; *букв.* оставаться в мыслях»; 2) помнить».

сағыс чідір- «1) лишиться разума, рассудка; 2) терять сознание; *букв.* терять мысли».

сизіктен- «1) быть осторожным, бдительным, остерегаться; 2) догадываться; 3) чують (*чаще о животных*)».

сизік тарт- «1) догадываться, быть сообразительным; 2) замечать, быть внимательным; *букв.* внимание притягивать».

сизін- «1) заметить; 2) чувствовать, предчувствовать, предугадывать; 3) чують (о животных); 4) понимать; 5) спохватиться, внезапно вспомнить упущенное; 6) чувствовать; 7) догадываться; 8) с показателем понудительного залога **-дір-** предостерегать; 9) с показателем понудительного залога **-дір** предупредить».

сизірке- «1) ощущать, чувствовать; 2) осознавать; 3) догадываться». **сизіркеп көрерге** смотреть внимательно (*о чем-л.* догадываясь).

сис- «1) чувствовать, предчувствовать; 2) понимать; 3) разгадывать, отгадывать; 4) замечать».

сис хап- «1) заметить; 2) догадаться, смекнуть; *букв.* схватить внимание».

сына- «1) испытывать; 2) проверять; 3) внимательно присматриваться, приглядываться; 3) пробовать сделать *что-л.*».

сыныхта- «1) проверять, контролировать; 2) обследовать».

ух- шор.» 1) понимать, догадываться; 2) слышать».

ўгрен- «1) учиться; 2) получать образование; 3) привыкать *к кому-чему-л.*, приобщаться *к чему-л.*»).

хабын- «*возвр. от хап* 1) хвататься, цепляться за что-л.; 2) *перен.* спохватиться, внезапно вспомнить забытое; 3) догадываться, быстро сообразить, смекнуть; 4) опомниться, внезапно заметить, понять ошибку, упущение».

Научное издание

М. Д. Чертыкова

МЕНТАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Редактор М. Е. Кулишкина
Компьютерное обеспечение Ю. С. Танбаевой

Подписано в печать _____, 2021. Формат 60 × 84 1/16.
Гарнитура Times New Roman. Печать – ризограф. Бумага офсетная.
Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 9,3.
Тираж 50 экз. Заказ № _____.

Издательство ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова»
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 90а, тел. 22-51-13; e-mail: izdat@khsu.ru